

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ НАУКА

НАУЧНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

**Сборник научных трудов
по материалам I Международной
научно-практической конференции**

**ФИЛОЛОГИЯ И ЛИНГВИСТИКА:
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ**

25 февраля 2016 г.

Нижний Новгород
www.scipro.ru

УДК 8
ББК 80/83

Ф 51

Редакторы:
Н.А. Краснова, Т.Н. Плесканюк

Филология и лингвистика: современные тенденции и перспективы исследования: сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции 25 февраля 2016 г. Нижний Новгород: НОО «Профессиональная наука», 2016. 94 с.

ISBN: 978-5-00-005561-6

В сборнике научных трудов рассматриваются проблемные вопросы по всем направлениям филологической науки научных сотрудников России и зарубежных стран по материалам научно-практической конференции «Филология и лингвистика: современные тенденции и перспективы исследования» (25 февраля 2016 г.)

Сборник предназначен для научных и педагогических работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

Все статьи, включенные в сборник, прошли научное рецензирование и опубликованы в том виде, в котором они были представлены авторами. За содержание статей ответственность несут авторы.

Информация об опубликованных статьях предоставлена в систему Российского индекса научного цитирования – **РИНЦ** по договору № 2819-10/2015К от 14.10.2015 г.

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайтах <http://www.scipro.ru> и <http://www.libex.ru/>.

УДК 8
ББК 80/83

ISBN: 978-5-00-005561-6

Редакторы Н.А. Краснова,
Т.Н. Плесканюк, 2016

Коллектив авторов, 2016

Индивидуальный предприниматель
Краснова Н.А., 2016

Оглавление

СЕКЦИЯ Литературоведение	5
Фирсова Анна Михайловна, Иткулов Сергей Зуфарович	
ПОЭЗИЯ КОЗЬМЫ ПРУТКОВА КАК ФЕНОМЕН ФИЛОСОФСКОГО НОНСЕНСА XIX ВЕКА	5
СЕКЦИЯ Литература народов стран зарубежья.....	9
Ветошкина Галина Александровна	
ПРОФИЛЬ БАБОЧКИ НА ФОНЕ ВОЛН: СЕМАНТИКА МЕРЦАЮЩЕГО ПРОСТРАНСТВА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА В. ВУЛФ «ВОЛНЫ»).....	9
Зонина Нина Владимировна	
ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ РОЛИ «МАСКИ» В АНГЛИЙСКОЙ ДРАМАТУРГИИ НАЧАЛА ХУ11 ВЕКА	13
Саракаева Элина Алиевна, Лебедева Ирэна Валерьевна	
СИМВОЛИЗМ И СЮЖЕТНЫЕ ФУНКЦИИ СНОВ В СРЕДНЕВЕКОВОМ ГЕРМАНСКОМ ЭПОСЕ «ПЕСНЬ О НИБЕЛУНГАХ» 17	
СЕКЦИЯ Языкознание.....	26
Ессина Ирина Юрьевна, Протасова Надежда Александровна	
ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ДЛЯ ПРАВИЛЬНОГО ПОНИМАНИЯ И ПЕРЕВОДА	26
Ефанова Мария Анатольевна	
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «СВЕТ/LIGHT» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ч. ДИККЕНСА	30
Перепечкина Светлана Евгеньевна	
К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ.33	
Твердохлеб Ольга Геннадьевна	
ЭВФЕМИЗМЫ В СФЕРЕ РЕЛИГИОЗНОГО КУЛЬТА.....	38
Чиковани Татьяна Владимировна	
КОГНИТИВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПРАВОСЛАВНОГО ПРОПОВЕДНИКА (НА ПРИМЕРЕ ПРОПОВЕДИ СВЯТИТЕЛЯ ЛУКИ ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКОГО)	40
Юдин Денис Николаевич	
АКТУАЛЬНОСТЬ ПОНЯТИЯ РЕЧЕВОЙ ПРОВОКАЦИИ ДЛЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ И ЛИНГВО-ЭКСПЕРТНОЙ ПРАКТИКИ.....	45
СЕКЦИЯ Русский язык.....	50
Андреева Елена Сергеевна	
РАЗГОВОРНО-БЫТОВАЯ ЛЕКСИКА С СУФФИКСАМИ ОЦЕНКИ -ЕНЬК- (-ОНЬК-) В ЛИЧНЫХ ПИСЬМАХ Г. В. ЧИЧЕРИНА, А. М. КОЛЛОТАЙ, А. В. ЛУНАЧАРСКОГО.....	50
Винокурова Ирина Юрьевна	
ВЫРАЖЕНИЕ АСПЕКТУАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ НА УРОВНЕ КОНТЕКСТА	54

СЕКЦИЯ Языки народов Российской Федерации	59
Дубинец Зореслава Александровна	
НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ.....	59
СЕКЦИЯ Германские языки	63
Зотеева Татьяна Сергеевна	
ФАКТОР ВЕЖЛИВОСТИ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ КОСВЕННЫХ ПРОСЬБ	63
Кононова Светлана Юрьевна	
ТЕМПЕРАТУРНЫЕ ЯВЛЕНИЯ КАК ЧАСТЬ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА: КЛАССИФИКАЦИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ С ТЕМПЕРАТУРНЫМИ КОННОТАЦИЯМИ В ШВЕДСКОМ ЯЗЫКЕ	65
СЕКЦИЯ Романские языки	69
Мартынова Наталья Петровна	
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ «РОЖДЕСТВО В ВИКТОРИАНСКУЮ ЭПОХУ»	69
Секция Теория языка.....	73
Воскобойникова Людмила Петровна	
РАЗЛИЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТА.....	73
СЕКЦИЯ Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание	78
Градская Татьяна Вячеславовна	
СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АНГЛИЙСКИХ КОМИТАТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ	78
Загидуллина Рината Робертовна, Безуглова Ольга Андреевна	
ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ГОЛОФРАСТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДЖЕКА КЕРУАКА «ON THE ROAD» И «THE DHARMA BUMS»).....	85
Олейник Роман Валерьевич	
К ВОПРОСУ О СВОЙСТВАХ СЕМАНТИЧЕСКИ УНИКАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ	88
Степанова Елизавета Дмитриевна	
СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГЛАГОЛОВ СОХРАНЕНИЯ В СФЕРЕ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО, НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)	90

ПОЭЗИЯ КОЗЬМЫ ПРУТКОВА КАК ФЕНОМЕН ФИЛОСОФСКОГО НОНСЕНСА XIX ВЕКА

Фирсова Анна Михайловна, Иткулов Сергей Зуфарович

ГБОУ ДПО «Нижегородский институт развития образования»
ФГБОУ ВПО «Ивановская ГСХА имени академика Д. К. Беляева»
rary-anna@mail.ru, italian.sergey79@mail.ru

POETRY OF COZMA PRUTKOV AS A PHENOMENON PHILOSOPHICAL NONSENSE XIX CENTURY

Firsova Anna Mikhailovna, Itkulov Sergey Zufarovitch

GBOU DPO "Nizhniy Novgorod Institute of Education Development".
FSEI NPE «Ivanovo state agricultural Academy named after academician D. K. Belyaev»

Аннотация

В статье проводится литературоведческий и лингвокультурологический анализ поэзии Козьмы Пруткова как феномена философского нонсенса XIX-го века, рассматриваются аналогии с поэтическими произведениями английской литературы «нонсенса», приводятся выводы о «зеркальности» и бесконечности смыслов и бессмыслицы в поэтическом контексте эпохи.

Ключевые слова: поэзия, Козьма Прутков, нонсенс

Abstract

In the article the analysis of literary and poetry Prutkov as a phenomenon of philosophical nonsense XIX-th century, are considered similar to the poetic works of English literature "nonsense", given the findings on "mirror" and the infinity of meaning and nonsense poetry in the context of the era.

Key words: poetry, Kozma Prutkov, nonsense

Поэтическое творчество Козьмы Пруткова вызывает непроходящий интерес читателей на протяжении многих десятилетий. Долгие годы данный автор характеризовался как «чиновник от поэзии», как тупой, самодовольный и ограниченный графоман, претендующий на талант. Однако возникает парадокс: «тупой и ограниченный графоман» в отличие от многих современников необычайно популярен и часто цитируем, а его единственная книга недавно отметила свое 130-летие (первое издание полного собрания сочинений Козьмы Пруткова вышло в 1884 году). Лишь в конце XX века появляются исследования, рассматривающие творчество Козьмы Пруткова с новой стороны – как поэта-философа, и не просто философа, а представителя такого сложного явления, как философский нонсенс.

В монографии «Александр Блок и русские писатели» З. Г. Минц указывает, что нонсенс-поэзия «обесценивает, представляет «галиматьей» всё то, что догматическое мышление стремится изобразить в виде бесспорных абсолютных ценностей» [1]. Суть нонсенса в разрушении канона, в преодолении автоматизма мышления и поведения. Основной в нонсенсе является антитеза идеального мира *как имеющего смысл* (и одновременно гармонического) и обыденного как *бессмысленного* (и одновременно хаотического).

Нонсенс сознательно обращает мир в хаос – именно для того, чтобы прийти к космосу. Однако русская нонсенс-поэзия XIX-го века существенно отличается от существовавшей в то же время нонсенс-поэзии английской. Например, произведения Эдварда Лира построены по принципу игры, и во многом сориентированы на восприятие

ребенка. Именно это и становится одной из важных составляющих нонсенс-поэзии – умение смотреть на мир свежим, незамутненным взглядом – взглядом ребенка.

Ориентация на детство делает игру одним из самых важных элементов нонсенса, а порой даже само это явление превращает в игру. Игра, в данном случае, является и своего рода организующим элементом, так как требует определенных правил. И персонажи Лиры действуют по определенным правилам игры: живут на верхушках деревьев, плывут по морю верхом на гусе, пляшут кадрили с воронами, едят тарелки, краски, кашу, заправленную мышами – словом, ведут себя как истинные безумцы. Здесь вступает в силу традиционный романтический конфликт героя и общества.

По этой причине зачастую в лимериках Э. Лиры фигурируют второстепенные персонажи, которых автор неизменно обозначает неопределенно-личным местоимением «they» (они). Это мрачные, враждебные люди, которые нападают на чудаков, издеваются над ними, изгоняют их из общества. Таким образом, в произведениях Э. Лиры мы наблюдаем безумного героя в здравомыслящем обществе, которое, на поверку, не менее безумно, так что это герой выступает как единственный мудрец.

Нонсенс-поэзия Козьмы Пруткова носит иной характер. О. Дашевская пишет: «Поэтика нонсенса в произведениях русских философов-художников существенно трансформируется. Это литература не для детей и не для того, чтобы взрослые почувствовали себя детьми».[2] Русская нонсенс-поэзия направлена на состояние мира в целом, это общество, где все безумно изначально.

В связи с этим любопытно обратиться к басням Козьмы Пруткова. А. Ф. Захаркин отмечает: «Сановная самоуверенность и глупость Пруткова раскрываются с предельной полнотой в его баснях». [3] Но так ли уж глупы эти басни? На первый взгляд, эти произведения откровенно нелепы: помещик беседует с цаплей и завидует ей; кондуктор убивает таранула за неуплату; становой желает стать горлицей; помещик хватается за пятки, так как у него болит затылок. Мораль в каждой басне никак не мотивирована сюжетом.

Но, как пишет В. И. Новиков, «подобный эффект и предусматривается поэтикой нонсенса. Читателя надо сбить с толку, увести его с привычной дороги. Зачем? Для того, чтобы помочь раскрепоститься, преодолеть автоматизм мышления и поведения». [4]

Особого внимания заслуживает басня «Звезда и брюхо». В этой басне брюхо ворчит на хозяина, который постится и не ест до первой звезды. На небе появляется звезда, однако, она падает в болото.

Поскольку другой звезды на небе не оказалось, брюхо осталось голодным. Здесь использован характерный для нонсенса прием «разъединения неразрывного» (особенно ярко этот прием проявился в повести Н. Гоголя «Нос» и повести Л. Кэрролла «Алиса в Стране чудес», где героиня собирается посылать подарки ногам). Здесь мы наблюдаем то же самое: брюхо как бы отделено от хозяина и живет самостоятельной жизнью. Однако смысл басни не сводится только к этой веселой нелепости. Мораль, которая по размеру не слишком отличается от басни, гласит следующее:

Читатель! Басня эта
Нас учит не давать без крайности обета
Поститься до звезды,
Чтоб не нажить себе беды.
Но если уж пришло тебе хотенье
Поститься для душеспасенья,
То мой совет
(Я говорю из дружбы):
Спасайся, слова нет!
Но главное: не отставай от службы!
Начальство, день и ночь, пекущееся о нас,
Коли сумеешь ты прийти к нему по нраву,

Тебя, конечно, в добрый час
Представит к ордену святого Станислава.
Из смертных не один уж в жизни испытал,
Как награждают нрав почтительный и скромный.
Тогда – в день постный, в день скоромный –
Сам, будучи степенный генерал,
Ты можешь быть и с бодрым духом,
И с сытым брюхом!
Ибо' кто ж запретит тебе всегда, везде
Быть при звезде?

Можно заметить, что шуточный тон морали (быть при орденской звезде, чтобы не поститься) является всего лишь ширмой для серьезных философских размышлений: желание, во что бы то ни стало получить чин – не безумие ли это? Однако безумным становится не просто желание чина, но и желание его греховной *бессмысленности*. Басни Козьмы Пруткова отражают безумие окружающего мира (пусть и в несколько кривом зеркале), где жизнь подчиняется, хотя и строгим, но нелепым законам.

В то же время автор показывает, что данные законы созданы *людьми* и для *людей*, а мир, созданный *Богом*, изначально разумен. В этом отношении поэзия Пруткова перекликается с философией Ф. В. Й. Шеллинга, в трудах которого возникает представление о первоначально едином, но распавшемся и потому нуждающемся в «собрании» мире: «Необходимо, чтобы в первообразной природе, или в Боге, все вещи, поскольку они свободны от условий времени, были значительно прекраснее и совершеннее, чем они суть сами по себе». [5] В этом отношении интерес представляет стихотворение «Я встал однажды рано утром...»:

Я встал однажды рано утром,
Сидел впросонках у окна;
Река играла перламутром,
Была мне мельница видна,
И мне казалось, что колеса
Напрасно мельнице даны,
Что ей, стоящей возле плеса
Приличней были бы штаны.
Вошел отшельник. Велегласно
И неожиданно он рек:
«О ты, что в горести напрасно
На Бога ропщешь человек!»
Он говорил, я прослезился,
Стал утешать меня старик...
Морозной пылью серебрился
Его бобровый воротник.

На первый взгляд, стихотворение кажется вызывающе нелепым, а последние строчки, представляющие собой неточную и довольно неожиданную реминисценцию пушкинских стихов из романа «Евгений Онегин», в данном контексте смысла вообще не имеют.

Они вставлены «для шутки» (ср.: «Читатель! В басне сей, откинув незабудки, здесь помещенные для шутки..»). Но если вчитаться повнимательнее, можно проследить всю ту же мысль о разумности всего созданного. Лирический герой пытается устроить жизнь по нелепым законам – дать мельнице штаны вместо колес. Однако некий отшельник внушает, что мир устроен разумно и гармонично, поэтому нет смысла роптать на Бога.

В то же время, как справедливо указывает В. Новиков, произведения Пруткова показывают, что «жизнь бесконечно свободна, разнообразна в своих проявлениях и невозможно выявить общие закономерности». [6]

Например, исследователи неоднократно отмечали, что в заглавия прутковских басен вынесены понятия, не связанные друг с другом: «Кондуктор и тарантул», «Попадья и червяк», «Цапля и беговые дрожки». Здесь использован прием, впоследствии получивший название «бином фантазии». Суть этого приема в следующем: берутся два, на первый взгляд, несопоставимых понятия и придумывается история. «Бином фантазии» показывает, что в мире нет ничего случайного, всё едино и взаимосвязано. Эта концепция восходит к трудам Новалиса, который рассматривает тождество человека и природы, и как процесс отчуждения человеком себя от себя (превращение духовной субстанции в материальную), и как процесс отчуждения природы от природы, превращение ее в противоположную субстанцию – духовную субстанцию человека. Тождество субъекта и природы дает новый продукт – одухотворённую природу и природного (т. е. слитого с природой) человека. [7]

О бесконечном разнообразии жизни говорят и стихи Пруткина, где нет ничего застывшего и неподвижного, всё находится в непрерывном движении, образы сменяют друг друга, как в калейдоскопе. Такова, например, баллада «Разочарование». Лирический герой ведет разговор с хозяйкиной дочерью Маланьей, причем разговор этот представляется довольно странным:

Я иду за нею следом,
Выхожу я также в сенцы;
Вижу: дочка на веревке
Расстилает полотенцы.

Говорю я ей с упреком:
«Что ты мыла? Не жилет ли?
И зачем на нем не шелком,
Ниткой ты подшила петли?»

На первый взгляд вопрос героя нелеп: ведь он видит, что развешаны «полотенцы», однако называет их жилетом. Можно подумать, что это какая-то игра, так как Маланья вступает в диалог:

А Маланья, обернувшись,
Мне со смехом отвечала:
«Ну так что ж, коли не шелком?
Я при вас ведь подшивала!»

Подобные «открытия» можно наблюдать и далее: тесто для каравая именуется «творогом», а петрушка «грибом». Герой в данном случае не ищет привычных ассоциаций, он стремится разрушить привычные представления о вещах. Для чего? Чтобы преодолеть автоматизм мышления и поведения. Ведь мир в прутковских произведениях находится в конфликте с самим собой, и данные произведения подводят к мысли: либо все люди без исключения безумны изначально, либо безумна окружающая их реальность, и странная реакция на нее всех людей, в сущности, вполне адекватна [8].

В итоге размышлений о нонсенс-поэзии Пруткина можно сделать вывод, что прутковские «бессмыслицы» - не графоманские изыскания, а средство открытия новой, более глубокой гармонии жизни через ее противоречия. Но при этом нельзя не отметить следующую особенность – если нонсенс является путем открытия нового смысла, то здравый смысл в такой же степени может стать путем открытия новой бессмыслицы. Как справедливо заметил Г. Кружков, «эти вещи зеркальны»[9], и поэтому – бесконечны.

Библиографический список

1. Минц, З. Г. Александр Блок и русские писатели / З. Г. Минц. - СПб., 2000. - С. 393.
2. Дашевская, О. А. Поэтика нонсенса в философском дискурсе: шуточные произведения В. Соловьева и «Новейший плутарх» Д. Андреева [Электронный ресурс]// Вестник ТГПУ. 2011. №7//URL://
http://vestnik.tspu.edu.ru/files/vestnik/PDF/articles/dashevskaya_o._a._148_154_7_109_2011.pdf

3. Захаркин, А. Ф. Русские поэты второй половины XIX века / А. Ф. Захаркин. - М., 1975. - С. 170.
4. Новиков, В. И. Кто такой Козьма Прутков? / В. И. Новиков // Октябрь. - 1984. № 3. - С. 197.
5. Шеллинг, Ф. В. Й. Бруно или о божественном и природном начале вещей: Беседа / Ф. В. Й Шеллинг, 2 т. - М., 1987. - Т. 1. - С. 495.
6. Новиков, В. И. Книга о пародии / В. И. Новиков. - М., 1989. - С. 214.
7. Габитова, Р. М. Философия немецкого романтизма (Фр. Шлегель, Новалис) / Р. М. Габитова. - М., 1978. - С. 210.
8. Фирсова, А. М. Культурно-семиотическая взаимосвязь мифологического сознания и языка как коммуникативных систем / А. М. Фирсова // Приволжский научный журнал. - 2008. - № 3. - С. 121.
9. Кружков, Г. М. Пляшущие, плавающие и плачущие человечки / Г. М. Кружков // Книга NONсенса. - М., 2000. - С. 6

СЕКЦИЯ Литература народов стран зарубежья

УДК 82.091

ПРОФИЛЬ БАБОЧКИ НА ФОНЕ ВОЛН: СЕМАНТИКА МЕРЦАЮЩЕГО ПРОСТРАНСТВА

(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА В. ВУЛФ «ВОЛНЫ»)

Ветошкина Галина Александровна

Кубанский государственный университет

galkavetoshka@yandex.ru

THE PROFILE OF A BUTTERFLY ON A BACKGROUND OF WAVES: THE SEMANTICS OF SHIMMERING SPACE (ON THE MATERIAL OF V. WOOLF'S "THE WAVES")

Vetoshkina Galina Aleksandrovna

Kuban state University

Аннотация

Данная статья посвящена исследованию творчества В. Вулф. В статье затрагиваются аспекты структуры текста, анализируются особенности его организации. Объекты исследования – поэтика текста, в частности его мотивная структура. Задача статьи: на примере образа Роды рассмотреть особенности поэтики позднего творчества В. Вулф, поэтику «поэтического романа».

Ключевые слова: поэтика, мотивная структура, семантика, парадигма образа, «поэтический роман», модернизм, фабула, мотив, символ, герой, поток сознания, ассоциативный ряд, аллюзии

Abstract

This article is devoted to the study of works of V. wolf. The article addresses some aspects of the structure of the text, analyzes the peculiarities of its organization. The objects of research – the poetics of the text, in particular its motivic structure. The objective of the article: the case of the image of Childbirth to consider the poetics of the late work of V. Woolf, the poetry "poetic novel".

Key words: poetics, motivic structure, the semantics, the paradigm of the image, "poetic novel", modernism, plot, motif, symbol, character, stream of consciousness, associative array, allusions

«Волны» - один из самых необычных по стилистике роман классика английского модернизма В. Вулф. На протяжении всей жизни она стремилась к радикальному обновлению

традиционной модели повествования, считая, что ушло время «романа среды и характеров» с типичными для него социально-психологическим конфликтами, тщательно выписанным фоном действий и неспешным разворачиванием интриги. «Новая точка зрения в литературе» означала для нее стремление и умение передать жизнь души в её спонтанности и спутанности, вместе с тем достигая внутренней целостности, как в отношении персонажей, так и всей картины мира, который запечатлен без ретуши, таким, каким его видят и осознают герои.

Приступая к работе над романом, В. Вулф характеризовала его в дневнике как «очень серьезное, мистическое, поэтическое произведение» [1, 138]. Она пишет о нем как о новом типе повествования («Кажется, это будет новый этап, новый шаг» [1, 139]), максимально приближенном к поэзии: «...поэтическая идея; идея некоего постоянного потока; не только человеческая мысль течет, но все течет – ночь, корабль, и все сплывается воедино, и поток разрастается, когда налетают яркие бабочки» [1, 138].

В романе «Волны» шесть персонажей: Бернард (основной повествователь), Невил, Луис, Сьюзен, Джинни и Рода (Персивала мы не включаем в этот ряд, поскольку он «молчаливый» герой, больше символ, чем живое «сознание»). Автор знакомит нас с героями на заре их жизни (все они были соседями по дому, стоявшему на морском берегу), показывает взросление, зрелость и закат их судеб. Реконструкция сознания героев произведена исключительно через «потоки сознания» каждого из персонажей. Их монологи сближены ассоциативными связями, повторяющимися метафорами, отзвуками одних и тех же, но по-разному воспринятых событий. Возникает сквозное внутреннее действие, и перед читателем проходит шесть человеческих судеб. Причем повествование выстраивается таким образом, что важнейшей целью оказывается не столько отображение реальности, сколько воссоздание разнородных, прихотливых, часто непредсказуемых реакций на происходящее каждого из действующих лиц. Подобно волнам, эти реакции сталкиваются, перетекают – чаще всего едва заметно – одна в другую. Ими определена и атмосфера, в которой разворачивается драматический сюжет.

Как во многих модернистских романах, фабула романа «Волны» ослаблена. Повествование строится как сплетение потоков сознания героев. Скрепляется текст в первой части общими событиями, о которых идет речь, во второй – повествователем, им становится один из героев – Бернард. Еще одна скрепляющая часть романа – мотивные нити, символы, аллюзии, пронизывающие повествование. Шелест ветра, пение птиц, запах свежести – все это чрезвычайно важно для художественного пространства романа. Самая первая зарисовка – восход солнца – задает тон всему роману, создает особое настроение, особую атмосферу красоты и поэзии, - главных составляющих поэтики В. Вулф.

Как нами уже упоминалось, в романе шесть героев. Способ их репрезентации типично модернистский – нет портрета, социальных характеристик. Основным источником информации о героях – мерцающие потоки сознания, «диалоги мыслей». Автор строит повествование на впечатлениях героев: «я вижу», - говорит Бернард, «Я вижу», - говорит Сьюзен, «Я слышу», - говорит Рода и Луис. Герои видят и слышат окружающий мир и друг друга, и из этого складывается мозаичная картина их сущностей и их существования. Вот как, например, даются элементы портретов героев. Бернард о себе, о своей внешности говорит так: «А волосы у меня лохматые потому, что мисс Констабл велела мне причесаться, а я увидел в паутине муху и думал: «Надо освободить муху? Или оставить её на съедение пауку?» Потому-то я вечно опаздываю. Волосы у меня лохматые, и вдобавок в них щепки» [1, 142]. Вот портрет Джинни (со слов Сьюзен): «Она плясала и переливалась алмазами, легкая, как пыль. А я толстая, Бернард, я маленького роста. Глаза у меня близко к земле, я различаю каждого жучка, каждую былинку» [1, 142]. Портреты героев психологичны и дают очень глубокую характеристику их внутреннего мира.

Чувства героев также репрезентированы в их «потоках сознания», причем показаны они не прямо, а опосредовано, через объемные, символические образы: «Я люблю, - Сьюзен говорила, - и я ненавижу. Я хочу только одного. У меня такой твердый взгляд. У Джинни глаза растекаются тысячами огней. Глаза Роды – как те бледные цветы, на которые вечером опускаются бабочки. У тебя глаза – полные до краев, и они никогда не прольются. Я зато

уже знаю, чего хочу. Я вижу букашек в траве. Мама еще вяжет мне белые носочки и подрубают переднички, - я же маленькая, - но я люблю; и я ненавижу» [1, 142-143].

Портреты внешние и внутренние часто показаны на фоне окружающего их пейзажа. В детстве они являют с ним одну целую и неделимую сущность. Создается ощущение единства с природой, полной гармонии: «Я держу стебель в руке. Я – этот стебель. Я пускаю корни в самую глубину мира, сквозь кирпично-сухую, сквозь мокрую землю, по жилам из серебра и свинца. Я весь волокнистый. От малейшей зыби меня трясет, земля мне тяжело давит на ребра. Здесь, наверху, мои глаза – зеленые листья, и они ничего не видят. Я мальчик в костюме из серой фланели, с медной застежкой-змейкой на брючном ремне. Там, в глубине, мои глаза – глаза каменного изваяния в нильской пустыне, лишённые век. Я вижу, как женщины бредут с красными кувшинами к Нилу; вижу раскачку верблюдов, мужчин в тюрбанах. Слышу топот, шорох, шелест вокруг» [1, 141]. Взаимопроникновение мира и героя (Луис), растворение в мире, полная свобода и нежелание возвращаться в мир людей: «Только бы меня не увидели. Я зеленый, как тис, в тени этой изгороди. Волосы – из листвы. Корни – в центре земли. Тело - стебель» [там же]. Герою хорошо в мире природы, он ощущает себя частью вечности и не хочет возвращаться в область временного. По мере взросления герои все дальше и дальше отдаляются от природы.

Один из самых «вневременных» и «природных» героев – Рода. С самого начала ее облик мистичен и загадочен. Это один из самых интересных и значимых образов романа. Рода – «вечно струящаяся нимфа ручья, одержимая видениями, снами» [1, 249]. В сознаниях других героев она отражается как девочка, качающая в темном тазу с водой цветочные лепестки. Для нее это действие сродни ворожке. Так она пытается найти себя, прочувствовать собственное место в этом мире. Она говорит: «Можно немножко побыть одной... Немножко побыть на свободе. Я собрала все опавшие лепестки и пустила в плаву. На некоторых поплывут дождевые капли. Здесь я поставлю маяк – веточку бересклета. И буду туда-сюда раскачивать темный таз, чтобы мои корабли одолевали волны. Одни утонут. Другие разобьются о скалы. Останется только один. Мой корабль. Он плывет к льдистым пещерам, где лает белый медведь и зеленой цепью висят сталактиты. Вздываются волны; пенятся буруны; где же огни на топ-мачтах? Все рассыпались, все потонули, все, кроме моего корабля, а он рассекает волны, он уходит от шторма и несется на дальнюю землю, где попугаи болтают, где вьются лианы...» [1, 144].

Её больше всех остальных героев тяготит окружающий временный мир. Она постоянно стремится убежать в мир своих фантазий и грёз, которые становятся для неё параллельной вселенной. Еще с детства Рода не в ладах с цифрами, со временем: «Цифры теперь совсем ничего не значат. Смысл ушел. Тикают часы. Стрелки караваном тянутся по пустыне. Черные черточки на циферблате – это оазисы. Длинная стрелка выступила вперед на разведку воды. Короткая спотыкается, бедная, о горячие камни пустыни. Ей в пустыне и умирать. Хлопает кухонная дверь. Лают вдали беспризорные псы. Вот ведь как петля этой цифры набухает, вздувается временем, превращается в круг; и держит в себе весь мир. Пока я выписываю цифру, мир западает в этот круг, а я остаюсь в стороне; вот я свожу, смыкаю концы, стягиваю, закрепляю. Мир закруглен, закончен, а я остаюсь в стороне и кричу: «Ох! Помогите, спасите, меня выбросило из круга времени!» [1, 145]. Она вне цифр, вне времени, даже вне материи, её область – область вечности. Её отягощает плоть, на протяжении всего повествования она стремится вырваться из рамок вещественного мира и стать духом.

Луис так говорит о Роде: «Лопатки у нее сходятся на спине, как крылья такой маленькой бабочки. Она смотрит на цифры, и разум её увязает в этих белых кругах; ускользает через белые петли, один, в пустоту. Цифры ничего ей не говорят. У нее на них нет ответа. У нее нет тела, как есть оно у других. И я, сын банкира в Брисбене, я, с моим австралийским акцентом, не боюсь ее так, как боюсь других» [1, 145].

Рода – бабочка – Психея – душа, - такой ассоциативный ряд выстраивает автор. И не случайно, в романе появляется образ - «бабочки, смолотые в порошок» [1, 257]. Следует вспомнить, что первоначально роман должен был называться «Бабочки». Возникает образ

бабочек, смолотых в порошок жерновами времени. И Рода – самая нежная и экзотическая бабочка из коллекции романа. Она говорит: «Я парю над землей. <...> Теперь из меня может свободно литься душа. Буду думать про эскадры моих кораблей, Не надо ни до кого дотрагиваться, ни на кого наткаться. Я плыву одна мимо белых скал. Ох! Я падаю, я тону! <...> Я падаю в черные перья сна; косматые крылья сна давят на мои веки. <...>. Ну погляди же – это просто комод. Сейчас, сейчас я сама вынырну из-под этих волн. Но они на меня наваливаются, засасывают, утягивают; меня подхватило; опрокинуло; поволокло мимо длинных лучей, длинных волн, нескончаемых троп, и за мною гонится, гонится кто-то» [1, 147]. В школе Рода также не может найти себя: «...здесь я никто. У меня нет лица, среди всех этих девочек в одинаковых холстинковых платьях я – уже не я. Все бесчувственные, друг дружке чужие» [1, 149]. Так, Рода говорит: «Под разрядом молний буду делать самые разобычные вещи. На голой земле соберу фиалки, сплету венки и отдам Персивалу, подарок ему такой от меня» [1, 201]. Фиалки издревле считались символами верности, чистоты и ранней смерти. Фиалки также фигурируют в трагедии Шекспира «Гамлет». Офелия дарит эти цветы Гертруде увядшими, в знак осквернения верности и чистоты; более того, для Лаэрта эти цветы являются символом самой Офелии, олицетворением её непорочности, чистоты и ранней смерти (см. сцену на кладбище).

Узнав о смерти Персивала Рода вновь вспоминает о фиалках: «Это моя дань Персивалу; завядшие фиалки, почерневшие фиалки» [1, 202]. Это все, что она может предложить человеку, которого все боготворили. Фиалки, которые она собиралась подарить Персивалу, завяли, более того, почернели. Черные фиалки становятся в романе символом утраченных надежд, утраченной чистоты и невинности, - ведь все они осквернены временем, взяты им в плен, из которого нет спасения.

Таким образом, выстраивается параллель: Рода – Офелия, а Персивал позиционируется как идеальный человек, которому не суждено жить в столь жестоком мире. Посредством шекспировских аллюзий в семантическое поле своего романа В. Вулф вводит весь спектр проблем, поднимаемых в шекспировской трагедии. И, пожалуй, главная из них – тема человеческого одиночества, обреченности на страдания, и тема жестокого мира («мир – тюрьма, а Дания – худшая из них»), в котором человек не может быть полностью свободным.

В семантическом поле образа Роды ярко и последовательно реализуются мотивы свободы, одиночества и смерти. Как мы уже упоминали, Рода – персонаж «не от мира сего», она постоянно находится на позиции неприятия мира, отказа от него: «У домов до того хилая кладка, что их, глядишь, ветром сдует. Машины несутся, очертя голову, наобум, и режут, и травят нас, как ищейки, Я одна во вражеском мире. Человеческое лицо так ужасно. Это мне и нужно. Мне нужны публичность, насилие, и чтобы меня сбросили как камень с утеса. Мне нужно – чтобы были эти фабричные трубы, и подъемные краны, и грузовики. Чтобы проходили лица, лица, лица, гадкие, равнодушные. Мне надоела до смерти миловидность; надоела нерушимая личная жизнь. Я брошусь в бурные волны и утону, только бы меня не стали спасать» [1, 201]. И снова – аллюзия на Офелию, которая также заканчивает свою жизнь в водах реки. Однако Офелия погибает случайно (хотя по логике пьесы её смерть закономерна). Рода же заявляет о сознательном уходе из этой жизни.

Рода признается, что Персивал фактом своей смерти подарил ей осознание бренности бытия: «Такое вот подарил мне Персивал своей смертью, оголил этот ужас, а меня оставил терпеть: лица, лица, как на глубоких тарелках поданные поварятами; тупые, жадные, грубые; они все увешаны покупками, заглядывают в витрины; строят глазки, спешат мимо, все ломают и даже нашу любовь пачкают, лапают грязными пальцами» [1, 201]. Рода постоянно пребывает в стремлении «уловить красоту» дабы «пригласить растрепавшуюся душу» [1, 202]. Она несет «грошовый букетик фиалок» через весь Лондон. Её мысли парят над домами, над пристанью, над трубами фабрик: «Ну а теперь я дам себе волю. Наконец-то расслаблю это стеснение, сжатие, стиснутость, высвобожу эту жажду – расточиться, исчезнуть. Мы поскачем с тобой по пустынным холмам, где ласточка окунает крылья в пасмурные пруды и, незыблемый, высится столп. В волну, которая бьется о берег, в волну, которая белой пеной

одевает землю по самому краю, я брошу мои фиалки – мой дар Персивалу» [1, 203]. Она вверяет свой букет фиалок волнам так, словно вверяет им свою душу: «Я бросила свой букетик в крутую волну. «Поглоти меня, отнеси далеко- далеко», - я говорила волне. Та волна разбилась; завял тот букетик» [1, 221]. Она жаждет судьбы Офелии – быть унесенной потоком волны-времени в Вечность, освободиться от тягостного времени мира.

Объясняя свои взгляды на действительность, свои жизненные цели и задачи Рода говорит: «Мы спотыкаемся - мы взбираемся все выше и выше. Моя тропа всегда вела вверх, вверх к одинокому дереву у пруда на самой вершине, Я охотилась за красотой, вечерами, когда горы смыкались, как крылья уснувшей птицы. <...> Но кто же со мной пойдет? Только цветы. Опьяненный тонкий хмель и застенчивый цветок, что плачут у воды от сладкой муки. Я их собрала, сплела из них венок и подарила – но кому? Кому? Мы теперь идем по самому краю пропасти. Там, внизу плывут огни рыболовных судов. Скалы исчезли. Серые, мелкие, под нами, несчетные, зыблются волны. Я ничего не вижу. Не чувствую под рукой. Вдруг мы упадем, и волны нас понесут. И море забарабанит в уши. Белые лепестки потемнеют в морской воде. Миг еще поколышутся и утонут. Волны меня закружат, накроют. Все обрушивается, меня накрывает ливнем и – меня больше нет» [1, 221]. В самом начале романа, будучи «заклинательницей белых лепестков» Рода предсказывает свое будущее и будущее своих друзей – гибель в бурных волнах времени.

До конца своей жизни в романе Роде так и не удается найти общий язык с современным жестким и жестоким миром городской цивилизации. Она заканчивает свою жизнь самоубийством, бросившись с горы, ощутив напоследок чувство полета, как ласточка, которая становится в романе лейтмотивом этого образа.

Образ Роды, являясь в романе одним из смысловых стержней, содержит в себе все основные доминанты текста: мотивы одиночества, свободы, смерти, времени, волн и др. Являясь Офелией по внутреннему ощущению, она борется со временем по-своему. Если Офелия сходит с ума от горя и утрат и по нелепой случайности падает в реку, то Рода, оставаясь в здравом рассудке, добровольно становится в оппозицию к этому миру, этому зверю, топот которого слышит так явственно Луис. Она добровольно выбирает одиночество и предпочитает уйти в реку времени добровольно. Образ Роды, один из самых трогательных в романе, решается В. Вулф в духе поэтического текста. Он насыщен метафорами и символами. Рода – бабочка, ласточка, колеблющиеся лепестки–кораблики, Офелия на водной глади, «вечно струящаяся нимфа ручья» [1, 243], «истомленный, мятущийся дух» [1, 217] жаждущий смысла. Она жаждет «бить крыльями против ветра» [1, 217], чтобы за ненастьем увидеть солнце, «найти полную конечную истину и добродетель» [1, 217]. Она жаждет красоты, но мир не способен её дать. Её понимают только цветы и птицы, с которыми она и воссоединяется в своем последнем полете.

Библиографический список

1. Вулф В. Волны // Иностранная литература. - 2001. №10. С.137-259.

УДК 8

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ РОЛИ «МАСКИ» В АНГЛИЙСКОЙ ДРАМАТУРГИИ НАЧАЛА XVII ВЕКА

Зонина Нина Владимировна

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

ninazonina@yahoo.com

REVISION OF THE MASQUE ROLE IN THE ENGLISH DRAMA OF THE EARLY XVIIth CENTURY

Zonina Nina Vladimirovna

St.Petersburg State University, St.Petersburg

Аннотация

В статье поднимается вопрос об определении жанровой принадлежности английской «маски» конца XVI- начала XVIIвв. Рассматривается трансформация «маски» от театрализованного зрелища до драматургического жанра.

Ключевые слова: английская драма, маска, жанр, XVII век.

Abstract

The article discusses a polemic issue concerning the genre of the English Masque in the early XVIIth century. The transformation of the Masque from it as spectacle to it as dramatic form is regarded.

Keywords: English drama, the masque, genre, XVII century

История развития английской «маски» от средневековых мистерий и моралите до светских придворных театрализованных зрелищ 1 половины XVI века [1,с.144-147] показывает, какую важную роль, эволюционируя, «маска» играла в становлении культуры и утверждению самосознания английского общества. Роскошные эффектные действия, в которые превратилась «маска» к XVI в., были не только любимым развлечением королевской персоны и ее окружения, внося свой исторический вклад в развитие театрального искусства, но и несли большую политическую и идеологическую нагрузку, демонстрируя силу, богатство и величие монарха, а значит, монархии и страны в целом.

Однако, к концу XVI-началу XVII вв. «маска» вступает в следующую стадию своего развития, приобретая серьезную литературную составляющую, позволяющую уже рассматривать ее как особый жанр английской драматургии. Век "маски" в этом качестве, как видим, был недолгим - практически одно столетие. Оформившись во 2-ой половине XVI века в эпоху Тюдоров, она вобрала в себя основные черты культуры Возрождения, с уходом которой в начале XVII века, претерпела вместе с драмой определенную трансформацию, отображая современную реальность нового века с его мировоззрением, идеалами, событиями и проблемами. История драматургической «маски» завершилась в 1642 указом парламента о закрытии театров, который остановил развитие всей английской драмы на многие годы.

Несмотря на свой недолгий век, «маска» без сомнений сыграла важную роль в развитии английской драмы, которая до сих пор остается недооцененной. Такая ситуация вполне объяснима. Одной из причин определенного игнорирования «маски», до последних десятилетий весьма весомой как в отечественном так и в зарубежном литературоведении, являлся изначально доминирующий придворно-аристократический характер «маски». Долгое время "Маска" воспринималась не иначе как элитарное представление, при королевском дворе и в домах высшей знати, часто организованное, наравне с рыцарскими турнирами, в рамках важных торжеств и празднеств, во славу мудрого и справедливого правителя. В связи с этим «Маска», как и вся английская драма XVIIв., была отнесена пуританским парламентом в 40-е гг. XVIIв., а советским литературоведением в XXв., к упадническому, чисто развлекательному искусству, призванному улаживать класс, который вместе со своим монархом Карлом I, уже стремительно приближался к бездне и в театральных зрелищах видел средство «убежать от проблем, выдвигаемых политической обстановкой, а также средство культивирования своей утонченности" [2,с.161]. Клеймо «упаднического», «декаденского» искусства надолго прикрепились не только к «маске», но и ко всей драме 1 половины XVIIвека, обусловив чрезвычайно упрощенный и односторонний подход к драматическому искусству в Англии того периода.

Другая причина того, что «маска» до сих пор в значительной мере выпадает из поля зрения литературоведов, состоит в том, что "маску" чаще всего рассматривают как театральное костюмированное действие, и, считая ее «историческим продолжением средневековых "мимов" и "масок", настаивают на ее «недраматическом характере" [3, с.311]. Весьма распространенный взгляд на «маску» как на «метафорическую, иллюстрирующую

деталь игрового аспекта английской культуры ХУ11в.» [4,с.44] выводит «маску» из литературного контекста, оставляя ее исключительно в сфере театроведения. В ней видят балетно-музыкальное «развлекательное представление в Англии 16-17 вв., устраивавшееся при дворе или в домах аристократов. Представляло собой пышный комедийный дивертисмент, состоявший из серии сменявших друг друга сцен и номеров: маскарадных шествий, танцев, драматических диалогов, комических интермедий, буффонад, пения (сольного, хорового) и инструментальной музыки»[5].

И хотя в последнее время «маске» как жанру драматургии уделяется все большее внимание, тем не менее большинством исследователей ее делают акцент на ее постановочно- музыкальной составляющей, определяя «маску» как «музыкально-драматургический жанр», ставя на первое место «музыкально», который оказал влияние на формирование английской национальной оперы (оперы и семи-оперы Г. Пёрселла, «Ацис и Галатея» Г.Ф.Генделя) [6, с. 231-61].

Как уже указывалось выше, "Маска" ХУ1 в. действительно являла собой в основном чисто театрализованное искусство, создаваемое в основном к важному событию либо в монаршей семье: брак, рождение наследника, либо в стране: восшествие на престол, коронация, либо в честь победоносной военной кампании. Эти пышные постановки требовали огромных усилий и со стороны устроителей, которые включали в себя живописцев, декораторов, костюмеров, инженеров. Одним из лучших создателей и постановщиком таких «масок» был Иниго Джонс, с 1605 по 1640 гг. осуществивший более чем 500 театральных представлений в традициях ХУ1 века при дворе Якова 1 и Карла 1[7] .

Однако уже к концу ХУ1в. "маска" выходит за пределы дворца и утверждается на подмостках публичных театров, претерпев значительную эволюцию, главным достижением которой было то, что на к ней обратились драматурги. Расширив ее тематику и обогатив ее новыми художественными приемами, они придали маске нравственно-духовный смысл. Ведущие драматурги Англии, стали активно использовать маску в качестве составного элемента полноценной пьесы: прием "пьесы в пьесе" (У.Шекспир -"Сон в летнюю ночь", "Буря" , Б.Джонсон - «Вольпоне»,), и как самостоятельное произведение (Дж.Мильтон «Комус»). Список английских драматургов, отдавших дань «маске», настолько внушительный: Ф. Сидней, У.Шекспир, Б. Джонсон, Дж. Мильтон, Ф. Бомонт, У. Давенант, Дж. Чапмен, Р.Брум и т.д., что исключение маски, даже частичного, из сферы литературы можно рассматривать как упрощенный и односторонний подход к пониманию английского драматического искусства 1 половины ХУ11 века.

Но по настоящему литературным жанром «маску» сделал Б.Джонсон, ведущий английский драматург ХУ11 в., ставя перед ней те же задачи которые он предьявлял драме. И именно в его творчестве «маска» достигла своего расцвета. Б.Джонсоном создано 25 масок, к сочинению которых он подходил с такой же серьезностью и требованиям как к написанию пьес и к поэзии, заявляя, «что "маска" не зрелище, а поэзия»[8, с.4].

«Маска», как и драма в целом, чутко реагировала на все стили и тенденции, которые характеризовали драматическое искусство того времени в целом, отдав дань как барокко, так и классицизму. Мироощущение крушения мира, трагичности и хрупкости человеческого бытия, которое пришло на смену гармонии и уверенности во всемогуществе человека эпохи Возрождения в конце ХУ1 в., нашло отражение в барочной усложненности «маски», гротесковой контрастности и приеме «пьесы в пьесе», доведя метафору "жизнь-театр", "мир-сцена" до абсолюта, примиря игрой «реальное безобразное» и «идеальное прекрасное".

Будучи апологетом и последователем классического искусства, Бен Джонсон привносит в «маску» идеи и идеологию классицизма, которые он отстаивал в своих драматических произведениях [9, с.41-42].

Формулируя свою концепцию маски, он утверждал, что "Недостойно было бы то зрелище, которое стремилось бы к простой забаве. За видимой сиюминутностью изложения должно просвечивать важное и глубокое учение» [10, с.57]. Б.Джонсон, как и в во всех своих

произведениях, не перестает в «маске» "развлекая, поучать", передав этот принцип и своим последователям.

Функция «поучать и наставлять» в «маске» отводится «антимаске» созданной Б. Джонсоном в 1609 г. Она несет большую идейно-нравственную нагрузку, акцентируя и заостряя главную идею пьесы или самой маски. Он впервые вводит ее в одну из лучших своих масок "Маску королев". Именно персонажи «Антимаски», призваны были «как в зеркале» отражать пороки окружающего мира: Невежество, Подозрение, Злословие, Гнев и.т.д. (двенадцать ведьм), которые своим безобразием призваны были отвращать от них, создавая гротескный противовес миру гармонии и красоты самой «маски» с ее добродетельными героинями (двенадцать прекрасных королев). Зло, согласно дидактической задаче пьесы, неминуемо терпит крах [8, р.118-128].

Именно в аллегорических фигурах маски и, прежде всего, антимаски, Б. Джонсон полностью реализовал свою "теорию юмором", созданную им как основу типизации персонажей в английской драме классицизма. И "маской" ("Любовь приветствует Вас с Большомвере" -1635 г) Б. Джонсон завершает свой путь драматурга. Написанная им за два года до смерти, «маска» стала его последним словом в поэзии и драме.

Б. Джонсон оставил прекрасные образцы драматических «масок» и богатую теоретическую базу, которая была плодотворно использована и далее разрабатывалась в английской драматургии его учениками и последователями (Р.Брум) до тех пор, пока «Хаос, со своими спутниками Смуты и Враждой» [11] все-таки не одержали победу, расколов английское общество на враждующие лагеря, доведя его до гражданской войны, а английскую драму до вынужденного полувекового молчания, затормозив ее развитие и оставив «маску» как литературный жанр в ушедшей навсегда эпохе.

Библиографический список

1. Забалуев В. Н. "От маски к маске". Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Научный журнал №2 (2). - Киров. 2008. –С. 144-147
См. также В. Забалуев: Английская пьеса-маска XVI-XVII вв.- М.:БК.2009.-264 с.
2. Leech C. Shakespeare's tragedies and other studies. L., 1950. - 256 p.
3. Simpson P. The Masque. In Shakespeare's England: An Account of the Life and Manners of his Age. – Oxford: Clarendon Press. 1962. Vol. II., - 610 p.
4. Коснырева М.В. Аспекты игры в литературной жизни Англии XVII в. Лафонтеновские чтения. Основные тенденции и проблемы развития европейского искусства и литературы Нового времени. Материалы Международной научной конференции «Четвертые Лафонтеновские чтения». СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 1998. - С. 44-47
5. Музыкальный энциклопедический словарь, Келдыш Г.В., 1990.М. М.: Советская энциклопедия, 1990. —672 с.
6. Грубер Р. И., Музыка в театре. Английские маски\ История музыкальной культуры. В 2-х томах. – М.:Музгиз.1953. Т.II, ч. 2.- С.416
7. Михайловский Е. В. Архитектор Иниго Джонс: Жизнь и творчество. — М.: Академия Архитектуры СССР. 1939. – 112 с.
8. Orgel St. The Jonsonian Masque. N.Y., 1981. – 216 p.
9. Зонина Н.В. Черты классицизма в английской маске XVI – XVII веков // Основные тенденции и проблемы развития европейского искусства и литературы Нового времени. Материалы Международной научной конференции «Четвертые Лафонтеновские чтения» (10 – 12 апреля 1998 г.) СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 1998. - С. 41-42
10. Аксенов И.А. Елизаветинцы. М., 1938. С.718
11. Brome R. The Jovial Crew/ Ed.by A.Haaker. Regent's Renaissance Drama Series. – Univ.of Nebraska Press. 1968.- 434p.

**СИМВОЛИЗМ И СЮЖЕТНЫЕ ФУНКЦИИ СНОВ
В СРЕДНЕВЕКОВОМ ГЕРМАНСКОМ ЭПОСЕ «ПЕСНЬ О НИБЕЛУНГАХ»**

Саракаева Элина Алиевна, Лебедева Ирэна Валерьевна

Хайнаньский государственный университет, г. Хайкоу, Китай
Каспийский институт морского и речного транспорта, г. Астрахань, Россия

**SYMBOLISM AND FUNCTIONS OF DREAMS IN MEDIEVAL GERMAN
HEROIC EPIC “DAS NIBELUNGENLIED”**

Sarakaeva Elina, Lebedeva Irena

Hainan State University, China
Caspian Institute of Sea & River Transport, Astrakhan, Russia

Аннотация

В статье рассматриваются вещие сны Кримхильды и других персонажей средневековой германской эпической поэмы «Песнь о нибелунгах». В начале работы авторы приводят историографию вопроса, отслеживая мнения ведущих «нибелунговедов» о снах в поэме. Затем авторы выдвигают собственную гипотезу, основанную на контент-анализе текста и обзоре основного символического ряда средневековой германской онейрологии. В конце авторы выделяют ряд сюжетных функций, которые выполняют сны в структуре поэмы.

Ключевые слова: героический эпос «Песнь о нибелунгах», сны Кримхильды, средневековая онейрология, вещие сны, символизм, сюжетные функции

Abstract

The article explores prophetic dreams of Kriemhild and other characters in the medieval German heroic epic “The Nibelungenlied”. First we review the way leading experts in the “nibelungen” sphere approach the topic, then offer our own view based on content-analysis of the text and the review of general concepts of dream symbolism in medieval German culture. Finally we single out a number of plot functions that dreams play within the structure of the epic

Key words: heroic epic “The Nibelungenlied”, Kriemhild’s dreams, medieval oneirology, prophetic dreams, symbolism, plot functions

Интерес к сновидениям и их интерпретациям – это характерная особенность средневековой художественной литературы. А. Спиринг так объясняет это явление: «Многие темы, жанры и условности средневековой литературы – романтическая проза, аллегория, дебаты между аллегорически представленными принципами, религиозные откровения – все они не-реалистичны. Они принадлежат к миру воображения, не являясь чьим-то объективным опытом, и потому могут быть оформлены как сновидения» [25, с. 2]. С VI по XVI века сохранилось не менее 255 текстов с описанием сновидений, 70 из них приходится на начало XII века [26, с. 340]. Период с XII по XIV вв. медиевисты даже называют «Веком сновидений» [16], настолько часто этот мотив встречается в произведениях разных жанров.

Мотивы сновидений в художественной литературе Западной Европы берут свое начало в традициях классической и иудео-христианской визионерской литературы [25]. Своим развитием они обязаны схоластической философии с ее персонификациями и аллегориями – примером может послужить «De consolatione philosophie» («Утешение философии») Боэция, одна из наиболее популярных и влиятельных работ этого жанра, «Диалоги» Григория Великого, видение Дрительма из «Historia ecclesiastica» Бэды Достопочтенного. Здесь можно вспомнить также такие известные дидактические произведения как «Видение о Петре Пахаре» Уильяма Ленгленда и «Роман о Розе» Гийома де Лорриса и Жана де Мёна.

Описание и интерпретация пророческого сна – это распространенный прием в

средневековой литературе, способ нагнетания напряжения перед кульминационным эпизодом, с помощью которого аудитория держится в заинтересованном ожидании. Иногда вещие сны имеют несколько семантических пластов, и сама интерпретация вещего сна порой указывает на интеллектуальные способности героев [7, с. 251]. Сны и окружающий их нарратив выявляют психологические характеристики персонажей и высвечивают «метафизику судьбы» [26, с. 340].

Особо часто мотив сновидений встречается в северогерманской литературе. Все три ее жанра – эддическая поэзия, скальдическая поэзия и саги - содержат бесчисленные описания снов и их толкований. В одной только «Младшей Эдде» Снорри Стурлусона их не меньше трехсот (!). Сны здесь инкорпорируют как христианские мотивы так и древнейшие языческие верования в духов предков, говорящих с потомками через вещие сны. Наиболее показательна в этом отношении «Сага о Гизли» («Gisla Saga Súrssonar») с ее удивительным смещением христианской этики, языческой символики и художественного воображения [7].

Сны являются частым мотивом героической поэзии. Они предупреждают, предсказывают, обещают, поучают, они структурируют саму ткань повествования, задавая ей тематические и хронологические рамки. Наиболее яркими примерами здесь могут служить эпизоды со сновидениями в «Персивале» Вольфрама фон Эшенбаха и в «Герцоге Герпине» Элизабет Нассау-Саарбрюкен.

Но, пожалуй, чаще всего пророческие сны сняты персонажам средневековой германской эпической поэмы «Песнь о Нибелунгах», играя при этом важную роль в развитии сюжета. Трижды вещие сны видит Кримхильда (сон о соколе, сон о кабанах, сон о скалах), один раз вещий сон снится ее матери королеве Уте (сон о птицах), кроме того, достаточно значимым для обрисовки психологического портрета персонажа является последний сон Кримхильды (сон о Гизельхере).

С первого сна Кримхильды начинается собственно повествование в поэме. Описав красоту и добродетели юной бургундской принцессы, автор сообщает:

<p>In ir hôhen êren troumde Kriemhildè, wie si zûge einen valken stârc schoen und wîldè, den ir zwên arn erkrummen daß si daß muose sehen. ir enkunde in dirre werlde leider nimmer geschehen. Den troum si dô sagete ir muoter Úotèn; sine kunde in niht bescheiden baß der gúotèn: der valke, den du ziuhest, daß ist ein edel man: in welle Got behüeten, du muost in schiere vloren hân [8, с.7].</p>	<p>И вот Кримхильде знатной однажды сон приснился, Как будто вольный сокол у ней в дому прижился, Но был двумя орлами заклеван перед нею. Смотреть на это было ей всех смертных мук страшнее. Про сон свой вещий Уте поведала девица, И мать ей объяснила, какой в нем смысл таится: "Тот сокол – славный витязь. Пусть Бог хранит его, Чтоб у тебя не отняли супруга твоего"[2, с. 360].</p>
---	---

О втором сне Кримхильды мы узнаем из ее собственных слов. Уговаривая мужа не ездить на охоту, героиня аргументирует свои опасения так:

<p>Si sprach zuo dem recken: lât iuwer jagen sîn. mir troumde hînt leide, wie iuch zwei wildiu swîn jageten über heide: dâ wurden bluomen rôf. daß ich sô sêre weine, des gêt mir armen wîbe nôt. [8, с.101].</p>	<p>"Не ездь на охоту, – промолвила она.- Мне сон дурной приснился: гнались два кабана По лугу за тобою, и все цветы вокруг Внезапно стали красными. Не ездь, мой супруг! [2, с.463].</p>
---	---

Третий сон Кримхильды следует сразу вслед за этим. Когда Зигфрид отмахивается от ее предостережений, героиня говорит:

<p>Neinâ, hêrre Sîvrit, jâ vûrhtich dînen val.</p>	<p>"Поверь, не зря слезами мой отуманен взор.</p>
--	---

<p>mir troumde hînt leide, wie obe dir ze tal vielen zwêne berge: ine sach dich nimmer mê. wiltu von mir scheiden, daß tuot mir inneclîchen wê. [8, с.101].</p>	<p>Мне сон дурной приснился: стоял ты меж двух гор, И вдруг они упали, и ты раздавлен был. Останься, чтобы твой отъезд мне сердце не разбил". [2, с.463].</p>
---	--

Но уговоры и слезы не могут остановить Зигфрида – он отправляется на роковую охоту и погибает там от рук Хагена из Тронье. После долгих лет траура Кримхильда выходит замуж за могущественного короля гуннов Этцеля, но не может забыть и простить причиненное ей зло. Размышляя о том, как бы отомстить убийце мужа, героиня засыпает и видит свой четвертый значимый сон¹:

<p>Si dâhte ouch maneger êren von Niblunge lant, der si was gewaltec und die ir Hagenen hant mit Sîvrides tôde hete gar benomen, und ob im daß ouch immer noch ze leide môhte komen. Daß geschæhe, ob ich in bringen môhte in ditze lant.‘ ir troumde, daß ir gienge vil dicke an der hant Gîselher ir bruoder: si kusten zaller stunt vil ofte in semftem slâfe. sît wart in arbeite kunt. [8, с. 176].</p>	<p>Она вспоминала все почести в земле нибелунгов Которыми она наслаждалась и которых Хаген Лишил ее вместе со смертью Зигфрида. Если бы только она могла причинить ему страдания! Для этого надо было привести его в эти земли... Ей приснилось, что она гуляет под руку со своим братом Гизельхером И она все время целовала его в своем нежном сне. После того обоим им выпали мучения.</p>
--	---

Проснувшись, Кримхильда находит решение – заманить братьев и их вассала Хагена в ловушку, пригласив их на конфирмацию своего сына. Ее мать, вдовствующая королева Ута, уговаривает державных сыновей отказаться от приглашения:

<p>Dô sprach zuozir kinden diu edele Uote: Ir soldet hie belîben, helde guote. mir ist getroumet hînte von engestlîcher nôt, wie alleß daß gevügele in disme lande wære tôt. Swer sich an troume wendet,‘sprach dô Hagene, ,der enweiß der rechten mære niht ze sagene, wenne eß im zen êren volleclîchen stê. ich wil, daß mîn hêrre ze hove nâch urloube gê. [8, с. 197].</p>	<p>Сказала детям Ута: "Останьтесь здесь все трое. Приснился нынче ночью мне сон дурной, герои, Как будто всех пернатых в Бургундии у нас Сразил неведомый недуг в один и тот же час". "Не страшны сны дурные,– воскликнул Хаген гордо,- Тому, кто служит долгу и чести верен твердо. Поэтому на месте владыки моего Я постарался б тотчас же отбыть на торжество». [2, с.529-530].</p>
---	---

С самого начала научного осмысления «Песни о Нибелунгах» внимание исследователей привлекали в первую очередь три пророческих сна Кримхильды о смерти Зигфрида. Так, Г. Нордмейер [20], Ф.Плосс [21], Ф.Р. Шрёдер [23], Дж. Бумке [6] и другие ученые рассматривали эти сны в контексте анималистического символизма, прослеживая, какую символику несли образы орла, сокола, кабана у разных народов, от древних египтян и византийцев до романских и германских народов времен Высокого Средневековья. Как

¹Поскольку стихотворный перевод Ю.Б. Корнеева, в целом удачный, не точно отражает содержание именно этих строк, здесь мы приведем подстрочный перевод на русский язык

правило, эти наблюдения оказывались вписаны в общий анализ поэмы и отражали избранную автором методологию, будь то исторический, психологический или лингвистический подход.

В частности, один из корифеев-исследователей поэмы, немецкий ученый Ян Дирк Мюллер видит во снах Кримхильды пример дегуманизации персонажей [19, с. 439]. В этих снах главные герои поэмы, Зигфрид, Хаген и Гунтер низведены до уровня животных или хищных птиц - они терзают и убивают друг друга в слепой и беспричинной ярости, что, по мнению исследователя, адекватно отражает общую идею поэмы – распад социального строя, дезинтеграция общества, расчеловечивание людей (недаром сама знаменитая монография Мюллера, посвященная «Песни о нибелунгах», называется «Эндшпиль» или «Правила конца игры»).

Джерольд Фрэйкс предлагает структуралистский анализ Кримхильдиных снов, ставя перед собой задачу «выделить структуру сигнификатов снов и их взаимоотношения и функции» [9, с. 174]. Для реализации этой задачи Фрэйкс разбирает сны на составляющие элементы с опорой на вербализующие их лексические единицы и выстраивает для каждого сна своеобразную семантическую формулу. Сопоставляя полученные формулы друг с другом, исследователь приходит к выводу, что во-первых, жертва все плотнее идентифицируется с Зигфридом, от анонимного суженого в первом сне до прямого наименования в третьем «господин мой Зигфрид...», во-вторых, сны свидетельствуют о постепенном отходе от того, что исследователь называет «придворным кодом»: если первый сон имел отношение к куртуазной соколиной ловле, второй - к опасной и героической охоте на дикого зверя, то в третьем героя уничтожают вне-цивилизационные, элементарные силы. В итоге Фрэйкс видит во снах Кримхильды символическое воплощение того, что ему представляется основной идеей всего эпоса: «Идеализированный придворный мир, существующий как внутри, так и вне этих снов, не может ассимилировать чужеродный элемент (Зигфрида) несмотря на все попытки инкорпорировать его в свой код» [9, с.183].

Весьма интересен подход к анализу снов Кримхильды представителей фрейдистской и юнгианской школ психоанализа. То, что содержание снов привлекает внимание ученых психоаналитиков, не вызывает удивления, поскольку анализ и интерпретация сновидений является важнейшим из методов, применяемых в этих школах [4]. Так, современник и последователь Фрейда Теодор Рейк так интерпретирует первый сон о соколе: «Птицы со всей очевидностью символизируют пенис. Понятно, что в созревшей девственнице проснулось либидо и оно оказывает сильное давление. Неудовлетворенность оборачивается садистскими наклонностями. Расчленение птицы показывает садистские наклонности и в то же время говорит о желании наивысшего наслаждения. Аффект страха возникает из осознания, что запрещенные желания легко контролировать и понимать. И в результате врожденный и усиленный недостаточным сексуальным удовлетворением садистский компонент просто прокладывает себе дорогу» [22, с. 416-417]. Как видим, в этой интерпретации жестокая, бескомпромиссная месть, которой подвергла Кримхильда убийц своего мужа во второй части поэмы, объясняется присущими ей «садистскими наклонностями», проистекающими от неудовлетворенного сексуального желания.

Но пожалуй, самую оригинальную интерпретацию предложил Д.Г. Моуэтт, известный своим анализом «Нибелунгов» с позиций фрейдизма. В работе, посвященной именно пророческим снам Кримхильды [17], Моуэтт доказывает, что традиционную интерпретацию двух врагов покончивших с Зигфридом (два орла, два кабана, две горы) как мужчин (обычно понимаемых как его будущие убийцы Хаген и Гунтер) следует пересмотреть. Он напоминает, что самки хищных птиц часто бывают крупнее и сильнее самцов, так что в первом сне, с точки зрения Моуэтта, героя растерзали две женщины (Брунхильда и сама Кримхильда, чья роковая ссора в конечном счете привела к Зигфридовой смерти). Во втором сне перевод «два кабана» не точен – в оригинале сказано «две диких свиньи» (*zwei wildiu swîn*), так что и там речь может идти о женщинах. Наконец, две горы из третьего сна Моуэтт понимает как две выпуклости на женском теле, то есть Зигфрид буквально был придавлен

женскими грудями. Таким образом, сны Кримхильды символически указывают на смерть героя из-за двух женщин, а не визуально изображают его гибель от рук двух мужчин.

Но на этом Моуэтт не останавливается. Как и положено фрейдисту, он прочитывает во сне скрытые импликации. Как известно, страх во фрейдизме понимается как подсознательные, вытесненные желания. Исходя из этой логики Кримхильда, волнуясь о судьбе Зигфрида и испытывая сильный страх за его судьбу, подсознательно по сути хочет покончить с ним. Развивая эту мысль, можно сказать что Кримхильда, верная жена, восторженно влюбленная в своего супруга, действует как бы на двух уровнях: сознательном и подсознательном. Так, на сознательном уровне она гордится его победами в эпизоде ссоры с Брунхильдой, на подсознательном – провоцирует потенциально опасный конфликт между мужем и собственными братьями. На сознательном уровне она заботится о его безопасности в предстоящем сражении и поручает охранять его самому надежному и доверенному другу, Хагену - на подсознательном она безошибочно выбирает того единственного человека, который захочет и сможет убить Зигфрида и открывает ему уязвимое место на теле мужа. В горестном плаче Кримхильды над телом мужа Моуэтту слышатся ноты «возможного удовлетворения», тогда как на Хагена она переносит свои любовные чувства к Зигфриду, реализация которых в создавшейся ситуации возможна только через попытки его убить [18]. Итак, вещие сны Кримхильды исследователь считает индикаторами ее внутреннего конфликта – опасений за безопасность мужа в сочетании с тайным, подсознательным желанием от него отделаться.

Мы полагаем, что анализируя символику снов в «Песни о нибелунгах» необходимо:

- во-первых, уяснить какая роль отводится вещим снам в общем контексте средневековой германской литературы и культуры;
- во-вторых, рассмотреть какой символикой наделяются задействованные в анализируемых снах образы животных и объектов в средневековой онейрологии.

Г. Кельхнер показывает, что сны в северогерманской литературе Средних веков «преимущественно связаны с противостоянием, они отражают несчастье, а не удачу» [13, с. 56]. Ларс Лоннарт выделяет в качестве основной функции снов в германской литературе предсказание будущих событий [14]. Визионер обычно рассказывает содержание сна доверенному человеку, который интерпретирует его тем или иным образом. Такие сны обычно предвещают несчастья самому визионеру, либо его родне или даже всему социуму.

Интересной особенностью снов в средневековой германской литературе является то влияние, которое они оказывают на нарративную структуру: одновременно стабилизирующее и дестабилизирующее. Сны позволяют увидеть метафизические, экзистенциальные паттерны, стоящие за событиями, причем иногда эти паттерны противоречат рациональности и внешней логике нарратива [14, с. 457].

Сон, таким образом, это окно в будущее, он предупреждает героя об опасности, которая символически предстает в виде хищных зверей и птиц. В «Эдде», к примру, в такую роль в провидеских снах выполняют медведи, кабаны, волки, змеи, орлы, ястребы, вороны. Так, в «Гренландской саге об Атли» жена Хагена (Хёгни) видит во сне его будущего убийцу в виде ворвавшегося в зал дикого медведя, который крушит скамьи [5, с. 218]. В исландской «Саге о Ньяле» Гуннар незадолго до смерти видит во сне, будто на него нападает стая волков [1, с. 345], и т.п.

Теперь рассмотрим конкретные образы из вещей снов поэмы. Напомним, что в трех снах Кримхильды и во сне Уты задействованы такие образы, как сокол, орел, кабан, горы. Что же говорили эти образы средневековой аудитории, которой адресовалась поэма?

Сокол в контексте германской культуры символизировал в первую очередь возлюбленного [12, с. 50], кроме того, поскольку ручные соколы использовались при птичьей охоте, этом любимом развлечении аристократии, сокол означал рыцаря или короля [10]. Образ сокола как прекрасного возлюбленного особенно часто встречается в средневековой французской и немецкой любовной лирике в жанре миннезанга [15].

Орел, использование которого при птичьей охоте позволялось только августейшим особам, естественным образом символизировал короля или императора, но в германской и особенно северогерманской литературе символика орла была связана в первую очередь с надвигающейся опасностью [12, с. 51]. Так, жена Хагена в «Гренландской песне об Атли» видит в пророческом сне орла, чья страшная тень накрывает всех воинов и заливает их кровью [5, с. 218].

Кабан, это свирепое и дикое животное, ассоциировался с могучим воином, иногда загнанным врагами и яростно сопротивляющимся в безнадёжной ситуации [24, с. 430]. Образ кабана указывал на нечеловеческую мощь и жестокость [19, с. 439], но также на непреодолимую, враждебную деструктивную силу [13, с. 24]. Ну и наконец, горы - В. Хенцен доказывает, что горы в средневековой германской литературе символизировали надвигающуюся катастрофу [11].

Таким образом, складывается довольно ясная картина – ВСЕ образы из снов Кримхильды недвусмысленно указывают на грозящую персонажам опасность, на надвигающуюся катастрофу и неотвратимую смерть. Смерть приходит к героям в виде могучих и яростных врагов, истребляющих их физически на глазах у визионера, или предстает уже свершившимся фактом, как птичий мор, в одночасье уничтоживший всех воинов (символами которых выступают птицы).

Помимо того, образы из вещей снов имплицитно указывают на характеристики персонажей – так, сокол, в виде которого предстает Зигфрид, «силен, прекрасен и дик» (*stârc schæn und wildè*), что вполне соответствует обрисовке этого героя, его убийцы сильны и жестоки, их атака неожиданна и непредсказуема: как кабаны, что внезапно сами нападают на охотника, друзья и родичи Зигфрида становятся его убийцами [3].

Говоря о функциях, которые выполняют сны в структуре поэмы, следует сперва обратить внимание на несколько интересных моментов:

Из четырех снов только о первом мы узнаем от самого рассказчика. Что до второго и третьего пророческих снов, то Кримхильда *говорит* что видела их, но мы не знаем наверняка, так ли это на самом деле. (Персонажи поэмы довольно охотно прибегают ко лжи как к манипулятивному приему: Гизельхер лжет что не принимал участия в заговоре, Данкварт лжет что был малолеткой когда Зигфрида убили, Зигфрид лжет что не выдавал тайну королевы Кримхильде, Кримхильда лжет что сохранит Хагену жизнь, Хаген вообще чаще лжет чем говорит правду). К тому же обстоятельства, при которых героиня рассказывает о своих сновидениях, допускают предположение, что она придумывает эти сны на месте, чтобы запугать мужа и удержать его от предстоящей охоты. В *авентюре XVI* героиня прощается с мужем и вдруг вспоминает события предшествующего дня, когда она рассказала Хагену про уязвимое место на теле Зигфрида:

<p>Dô dâhtes an diu mære, si entorste ir niht sagen, A. diu si Hagenen seite: dô begunde klagen diu edel küneginne, daß si ie gewan den lîp. dô weinde âne mâße daß vil wunderschoene wîp. [8, с. 101]</p>	<p>Тут страшная догадка ей разум озарила. Припомнила Кримхильда, что Хагену открыла, И, Зигфриду признаться в своей вине боясь, Слезам покаянными бессильно залилась. [2, с.463]</p>
--	---

Из текста видно, что осознание опасности приходит к Кримхильде внезапно, что она не смеет прямо признаться мужу в том, что выдала его тайну - сразу же вслед за этим героиня рассказывает о своих страшных снах. Этот эпизод вполне можно прочесть как попытку героини, не признаваясь прямо в своей оплошности, воздействовать на воображение Зигфрида и пробудить суеверный страх, оперируя таким широко признаваемым феноменом как пророческие сны и их зловещая интерпретация. Сон Уты внушает больше доверия – хотя героиня тоже лишь *говорит* что видела сон о птичьем море, не вызывает сомнения тот факт, что вплоть до самого дня отъезда вдовствующая королева не возражала против поездки

в Венгрию и не имела причины подозревать ловушку, так что ее внезапная попытка удержать сыновей скорее всего вызвана именно увиденным ночью тревожным сном.

Структуру вещей снов в поэме можно представить в виде следующей таблицы, где «визионер» – это лицо, которое видит сон, «интерпретатор» толкует его значение, «адресат» - это лицо, которому адресовано содержащееся во сне предупреждение, «актер» - человек, который должен предпринять и предпринимает/не предпринимает действия в зависимости от полученной интерпретации, «доверие» указывает на то, поверил ли адресат/актер вещему сну.

сон	визионер	интерпретатор	интерпретация	адресат	актер	вера	Предпринятые действия // их мотивировка
1: сокол и орлы	Кримхильда	Ута	гибель Зигфрида	Кримхильда	Кримхильда	Да	Решение уклоняться от замужества: чтобы избежать страданий от потери мужа
2: кабаны	Кримхильда	Кримхильда	гибель Зигфрида	Зигфрид	Зигфрид	Нет	Отказ действовать: здесь нет врагов
3: горы	Кримхильда	Кримхильда	гибель Зигфрида	Зигфрид	Зигфрид	Нет	Отказ действовать. нет мотивировки
4: птицы	Ута	Ута	гибель бургундов	Братья-короли	Хаген	Да	Отказ действовать: снам не стоит доверять; опасности надо идти навстречу

Как видим, только первый сон Кримхильды вызывает замешательство у самого визионера, так что приходится прибегать к помощи другого лица, способного объяснить сон. Во всех остальных случаях визионер сам может правильно проинтерпретировать значение сна, что и неудивительно – предсказание гибели в этих снах выражено с отчетливой ясностью.

Обращает внимание то место, которое занимают сны в композиционном рисунке поэмы – первый сон Кримхильды задает конфликт в первой части поэмы и намекает на его разрешение. Второй и третий сон предваряют кульминационный эпизод первой части – гибель Зигфрида от рук заговорщиков.

Четвертый сон, как видим, отличается от остальных по ряду показателей. Во-первых, бросается в глаза противоречие: во всех остальных снах герои, услышав интерпретацию, действуют в соответствии с тем, вызывает она доверие или нет – поверив толкованию своего

сна, Кримхильда отказывается от замужества, *не* поверив что сон сулит ему гибель, Зигфрид *не* отказывается от охоты. В четвертом же случае Хаген верит сну – интерпретация Уты в точности совпадает с его собственными предостережениями – и тем не менее он притворяется что не верит, приводя две противоречащие друг другу мотивировки. Сначала он говорит, что отважные герои не должны доверять снам:

"Не страшны сны дурные, – воскликнул Хаген гордо, –

Тому, кто служит долгу и чести верен твердо [2, с. 530].

И тут же в следующей строфе Хаген проговаривается, что согласен со зловещей интерпретацией сна, он знает, что Кримхильда подстроила им ловушку, но готов принять веление судьбы:

Отправиться к Кримхильде мы все отнюдь не прочь.

У ней найдется дело любому, кто охоч

Во имя государя отвагою блеснуть [2, с. 530].

Во-вторых, обращает внимание, что в случае четвертого сна адресат предостережения и актер не совпадают – речи Уты были обращены к бургундским королям, отвечает же ей Хаген, тогда как короли не произносят ни слова, будто их и нет на сцене. С этого момента подобный расклад становится нормой – все решения отныне будет принимать Хаген, он будет отвечать на все обращенные к другим персонажам речи, уверенной рукой ведя свою ладью к водовороту.

Четвертый сон в структуре поэмы, таким образом, отмечает начало нового цикла – он завершает ту часть поэмы, действие которой происходило в Бургундии и служит началом финальной части, повествующей о героической гибели нибелунгов. Сон о птицах и окружающий его нарратив служат отправной точкой для смещения этических акцентов и композиционного центра тяжести – настоящим героем отныне будет выступать Хаген из Тронье, ему будут отныне принадлежать как вся инициатива в принятии и реализации решений, так и симпатии автора.

«Промежуточный» сон Кримхильды (о Гизельхере), как правило, не привлекал внимание исследователей, разве что Я. Мюллер упоминает его в своей монографии, обсуждая нарративный стиль и способы передачи сложных эмоциональных переживаний [19, с. 208-212]. Нам, однако, представляется, что этот сон не лишен интереса: он отражает не только характер мышления героини, но и ее внутренние, подсознательные установки. Напомним, что события развиваются так: Кримхильда вспоминает перенесенные обиды и винит в них братьев и Хагена, размышляет как отомстить Хагену и, не приняв решения, ложится спать. Во сне она видит своего младшего брата Гизельхера, с которым прогуливается и многократно его целует. Просыпается героиня с готовым рецептом гибели для Хагена. Какая же логика связывает ее чувства к Хагену, решение отомстить и сон о Гизельхере? Случайно ли появляются во сне эти многократные поцелуи или тут есть внутренняя закономерность?

Избегая эксцессов психоаналитической интерпретации, нельзя однако полностью отрицать, что сны могут в той или иной степени отражать бессознательное, в том числе тревоги, страхи и скрытые желания. Тем более в данном случае желания не особенно и скрыты: сон о Гизельхере отмечает тот момент в психической жизни героини, когда она принимает решение убить Хагена – и с этого же момента он начинает притягивать ее как магнит. Этот сон имеет сексуальную окраску, и хотя партнер во сне замаскирован под родного брата, по отношению к которому поцелуи не выглядят нарушением табу, это без сомнения сон о Хагене – с его именем Кримхильда засыпает и просыпается, сон укрепляет ее в решении и подсказывает вариант действий. Если до этого момента Кримхильда всячески избегала Хагена, то отныне, приговорив его к смерти, Кримхильда будет то и дело искать с Хагеном встречи – всякий раз, потерпев новое моральное поражение, подвергнувшись язвительным насмешкам, она плачет, негодует и снова и снова приходит за новой порцией. Нам представляется, что сон о Гизельхере имплицитно отражает эту тайную, некрофильскую тягу героини.

Итак, наш анализ позволяет прийти к следующим выводам:

- Сны играют заметную роль в структуре поэмы «Песнь о нибелунгах» - они задают рамочную конструкцию всей ткани повествования, сюжетно связывая между собой ключевые части поэмы;

- Сны создают саспенс, стимулируют интерес аудитории, с помощью повторяющегося алгоритма: содержание сна- интерпретация сна- реализация предсказанного - включают механизм активного вовлечения аудитории в происходящее;

- Сны содержат яркую и легко узнаваемую символику, общую для всей средневековой германской традиции, они сигнализируют о присутствии метафизических сил за кулисами сюжета. При этом автор поэмы не выпускает иррациональное и сверхъестественное на авансцену: сны служат фоном и рамкой событий, они поданы как вспышки из иного мира, приоткрывающие таинственную завесу будущего;

- Сны и окружающий их нарратив косвенным образом характеризуют персонажей, вскрывают сознательные и даже подсознательные мотивации их поступков и решений;

- При том, что так же как в семейных сагах об исландцах и ряде других произведений северогерманской литературы, поэма «Песнь о нибелунгах» не расставляет ярко выраженных моральных акцентов, не навешивает на персонажей ярлыки, сны в поэме высвечивают их внутренние конфликты и экзистенциальные дилеммы. Более того, сны представляют драматический конфликт всего повествования в более широкой перспективе, вписывая его в контекст извечной борьбы добра со злом.

Библиографический список

1. Сага о Ньяле // Исландские саги. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956
2. Песнь о нибелунгах// Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о нибелунгах. – М: Художественная литература, 1975. Сс. 357-628
3. Саракаева А.А., Саракаева Э.А., Лебедева И.В. Проблема политического насилия в «Песни о нибелунгах» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. - Тамбов: Грамота, № 12 (часть 4), 2015. Сс. 155-158
4. Саракаева Э.А., Лебедева И.В. Нибелунги и психоаналитики: фрейдистский и юнгианский подходы к анализу поэмы «Песнь о нибелунгах» // Каспийский регион: политика, экономика, культура 2015 № 4 (45). Философская антропология, философия культуры. – Астрахань, 2015, Сс. 294-299
5. Atlamál in grœnlenzku: The Ggeenlandic lay of Atli // The Elder Edda. A Book of Viking Lore. – London: Penguin Books, 2011. Pp. 215-230
6. Bumke J. Die Eberjagd im Daurel und in der Nibelungendichtung // Germanic Review No 41 (1960), Pp. 105-111
7. Cochrane James Alan. Bright Dreams and Bitter Experience: Dreams in Six Sagas of Icelanders. Ph.D. Thesis submitted to University college. – London: ProQuest LLC, 2013
8. Das Nibelungenlied. Ed. Helmut de Boor // Deutsche Klassiker des Mittelalters, 17th ed. - Wiesbaden, 1963
9. Frakes Jerold. Kriemhild's Three Dreams: a Structural Interpretation // *Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur* No 113 (October 1984), Pp. 173-187
10. Hatto A.T. Poetry and the Hunt in Medieval Germany // *Journal of the Australasian Universities Language and Literature Association* Vol. 25, No 1 (May 1966), pp. 33-56
11. Henzen W. Über die Träume in der altnordischen Sageliteratur. – Leipzig, 1890.
12. Hoffman W. Das Nibelungenlied. – München, 1969.
13. Kelchner G.A. Dreams in Old Norse Literature and their Affinities in Folklore. – Cambridge, 1935
14. Lonnroth Lars. Dreams in the Sagas // *Scandinavian Studies* Vol. 74 No 4, 2002, Pp. 465-464

15. Lutwack Leonard. Birds in Literature. –University Press of Florida, 1994.
16. Lynch Kathryn L. The High Medieval Dream Vision. – Stanford, CA., 1988
17. Mowatt D.G. A Note on Kriemhild's Three Dreams, Seminar 7 (1971), Pp. 114-122
18. Mowatt D.G., Sacker H. The Nibelungenlied: an Interpretative Commentary. –University of Toronto Press, 1967
19. Müller Jan-Dirk. Rules for the Engame. The World of the Nibelungenlied. – Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2007
20. Nordmeyer G. Source Studies on Kriemhild's Falcon dream // Germanic Review No 15 (1940), Pp. 292-299
21. Ploss F. Byzantinische Traumsymbolik und Kriemhilds Falkentraum // Germanic review No 39 (1958), Pp. 218-226
22. Reik Theodor. Kriemhilds Traum //Zentralblatt für Psychoanalyse. Medizinische Monatsschrift für Seelenkunde 2 (1912), P. 416-417
23. Schröder F.K. Kriemhilds Falkentraum // PBB no 78 (1978) Tüb, Pp. 319-348
24. Speckenbach K. Der Eber in der deutschen Literatur des Mittelalters // Fischr. F. Ohly. – München, 1975 (1), Pp. 425-276
25. Spearing A.C. Medieval Dream-Poetry.- Cambridge, 1976
26. Wehrle Jan. Dreams and Dream Theory // Handbook of Medieval Culture. Fundamental aspects and Conditions of the European Middle Ages. Ed. By Albrecht Classen. Vol. 1. – Berlin/Boston: Walter de Gruyter GmbH, 2015. Pp. 329-346

СЕКЦИЯ Языкознание

УДК-81

ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ДЛЯ ПРАВИЛЬНОГО ПОНИМАНИЯ И ПЕРЕВОДА

Ессина Ирина Юрьевна, Протасова Надежда Александровна
Саратовская государственная юридическая академия
Essina@rambler.ru, Protasovanadya77@rambler.ru

PECULIARITIES OF PHRASEOLOGISMS FOR PROPER UNDERSTANDING AND TRANSLATION

Yessina Irina Yuryevna, Protasova Nadezhda Aleksandrovna
Saratov State Academy of Law

Аннотация

В данной статье рассматриваются основные аспекты фразеологических единиц и способы их перевода. Используются такие методы как калькирование, актуализация, описательный метод. Статья содержит основные рекомендации по проблеме перевода фразеологизмов с учетом различных приемов перевода для их разрешения. Авторы сделали попытку проанализировать сложные переводческие действия. Статья раскрывает не только трудности, но и дает конкретные рекомендации по рассматриваемому вопросу.

Ключевые слова: фразеологические единицы, идиомы, перевод, особенности фразеологизмов, лингвистические факторы, языковые знаки, эквиваленты

Abstract

This article discusses basic aspects of phraseological units and how to translate them. The methods such as skinning, update, descriptive method are used. Article provides key recommendations on the issue of phraseological units interpretation, taking into account the

different translation techniques to resolve them. The authors have attempted to analyze the complex translation steps. Article reveals not only the difficulties but also gives specific recommendations on the subject.

Keywords: phraseological units, idioms, translation features of phraseologisms, linguistic factors, linguistic signs, equivalents

Потребность в специалистах высокого класса обладающими навыками эффективного владения английским языком в профессиональной сфере не вызывает сомнения.

На сегодняшний день хорошее владение английским языком невозможно без знания его фразеологии. Изучая фразеологию можно значительно облегчить чтение и художественной и публицистической литературы. Фразеологизмы представляют собой определенные языковые образования, которые обладают весьма сложной смысловой нагрузкой и грамматической структуры. Знания закономерностей фразеологических единиц позволяет делать речь естественной, живой и эмоциональной. А переводчику фразеологии, умеющим адекватно передать фразеологизм на другой язык, показать высокое речевое мастерство.

Следует отметить, что фразеологические единицы связаны непосредственно с характерными особенностями национального понимания действительности, реалиями жизни, традициями. Если говорить о национальных специфичных характеристиках фразеологических систем, то можно определить сходные черты, обусловленные разными лингвистическими факторами. Пример сходства определяется в силу общности образности и ассоциаций, логических процессов мышления разных языковых сообществ, а также от культурных и исторических связей между ними.

Практика показывает, что особую сложность при обучении переводу представляет выбор средств в языке – рецептора (ЯР) для передачи фразеологических единиц. В любом языке огромную роль играют особенности национальной специфики, общенационального менталитета, культурных традиций, самобытности носителя языка, отраженных в семантике фразеологической единицы, придающие своеобразие фразеологии разных языков, которое определяется при сопоставительном анализе. Немаловажно считать, что отношения эквивалентности, существующие между языковыми знаками, не всегда сохраняются между конкретными речевыми произведениями.

Например: Американцы, выражая удовлетворение и хорошее настроение, говорят так-*I'm as happy as a clam in high waters*- я доволен или счастлив как мидия во время прилива. А британцы более эмоционально выражают те же самые чувства-*I'm as happy as a lark high up in the sky*- я счастлив как жаворонок высоко в небе. А русский язык переводит этот вариант следующим образом- счастлив как ребенок.[1.с.65]

В каждом языке есть немало ФЕ, характерных только для данного народа, и найти соответствующий фразеологизм бывает очень непросто или почти невозможно. Такие ФЕ образуют группу безэквивалентной фразеологии. Структурные изменения фразеологических единиц, не вызывающие определенных трансформаций семантической стороны ФЕ, не приводят к изменению характера ее межъязыковой соотнесенности. Хотя чаще всего трансформация ФЕ в процессе ее контекстуальной реализации бывает сложной. Переход фразеологических единиц из одной части речи в другую сопровождается изменениями в ее семантики.[5.с.243]

Приступая к переводу того или иного текста надо выделить фразеологическую единицу в контексте, и убедиться, что на узуальном уровне данная единица не имеет соответствий, и тогда ее можно отнести к безэквивалентной. В ходе дальнейшего извлечения информации из оригинала текста, анализируя переводимую часть текста, надо сделать необходимые выводы о содержании, которое нужно определить в отношении типа преобразования, претерпевшего в данной части оригинала ФЕ. [3.с.94]

Следует отметить, что в английском языке существуют три типа фразеологических единиц:

Первый тип- идиомы.

Второй тип- фразеологические единства.

Третий тип- фразеологические сочетания

1. Фразеологические сращения или идиомы представляют собой устойчивые словосочетания, утратившие полностью семантическую самостоятельность: to rain cats and dogs – лить как из ведра (о дожде); kick the bucket (разг.) – загнуться; to send smb. to Coventry – прекратить общение с кем-либо; to be at smb.'s beck and call – быть на побегушках; to be all thumbs – быть неуклюжим;

2. Фразеологические единства-словосочетания, которые имеют целостное значение, неделимые по смысловой значимости: -angel of light – человек, которого все любят, lion's share – львиная доля; to burn bridges – сжигать мосты; to throw dust into smb.'s eyes – заговаривать зубы; to throw mud at smb. – обливать грязью; to be narrow in the shoulders – не понимать шуток; to hold one's cards close to one's chest – не разглашать что-либо, держать язык за зубами

3. Фразеологические сочетания- словосочетания, слова которых входят в соединения только с определенным составом слов-bad actor-закоренелый преступник, the clown foot-чертовский характер, to pay attention to smb. – обратить на кого-либо внимание, a bosom friend – давний, верный друг, (to have) a narrow escape – спасение чудом, a Sisyfean labor – Сизифов труд, rack one's brains – напряженно думать, вспоминать [2.с.16].

Изучая фразеологию, нельзя не отметить главную проблему – это определение места фразеологической единицы, которая всегда представляет собой опосредованный знак, выражающий лишь некоторые, но весьма существенные качества.

Для определения алгоритма фразеологических единиц, их подвижности был проведен мини практикум, в котором студенты, как носители современного английского языка, выполняли письменную работу. Были предложены грамматические и лексические варианты, задания на определение идиом с использованием метода целостного осмысления и преобразования, комбинированного метода и метода калькирования, метода идентификации – определение идентичности слов и синтаксических конструкций, метода аппликации, являющийся разновидностью метода идентификации [6.с.3]

Респонденты выполняли задания, предоставляя различные варианты переводов, принимая во внимание то, что фразеологизмам свойственно многообразие. На основе анализа контекста и с помощью фразеологических словарей шел поиск подходящих эквивалентов на русский язык. Краткая подборка примеров, выделенная в работе, также иллюстрирует словарный выбор фразеологизмов и с цветообозначением, который, в свою очередь, поможет определить социально-профессиональный статус или причастность к определенным событиям, оценку нравственным или функциональным явлениям. [4.с.183]

1. Act of grace, advocaat, back order, best right, bullet proof, person of law, open marriage, blue law, sucker list, think tank, red alert, bolt out of the blue, out of red

2. A black hen lays a white egg, show your true colours, a horse of different colour, to make the air blue, the men in gray suits, blue-collar worker, roll out the red carpet, give someone a black eye, between the devil and deep blue sea, born with silver spoon in your mouth, brown power, eat for the bar, joy driving, make a killing, kill the bill, kiss the book, angel of light, lion's share, bad actor, the clown foot, to bear one's cross, to condemn oneself out of one's mouth, to escape by the skin of one's teeth

3. The man was at the helm, keeping his weather eye open to make sure that she did not run on the rocks.

If only she had gone into deep water she would still have afloat.

Give him another chance. He wants to turn over a new leaf.

She left her hair down

Nick could feel in his bones that something was wrong

He did not want to show his true colours

Black day is not coming

Анализ материала позволил определить - насколько сложно было выполнить представленные задания, что необходимо сделать, чтобы расширить общий словарный объем и умения анализировать речевые функции фразеологизмов и получить позитивные результаты. Самым трудным для перевода фразеологических единиц оказались фразеологизмы, основанные на современных реалиях. Сопоставление особенностей функционирования ФЕ в текстах, таких как русский и английский, показало, что полные и частичные эквиваленты проявляют одинаковые семантические способности узуальных вариантов приспособляться к конкретным контекстуальным условиям. Такие семантические преобразования как уточнение, конкретизация значения, двухплановость, во многих случаях могут быть переданы соответствующими изменениями в узуальных эквивалентах языка перевода[7].

Итак, язык и фразеология находятся в непрерывном развитии и являются огромным источником для обширных лингвистических исследований. Авторы часто для большей оригинальности текста, преобразуют фразеологизмы, используя новаторские методы, достигая стилистического эффекта для передачи необходимой информации, стремясь передать языку свою способность к творческой деятельности. Системное изучение фразеологии открывает возможность повысить речевую готовность к образному выражению мысли, постичь культуру разных стран.[8.с.164]

Фразеологический состав современного английского языка постоянно пополняется новыми единицами в результате изменений условий жизни общества, коммуникативным алгоритмом жизнедеятельности, что дает возможность для поиска новых средств выразительности.

Библиографический список

1. В.С. Слепович. Курс перевода: учеб. пособие для студентов вузов. Мн: ТетраСистемс. 2005.с.320
2. Ессина И.Ю. Некоторые особенности перевода фразеологических единиц в аспекте их структурного преобразования.//Материалы Международной научно-практической конференции. Инновации в современной филологии и методике преподавания иностранных языков в высшей школе: перспективы развития, Саратов: ИЦ, «Наука»,9 апреля 2014.с. 281
3. . Протасова Н.А. Профессионально-направленная система подготовки будущих юристов: на примере обучения английскому языку: диссертация...кандидата педагогических наук: 13.00.01. Саратов, 2002-175с.: ил. РГД ОД, 61-02-13\1618-5
4. Семенова Э.В., Ессина И.Ю. Особенности преподавания английского языка в юридическом вузе. Сборники конференций НИЦ Социосфера.2013.№42.С.182-185.
5. Протасова Н.А., Ессина И.Ю., Ефимова И.И.Иностранный язык как компонент профессиональной подготовки специалиста-юриста. Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015, №5(106), с.242-248
6. . Ессина И.Ю.,ПротасоваН.А. Координация межпредметной и межаспектной языковой деятельности в рамках инновационной платформы современного высшего образования. Материалы X международной научно-практической конференции: «педагогика и психология: проблемы, актуальные задачи. Научно-издательский центр Априори. Краснодар.3февраля.2016.стр.6
7. Кирюшкина Т.В.,Максименко Е.С. Учебное пособие по теории и практике перевода. Энгельс. Редакционно-издательский центр ПКИ.2010.стр.56..57.
8. Ессина И.Ю., Ефимова И.И., Протасова Н.А. Извлечение информации посредством эффективного использования умений и навыков рецептивных видов деятельности. Язык и мир изучаемого языка: сб.науч.статей/выпуск 6,Саратов:ССЭИ (филиал РЭУ им. Плеханова). 2015.с. 163-166.

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «СВЕТ/LIGHT»
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ч. ДИККЕНСА**

Ефанова Мария Анатольевна

«Белгородский национальный исследовательский университет», г.Белгород

mariyaefanova@yandex.ru

**REPRESENTATION OF THE CONCEPT “LIGHT”
IN CH. DICKENS’ WORKS**

Efanova Mariya Anatoljevna

Belgorod national research university, Belgorod

mariyaefanova@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются особенности репрезентации концепта «свет/light» на материале произведений Ч. Диккенса. Статья представляет собой когнитивно-лингвистическое исследование концептосферы нескольких художественных произведений. Рассматриваются такие понятия как концепт, художественный концепт и концептосфера как основные понятия когнитивной лингвистики. Актуальность статьи связана с возникновением большего интереса к такой пространственной категории как «свет».

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, концепт, художественный концепт, концептосфера художественного текста.

Abstract

This article discusses the features of representation of the concept “light” in Ch. Dickens’ works. The article is a cognitive-linguistic study of the sphere of the concepts in some literary texts. Discusses the art concept and the sphere of the concepts as the basic concepts of the cognitive linguistic. The relevance of the article is associated with the emergence of the great interest to such spatial category as “light”.

Key words: cognitive linguistic, concept, concept sphere of literary text.

В современной лингвистике понятие «концепт» считается в достаточной мере разработанным, однако в разных лингвистических направлениях, таких как лингвокультурология, когнитивная лингвистика, психолингвистика оно приобретает свое особенное наполнение и содержание. Так, например, в когнитивной лингвистике понятие «концепт» является ключевым.

Концепт как «ментальное образование, присутствующее в коллективном или индивидуальном языковом сознании, прошедшее семиозис и сознаваемое языковой личностью как инвариантное значение ассоциативно-семантического поля» [8]. Другими словами – это ментально-лингвальный комплекс, который включает в себя не только вербальные, но и невербальные пояснения, характеризуется устойчивым соотношением ядра и периферии семантического поля.

Изучение соотношения таких понятий как «концепт» и «художественный текст» представляет особый научный интерес. Под текстом, вслед за Н.Ф. Алефиренко, понимаем «целостное коммуникативное образование, компоненты которого объединены в единую иерархически организованную семантическую структуру коммуникативной интенцией его автора» [1].

По мнению Ю.М. Лотмана: «текст предстаёт пред нами как сложное устройство, хранящее многообразные коды, способные трансформировать получаемые сообщения и порождать новые, как информационный генератор, обладающий чертами интеллектуальной личности» [4].

Теория текстовой реализации концепта – это одно из инновационных направлений развития современной лингвокогнитологии потому, что «схоластичность концепта делает механизм его связи с реальной вербализацией многообразным по типу и по неоднозначности получаемого результата» [3]. Развитие когнитивной лингвистики позволяет нам по-новому взглянуть на художественное творчество писателя. Отраженная в художественном тексте поэтическая картина мира содержит в себе лингвистическую и экстралингвистическую сущность, которая в языковой форме выражает эстетическое видение мира автора.

Художественное произведение представляет собой совокупность художественных концептов. Наиболее полное определение художественного концепта было дано Л.В. Миллер. Она рассматривает художественный концепт как «сложное ментальное образование, принадлежащее не только индивидуальному сознанию, но и психоментальной сфере определенного этнокультурного сообщества, как универсальный художественный опыт, зафиксированный в культурной памяти и способный выступать в качестве фермента и строительного материала при формировании новых художественных смыслов» [5].

Система художественных концептов, которые репрезентируются преимущественно такими формами когнитивных структур как фрейм, сценарий, сцена представляют собой концептосферу художественного текста [6]. Тем самым, мы можем сказать, что «художественный концепт - это компонент художественной концептосферы автора, включающий те ментальные признаки и явления, которые отражены в сознании народа и являются когнитивно-прагматически значимыми в рамках заданной автором сюжетной линии произведения» [6].

Следует отметить, что анализ художественного произведения позволяет говорить о своеобразной взаимосвязи концепта и художественного произведения. «С одной стороны концепт является ключом для адекватного восприятия содержательной стороны произведения и его эмоционально-оценочной информации за счет содержащегося в концепте этнокультурно-обусловленного эстетико-смыслового кода. Расшифровке смысла произведения способствует ассоциативная и коннотативная составляющие содержания концепта» [5].

В художественном тексте, который является результатом речемыслительной деятельности, автор представляет свою собственную концептуальную картину мира. Поэтому, беря за основу когнитивный анализ художественного текста, реализуем возможность реконструкции модели концептуальной картины мира автора, выявление фрагментов ее содержания – концептов.

Исследуя архитектуру концептосферы художественного произведения целесообразно учитывать тот факт, что «исходный смысл, закладываемый в текст его автором, передаётся через значения используемых слов, которые дважды выступают в роли медиаторов в пятичленной связи автор – проекция текста – тело текста – проекция текста – читатель, при этом означивание и спонтанная интерпретация текста протекают на базе личного опыта и связанных с ним переживаний разных людей» [2].

«Представляется целесообразным исследование света как одного из универсальных символов, репрезентируемых в архитектурах большинства концептосфер художественных текстов» [7]

Нами был рассмотрен художественный концепт «Свет/light» в концептосферах нескольких художественных произведений Ч.Диккенса, таких как «the Old Curiosity Shop», «Christmas Carol», «the Chimes».

Словарные дефиниции существительного light отражают широчайший «спектр его значений: 1) электромагнитные волны в интервале частот, воспринимаемых глазом; 2) яркий свет (солнца, лампы и т.п.); 3) электрическое освещение, прожектор, фара, светофор; 4) дневной свет, рассвет; 5) огонь (спички, сигареты); 6) озарение (духовное, религиозное); 7) дополнительная информация или пояснение; 8) общественное внимание; 9) аспект (способ восприятия или оценки); 10) устар. зрение; 11) lights – индивидуальные мнения, выборы, стандарты; 12) выдающийся в своем деле человек; 13) выражение глаз; 14) представление

света в искусстве; 15) в квакерской доктрине light – направляющий дух божественного присутствия в каждом человеке» [9].

Значительные вариации семантики существительного light обусловлены особенностями отражения знаний и представлений англоязычного сознания о фрагменте действительности, стоящим за этим именем. Light – это свет, который исходит из различных источников, таких, как солнце, луна, лампы и огонь, и позволяет видеть предметы окружающего мира. Вместе с тем это свет знания, который дает человеку просвещение или вера, и который помогает ему найти ориентацию в окружающем мире в прямом и в переносном смысле. Слово light имеет несколько омоформ или «грамматических масок» (по выражению Бабенко Л.Г.). Оно функционирует в английском языке как существительное, прилагательное, глагол и наречие.

Проведя когнитивно-герменевтический анализ репрезентации концепта «Свет/light» в концептосферах вышеуказанных трёх произведениях Ч. Диккенса, мы можем отметить:

- наиболее высокую частотность употребления номинантов в произведении «the Old Curiosity Shop» (около 60 номинантов), среднюю частотность употребления в произведении «Christmas Carol» (около 20 номинантов), и низкую частотность употребления в произведении «The Chimes» (около 9 номинантов);

- концепт «Свет/light» репрезентирован в большинстве случаев посредством имени существительного – the light of a street-lamp (the Old Curiosity Shop), a dismal light (Christmas Carol), the light of the clear eyes (The Chimes);

- низкочастотна вербализация концепта с помощью глагольных форм и имён прилагательных.

Также необходимо отметить, что наиболее часто концепт «Свет/light» употребляется в значении освещения (пути, комнаты, дороги), дневного света, а также огня (лампы, спички и т.д.).

НАПРИМЕР, *the light of day, halls of dazzling light, with morning light, the light of a few flaring candles* (the Old Curiosity Shop).

К ПРИМЕРУ, *it had not been light all day, lighted his candles, light flashed up in the room* (Christmas Carol).

НАПРИМЕР, *she lighted her feeble candle* (The Chimes).

В исследуемых произведениях имеется ряд индивидуально-авторских метафорических образований: *her eyes lighting up with merriment and kindness, the laughing light, a good light near the window* (the Old Curiosity Shop); *a bright clear jet of light, light of heart* (Christmas Carol); *the light of the clear eye, to light the dark nights* (The Chimes).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что художественный концепт «Свет/light» является эстетически и прагматически значимой единицей концептосферы проанализированных художественных произведений.

В произведениях Ч. Диккенса наблюдается высокая частотность репрезентантов художественного концепта, около 80 словоупотреблений. Игра света (естественного и искусственного) помогает писателю «осветить» не только внешние, но и внутренние стороны событий и людей. Концепт «Свет/light» служит индикатором настроения героев и приобретает в произведениях концептуальную значимость.

Вербализация художественного концепта «Свет/light» происходит в большинстве случаев с помощью существительного, менее частотно используются глагольные конструкции и прилагательные. Наиболее часто концепт «Свет/light» употребляется в значении освещения, дневного света, а также огня. Также наблюдается использование ряда индивидуально авторских метафорических образований.

Библиографический список

1. Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики: Монография. – М.: Гнозис, 2005. – 326 с.

2. Залевская А.А. Некоторые проблемы понимания текста // Вопр. Языкознания.– 2002.– № 3. – С. 62–73.
3. Кобрин Н.А. О соотносимости ментальной сферы и вербализации // Концептуальное пространство языка: сб. науч. тр. – Тамбов. 2005. – С. 77–94.
4. Лотман Ю.М. Чему учатся люди (статьи и заметки). – М: Рудомино, 2010. – 416 с.
5. Миллер Л.В. Лингвокогнитивные механизмы формирования художественной картины мира (на материале русской литературы): Автореф. дис. д-ра. филол. наук.– СПб, 2004.– 15с.
6. Огнева Е.А. Адаптируемость архитектоники концептосферы художественного текста // Вестник ХНУ.– 2009.– №867.– С. 118–119.
7. Огнева Е.А. Репрезентация концепта СВЕТ в пространственной модели художественного текста // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 6.
8. Сергеева Е. В. К вопросу о классификации концептов в художественном тексте // Вестник ТГПУ .– 2006.– №5.– С.98–103.
9. Webster's Third New International Dictionary of the English Language Unabridged.– Konemann: Merriam-Webster, Incorporated, 1993.
10. Dickens Ch. A Christmas Carol. Penguin Books Ltd, 2012.
11. Dickens Ch. The Chimes. Bernhard Tauchnitz, 1845.
12. Dickens Ch. The Old Curiosity Shop. Penguin Books Ltd, 2012.

УДК: 81; 81-119

К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Перепечкина Светлана Евгеньевна

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь
s.perepchkina@gmail.com

SOME CURRENT TRENDS IN LINGUOCULTUROLOGICAL RESEARCH

Perepchkina Svetlana Evgenyevna

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol

Аннотация

Статья посвящена выявлению менее изученных, но актуальных на современном этапе развития лингвокультурологии аспектов исследований. В результате аналитического обзора делаются выводы о необходимости более широкого вовлечения синтактико-морфологического и просодического уровней в описание национальной языковой картины мира, обосновывается мысль о ее вариативности внутри языкового сообщества и изучении ее социально и территориально обусловленных «трансформов».

Ключевые слова: лингвокультурология, актуальные тенденции, языковая картина мира, грамматика, просодия

Abstract

This paper aims to identify some lesser-known perspectives and approaches that can be relevant for today's linguistic and cultural studies. The conclusion is that syntactic, morphological and prosodic levels should play a more important role when describing the linguistic view of the world peculiar to the national culture. The author presents her arguments as to why this linguistic view of the world varies within the scope of the speech community, and advocates for further research of transforms caused by social and territorial reasons.

Keywords: linguistic and cultural studies, current trends, linguistic view of the world, grammar, prosody.

Одним из наиболее интенсивно развивающихся направлений лингвистики начала ХХI века является лингвокультурология, исследующая язык и культуру в их взаимосвязи и взаимодействии. Философские основы такого подхода были заложены трудами В. фон Гумбольдта, высказавшего мысль о том, что разные языки – это не только разные воплощения человеческого сознания, но и различные видения мира, в них заложено самобытное мирозерцание; что «языку присуща специфическая для каждого народа внутренняя форма» и эта «внутренняя форма есть выражение «народного духа», его культуры» [7, с. 58; 5]. Эти идеи находят свое специфическое развитие у европейских и американских ученых, в частности, у Л. Вайсгербера в его теории языковой картины мира, акцентирующей идиоэтничность языкового содержания; у Э. Сепира и Б. Уорфа в теории «лингвистической относительности» – люди видят мир сквозь призму своего родного языка, следовательно, по-разному; в России XIX века – у А.А. Потебни, который «подчеркивал общечеловеческую ценность каждого этнического языка – в качестве еще одной, запечатленной именно в этом языке, картины мира» (напр., в работе «Эстетика и поэтика», 1880 г.) [8, с. 62-63]. В настоящее время благодаря трудам многих ученых (Арутюновой Н.Д., Алефиренко Н.Ф., Воробьева В.В., Воркачева С.Г., Караулова Ю.Н., Красных В.В., Масловой В.А., Степанова Ю.С., Телия В.Н., Шаклеина В.М. и др.) сформирован понятийный аппарат лингвокультурологии, некоторые аспекты которого требуют, однако, дополнительного уточнения. Так, по мнению В.М. Шаклеина, «не решен еще один из главных вопросов лингвокультурологии – вопрос о механизмах связей языка и культуры, а сам термин «лингвокультурология» требует дополнительного теоретического обоснования» [15, с. 4]. Алефиренко Н.Ф. также отмечает, что процесс становления данной науки еще не завершился, она еще не определила параметры своего предмета изучения, находится в стадии поиска собственных задач, теоретической платформы, методологии и методов исследования, которые бы отличали ее от других когнитивных наук – когнитивной психологии и когнитивной лингвистики [1, с. 4].

В поле зрения современных лингвокультурологических студий находятся, прежде всего, языковая картина мира (наивная, научная, национальная, поэтическая, эмоциональная) и ее репрезентация на различных уровнях языковой системы, выявление совокупности ключевых концептов той или иной культуры и описание культурной семантики языковых знаков; способы концептуализации и структурирования мира (времени и пространства, отношений и свойств) в различных лингвокультурах, авто- и гетеростереотипы народа (представления о своем / чужом национальном характере), языковая личность, национально специфические установки и ценности, отображенные во фразеологических оборотах и поговорках, понятие прецедентности. Заметим, что тема прецедентных феноменов (имен собственных, текстов), к примеру, на материале немецкого языка еще мало исследована, а в немецкой научной литературе такой термин практически не используется как лингвокультурологический. **Актуальность** разрабатываемых проблем обусловлена в первую очередь тем, что лингвокультурология молодая, но очень востребованная в современном поликультурном мире наука и нуждается в своем всестороннем развитии. **Задача** данной статьи заключается в том, чтобы выявить и обозначить те некоторые аспекты, которые сегодня еще не охвачены лингвокультурологическими исследованиями в достаточной мере.

Один из главных объектов исследований такого рода – языковая картина мира, концепцию которой одним из первых разрабатывал в своих трудах Лео Вайсгербер (монография «Muttersprache und Geistesbildung» / «Родной язык и формирование духа» (1929); статьи «Die Zusammenhänge zwischen Muttersprache, Denken und Handeln» / «Связь между родным языком, мышлением и действием» (1930) и «Sprache» / «Язык» (1931), книга «Die inhaltbezogene Grammatik» / «Грамматика, сориентированная на содержание» (1953)). Как отмечает В.П. Даниленко, для реконструкции картины мира даже и одного языка необходимы усилия многих поколений исследователей. Поэтому мысль Лео Вайсгербера о

воссоздании всех языковых картин мира может показаться утопичной, однако Вайсгербер верил в ее осуществление, хотя и понимал, что это может произойти даже и при благоприятных условиях в очень отдаленном будущем [6]. Сложность данного процесса заключается еще и в том, что всесторонняя репрезентация языковой картины мира предполагает ее синхронное описание на всех уровнях языковой системы, приоритетным из которых сегодня все еще является лексический как содержащий наиболее объемный и яркий культурно-маркированный материал. Один только факт изменения значения слова в соответствии с культурно-историческими условиями мог бы послужить примером связанности языка и культуры (ср., напр., прежнее значение слов *queen* (a woman), *marshal* (a horse servant) и сегодняшнее). Культурно значимые смыслы лексических единиц определяются и на уровне текста в привязке к фрейму либо скрипту /сценарию. (В трактовке данных терминов, заимствованных из социальных наук, в лингвокультурологии пока не наблюдается единого взгляда: иногда в понятие фрейма включается и понятие сценария (фрейм-сценарий), иногда же они четко размежевываются). Внимание привлекает и лексика с национальной спецификой, поскольку основными средствами выражения национальной картины мира и национального менталитета считаются именно фразеология и лексика. Тем не менее, и в области морфологии и синтаксиса имеются феномены, соотносящиеся с культурой и ментальностью носителя данной культуры. Так, по мнению В. Агеля, категория синтаксической рамки позволяет рассматривать немецкое предложение как образец визуальной метафоры («*Grammatik und Kulturgeschichte*», 1999), а представленная Г. Вайнрихом система временных регистров, коррелирующая с разными типами текста – обсуждением и повествованием («*Tempus – Besprochene und erzählte Welt*», 1964), также обладает способностью выполнять функцию языковых знаков культуры.

Актуальность исследований национальной языковой картины мира на грамматическом уровне особо подчеркивает М.В. Всеволодова, замечая, что «в последние годы грамматика оказалась на далекой периферии лингвистических интересов», хотя модели предложения и их трансформационный потенциал (сопоставительный анализ которого в разных языках еще не проводился) могли бы дать «интереснейший материал для сопоставления и осмысления именно в плане выявления специфики языковых картин мира» [4, с.22-27]. В особенностях грамматики того или иного языка отображается, кроме того, необходимость выражения тех или иных смыслов для носителей каждого языка и группы языков, к примеру, необходимость однократного / многократного использования отрицания в рамках одного предложения или наличие / отсутствие артикля (ср. немецкий и русский языки). Так, по смыслу, заключенному в порядке слов (без специального интонационного выделения), предложения: *Мимо меня прошла девушка* (инверсия: какая-то девушка, незнакомая) и *Девушка* (эта девушка, уже упоминавшаяся, знакомая и т.д.) *прошла мимо меня* соответствуют немецким предложениям, где значение определенность / неопределенность передается артиклем: *Ein Mädchen kam an mir vorbei* и *Das Mädchen kam an mir vorbei*. (*Das Mädchen, das ich schon mal gesehen habe,...*). Не имея этой категории, русский язык использует порядок слов, который в данном случае не является произвольным. Предполагается, что отсутствие артикля в грамматике русского языка обусловлено малопродуктивностью в русской лингвокультуре такой ментальной сущности как приватность, персональность, которую связывают с наличием артикля [13, с.106]. Или, например, выражение предшествования в прошлом или будущем, которое в немецком языке реализуется посредством временных форм, употребленных в определенном сочетании и последовательности, чего не наблюдается в славянских языках. Если через призму морфологии и синтаксиса говорить о национальном характере, то можно предположить, что немецкому языку свойственно тяготение к формальному, оформленному грамматически, а в характере его носителей обнаруживаются такие черты как педантичность и точность.

Особенности представления менталитета того или иного народа в языке – один из важных аспектов, которые изучает лингвокультурология [1, с. 19]. Исходя из того, что «менталитет – это мыслительная и духовная деятельность как отдельного человека, так и

общества в целом» [12, с. 196], следовательно, «состоит не только из идей, но и из чувств, настроений, мнений, впечатлений, подсознательно управляющих человеком, можно различить менталитет личности, национальный, региональный и даже групповой менталитет» [14, с. 108]. Мысль о такой дифференциации представляется весьма важной, т.к. в этой связи актуальными и многообразными становятся когнитивные лингвокультурологические исследования языка носителей диалекта или представителей той или иной субкультуры. Уже имеются работы по выявлению и описанию миромоделирования и ценностного компонента концептосферы («аксиосферы») на лексико-семантическом уровне в молодежной коммуникации (напр., [2; 3; 11]). Молодежный жаргон отображает менталитет молодых людей (который, как показывают исследования, у них в большей степени состоит из чувств, впечатлений и зависит от мнений) и понимается как специфический феномен культуры. А поскольку особенности менталитета проявляются на уровне языковой картины мира, то, принимая во внимание социально-территориальную стратификацию языкового сообщества, можно говорить о существовании в его пределах не только общенациональной, но и диалектной, социолектной и др. языковых «субкартин» мира, изучение которых, в т.ч. в их взаимосвязи, представляет широкое поле деятельности. К примеру, сопоставление национальной языковой картины мира с таковой, репрезентирующей в молодежном сленге либо различных аргос или в «мультиэтнолектах» (языке молодежи районов крупных городов со значительной долей иммигрантов), таких как *Kitzdeutsch* в Германии, *Rinkeby-Svenska* в Швеции, *københavnsk multietnolekt* в Дании, *straattaal* /«язык улицы» в Нидерландах. (Подробнее о мультиэтнолекте, напр., у П. Ауэра «*Türkenslang*»: *Ein jugendsprachlicher Ethnolekt des Deutschen und seine Transformationen*» (2003) или Ф. Хинненкампа «*Sprachgrenzen überspringen. Sprachliche Hybridität und polykulturelles Selbstverständnis*», (2005). Представители молодежных групп отображают познаваемый мир ресурсами своих языковых возможностей и исходя из своих потребностей, т.е. специфически, по-своему, в своей лингвокультуре. В случае с этнолектами специального исследования заслуживает, по нашему мнению, факт взаимопроникновения лингвокультур и трансформация типично национального языкового сознания в мультиэтническое, как это происходит с поколением молодых людей, родившихся в иммигрантских или смешанных семьях, но хорошо интегрировавшихся в новую лингвистическую общность. Т.о., в одном и том же языковом сообществе могут проявляться разные менталитеты и соответственно разные языковые картины мира, которые можно было бы назвать лингвокультурными «трансформами» национальной языковой картины мира.

Лингвокультурологический подход пока не находит широкого применения на фонетическом сегментном уровне, поскольку известно, что фонема сама по себе не несет значения. Тем не менее, и фонетические особенности речи могут представлять некоторый культурно маркированный материал как соотносящийся с орфоэпическими нормами той или иной эпохи или характеризующий языковую личность по параметрам территориальной и социальной принадлежности. Возможным для лингвокультурологических штудий в плане национально специфического восприятия мира на ассоциативно-эмоциональном уровне видится привлечение данных фоносемантики: в этой области имеется ряд исследований, в т.ч. инструментальных, изучающих связь звука и значения в слове (Воронин С.В., Журавлев А.П., Левицкий В.В. и др.). Однако и здесь вопрос символического значения того или иного звука, например, однозначного соответствия звуков определенному цвету или другому абстрактному понятию (таким качествам как добрый, светлый, темный и т.п.) остается дискуссионным. Просодические же характеристики звучащей речи – мелодика, тембр, интенсивность голоса – могут рассматриваться как культурно окрашенные феномены (напр., эмотивно-немаркированная просодия как специфический феномен британской лингвокультуры [9; 10]) и составить предмет интегрированного лингвокультурологического и социолингвистического исследования, поскольку культурно маркированные стили произношения рассматриваются в связи с социальной, территориальной, гендерной и пр. дифференциацией говорящих.

Подводя *итог*, отметим, что:

1) лингвокультурология является формирующейся наукой со сложными междисциплинарными связями, понятийный аппарат которой продолжает разрабатываться, а методология и методы еще требуют дополнительного обоснования, что открывает новые возможности для целого спектра исследований теоретического и прикладного характера;

2) достаточно широко в отечественной лингвистике на материале разных языков анализируются ключевые концепты культуры («любовь», «родина», «правда», «истина», «вечность», «мир», «время», «вера», «душа», «дом» и мн.др.) и фразеологический фонд как отображающие национальную специфику менталитета и языковой картины мира того или иного этноса. Однако исследований национально-культурной семантики единиц синтактико-морфологического уровня еще очень немного, не проводился сопоставительный анализ культурно значимых синтаксических моделей и их трансформов в разных языках, отсутствуют комплексные описания языковых картин мира;

3) можно предположить, что языковая картина мира, являясь отображением и различных менталитетов членов языкового сообщества, также как и язык обладает свойством вариативности и ее репрезентацию на разных языковых уровнях у разных этносов, социальных групп и отдельных языковых личностей, включая их гендерную дифференциацию, необходимо изучать дальше и детальнее. Полноту исследований в данном случае мог бы обеспечить анализ культурно маркированных языковых сущностей (в т.ч. просодических) с интегрированными позиций лингвокультурологии и социолингвистики.

Библиографический список

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: Учеб.пособие. – М.: Флинта, Наука, 2010. – 288с.
2. Бахтина М.Б. Эмотивно-оценочная картина мира современной молодёжи (на материале жаргонной лексики конца XX-начала XXI вв.): автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.01. – Абакан, 2011. – 23с.
3. Библиева О.В. Лингвокультурологические особенности репрезентации языка молодёжной культуры в средствах массовой информации: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. – Кемерово, 2008. – 179с.
4. Всеволодова М.В. Национальная языковая картина мира и грамматика // Лінгвістичні студії: збірник наукових праць. – Донецьк: ДонНУ, 2010. – №20. – С. 18-27.
5. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию: Пер. с нем. / Общ. ред. Г.В. Рамишвили. – М.: Прогресс, 2000. – 400с.
6. Даниленко В.П. Языковая картина мира в концепции Л. Вайсгербера: персональный сайт проф. В.П. Даниленко – 2002 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.islu.ru/danilenko/articles/vaiskart.htm>
7. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб.пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издат.центр «Академия», 2001. – 208с.
8. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика: Пособие для студ. гуманит. вузов и учащихся лицеев. – 2-е изд., испр. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 207с.
9. Огородникова Т.М. Отношения «дальней дистанции» как область использования эмотивно-немаркированной просодии в британской лингвокультуре // Actual problems of the theory and practice of philological researches: materials of the IV international scientific conference on March 25-26, 2014. – Prague: “Sociosfera-CZ”, 2014. – № 18. – P. 81-85. [Электронный ресурс]. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/otnosheniya-dalney-dstantsii-kak-oblast-ispolzovaniya-emotivno-nemarkirovannoy-prosodii-v-britanskoy-lingvokulture>
10. Огородникова Т.М. Просодические особенности эмотивно-немаркированной речи (экспериментально-фонетическое исследование на материале британского варианта английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Нижний Новгород, 2015. – 30с.

11. Петрова Ю.А. Репрезентация ценностей молодежной субкультуры в ценностно-смысловом пространстве языка: автореф. дис. канд. философ. наук: 09.00.13. – Ростов-на-Дону, 2012. – 24с.
12. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2000. – 624с.
13. Токарев Г.В. Лингвокультурология: Учеб. пособие. – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2009.– 135с.
14. Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии. – М.: Флинта, 2009. – 184с.
15. Шаклеин В.М. Лингвокультурология: традиции и инновации: монография. – М.: Флинта, 2012. – 301с. [Электронный ресурс]. – URL: <http://e.lanbook.com/books/element.php>

УДК 81'373.49

ЭВФЕМИЗМЫ В СФЕРЕ РЕЛИГИОЗНОГО КУЛЬТА

Твердохлеб Ольга Геннадьевна

Оренбургский государственный педагогический университет
ogtwrd@gmail.com

EUPHEMISMS IN THE SPHERE OF RELIGIOUS WORSHIP

Tverdokhleba Olga Gennadjevna

Orenburg State Teacher Training University

Аннотация

Эвфемизмы присущи различным культурным сообществам, социальным стратам и историческим образованиям. Поэтому классификация эвфемизмов может быть достаточно полно проведена с учетом разных сфер общения. Данная статья посвящена описанию эвфемизмов только в сфере религиозного культа, основой которого являются религиозные учения, содержащиеся в памятниках мировой религиозной культуры. В первобытном обществе суеверный страх перед злыми силами породил табу с целью обмануть невидимых злых духов, скрыть что-нибудь от них, задобрить их. Имя предмета, животного, духа и т. д. для древнего человека было частью самого этого предмета, животного, духа, поэтому древний человек считал, что, произнесение имени может нанести вред или тому, кому оно принадлежало, или, наоборот, вызвать его гнев и немилость. Так в результате различных табу, связанных с верой в таинственные, непонятные силы, появились первые эвфемизмы, заменившие опасные, с точки зрения, древнего человека, архаичные названия. Поэтому вторичные именованья (эвфемизмы), в целом присущие разным социальным стратам и историческим образованиям, чаще всего находим именно в сфере религиозного культа.

Ключевые слова: табу, религиозная сфера, эвфемизмы.

Abstract

The euphemisms inherent in diverse cultural communities, social strata and historical formations. The classification of euphemisms can be adequately carried out taking into account different spheres of communication. This article is devoted to the description of only euphemisms in the sphere of a religious cult that is based on religious teachings contained in the religious monuments of world culture. In primitive society the superstitious fear of evil forces has given rise to taboos in order to fool the evil spirits invisible to hide anything from them, to appease them. The name of an object, animal, spirit, etc. for ancient man was a part of the object, animal, spirit, so the ancient people believed that the recitation of the name can harm or to whom it belonged, or, conversely, to invoke his wrath and disfavor. So as a result of various taboos related to belief in a mysterious, incomprehensible force, the first of the euphemisms that have replaced dangerous from the point of view of ancient man, an archaic name. Therefore, naming a secondary (euphemisms), generally associated with different social strata and historical entities, often find it is in the sphere

of religious worship.

Keywords: taboo, the religious sphere, euphemisms.

Эвфемизмы присущи различным культурным сообществам, социальным стратам и историческим образованиям. Поэтому классификация эвфемизмов, как мы уже указывали ранее [6-7], может быть проведена с учетом 12 сфер общения, выделенных В. А. Аврориным: 1) хозяйственная и 2) общественно-политическая деятельность; 3) быт; 4) организованное обучение; 5) художественная литература; 6) массовая коммуникация; 7) эстетическое воздействие; 8) устное народное творчество; 9) наука; 10) все виды делопроизводства; 11) личной переписки и 12) религиозного культа [1, с. 76-77].

Ранее нами было описано функционирование эвфемизмов в сфере личной переписки в [6], а в сфере организации обучения — в [7]. Данная статья посвящена описанию эвфемизмов в сфере религиозного культа, основой которого являются религиозные учения, содержащиеся в памятниках мировой духовной культуры, таких как: Библия, Коран, Талмуд, священные книги буддистов и др.

Известный французский антрополог и философ М. Леви-Брюль писал: «Первобытные люди рассматривали свои имена как нечто конкретное, реальное и часто священное [4, с. 131]. Поэтому имя предмета, животного, духа и т. д. для древнего человека было частью самого этого предмета, животного, духа. Древний человек считал, что, произнесение имени может нанести вред или тому, кому оно принадлежало, или, наоборот, вызвать его гнев и немилость. Так в результате различных табу, связанных с верой в таинственные, непонятные силы, появились первые эвфемизмы (от греч. *euphémia* ‘*благозвучие*’). Пришедшее из языков Полинезии слово *табу* (в переводе ‘*запрет*’) связано с религиозным обычаем, существовавшим в глубокой древности у разных народов и сейчас сохраняющимся у ряда племен Африки, Юго-Восточной Азии и Австралии, когда какие-то предметы и явления окружающей природы, животных и растения, разные ситуации и действия люди из суеверия называют иносказательно, лишь намеками, а не настоящими именами.

Именно эвфемизмы заменили собой различные опасные, с точки зрения, древнего человека, архаичные названия.

Русский этнограф Д. К. Зеленин в работе «Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии» (1923) указывал, что разделение труда, появившееся у первобытных народов, породило разделение на мужские и женские языки. Женщинам нельзя было использовать мужской язык, а мужчинам, наоборот, женский. Важные для жизни племени наименования растительной пищи и особенно лекарственных трав женщины скрывали от других. Становились женскою тайною и разные приемы вербальной (словесной) магии, наговоры и заговоры, проклятья и заклятья, автором которой часто были женщины. Подробнее об этом см.: [3, 88–90].

Конечно, в первобытном обществе табу налагалось в первую очередь на имена богов и духов. Вера в магическое рождало заговоры, привороты, а позже с возникновением религий молитвы. Суеверия, боязнь магических заклинаний или произнесенного слова рождало многочисленные запреты на слова, дозволенные только колдунам, шаманам, жрецам. Потому в разных языках, чтобы умиловить представляющих опасность злых духов, вместо одних названий часто подбираются и употребляются иносказательные слова-эвфемизмы, иногда ласкательные, более мягкие. Так, русскому человеку было строго запрещено упоминание *нечистой силы*, *дьявола*, и поэтому, называя его ***враг***, ***лукавый***, ***искуситель***, ***нечистый***, ***шут***, ***рогатый***, прибежали к эвфемизмам. Ср. также: вместо *бог* — ***всевышний***, ***создатель***, ***творец***, ***боже***, ***господь***, ***боженька***. Эвфемистическое наименование ***Осинавец*** (и *Осина(чиха)* для *черта*, *лесного демонического существа*, подменяющего детей, известно в гуцульских поверьях [5, 83-89]. В иудаизме имя *бога* нельзя произносить всуе, поэтому при чтении еврейской библии в местах, где упоминается особо запрещенное имя собственное бога *Яхве*, требуется произносить ***Адонай*** — ***Господь*** [9]. В китайской культуре табу было даже на произнесение или написание имён императора и предков. В

древности этот запрет строго соблюдался, т. к. людей, назвавших вслух имя императора, заключали в тюрьму [8]. Исследователь эвфемизмов адыгейского языка Барасби Бгажноков отмечает, что адыги давали болезням вторичные, всегда лестные названия с целью задобрить, умиловить их. Например, *рожистое воспаление кожи* льстиво называли более приятным **фафлэ** (значит 'благовидный'), для названия *оспы* использовался целый ряд задабривающих слов-замен: **голубь, красавец, господин, знатный гость** [2].

Таким образом, суеверный страх перед злыми силами порождает табу с целью обмануть невидимых злых духов, скрыть что-нибудь от них, задобрить их. Поэтому вторичные именованья–эвфемизмы, присущие разным социальным стратам и историческим образованиям чаще и прежде всего находим в сфере религиозного культа.

Библиографический список

1. Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка : К вопросу о предмете социолингвистики. – Л. : Наука, 1975 – 276 с.
2. Бгажноков Б. Х. Очерки этнографии общения адыгов. – Нальчик: Эльбрус, 1983. – 225 с.
3. Зыбковец В. Ф. Происхождение нравственности. – М., 1974. – 125 с.
4. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление // Психология мышления. Под ред. Гиппенрейтер Ю. Б., Петухова В. В. – М., 1980. – С. 130-140.
5. Онищук А. Матеріали до гуцульської демонології, записані у Зелениці Надвірнянського повіту 1907-1908 // Матеріали до української етнології. Т. 11. – Львів, 1909. – С. 1–139.
6. Твердохлеб О. Г. Эвфемизмы в сфере личной переписки // Новая наука: Опыт, традиции, инновации. 2015. – № 6. – С. 120-124.
7. Твердохлеб О. Г. Эвфемизмы в сфере организации обучения // Новая наука: Теоретический и практический взгляд. 2015. – № 6-2. – С. 183-185.
8. Чжан Ч. Соотношение понятий табу и эвфемизм (на примере русского и китайского языков) // Вестник МГОУ. – 2012. – № 6. – С. 83–87.
9. Эвфемизм // Еврейская энциклопедия Брокгауза и Ефрона. – СПб., 1906-1913.

УДК 1751

КОГНИТИВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПРАВОСЛАВНОГО ПРОПОВЕДНИКА (НА ПРИМЕРЕ ПРОПОВЕДИ СВЯТИТЕЛЯ ЛУКИ ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКОГО)

Чиковани Татьяна Владимировна

Крымский Федеральный Университет, г. Симферополь

chykovanitiana@gmail.com

COGNITIVE CHARACTERISTICS OF THE LINGUISTIC PERSONALITY OF AN ORTHODOX PREACHER (ON THE EXAMPLE OF THE SERMON OF ST. LUKA VOYNO- YASENETSKY)

Chikovani Tatiana Vladimirovna

Crimean Federal University, Simferopol

Аннотация

В статье предпринимается попытка изучить структуру языковой личности православного священника с целью уточнения ее специфики в формате религиозного дискурса. Анализ проводился на примере проповеди Архиепископа Симферопольского и Крымского Луки (профессора В.Ф.Войно-Ясенецкого) «На слова: «Царствие Божие внутри вас есть». В наши задачи входило проведение концептуального анализа текста проповеди с одновременным выявлением когнитивных доминант и тенденций развития религиозного дискурса с целью изучения особенностей категории языковой личности автора как православного проповедника в формате указанного дискурса. В результате, мы рассмотрели

особенности языковой личности Святителя Луки через призму трехуровневой структуры организации языковой личности Ю. Н. Караулова. В итоге, мы пришли к выводу, что в связи со сложностью предмета исследования для изучения языковой личности православного священника требуется многогранный подход.

Ключевые слова: когнитивная доминанта, лексема, религиозный дискурс, семантическое поле, языковая личность, православный священник

Abstract

In the article we have made an attempt to study the structure of the linguistic personality of an Orthodox priest in order to clarify its specific format in the religious discourse. The analysis was provided on the example of the sermon of Archbishop of Simferopol and Crimea Luka (Professor V.F.Voyno-Yasenetsky) "To the words: "The kingdom of God is within you." Our task was to conduct a conceptual analysis of the sermon context with simultaneous detection of cognitive dominants and trends of religious discourse aimed at the investigation of the characteristics of the author's category of linguistic personality as an Orthodox preacher in the format of the specified discourse. As a result we have studied the specific features of St/ Luka's linguistic personality through U.N.Karaulov's three-level system of linguistic personality formation. Finally, we have come to the conclusion that due to the complexity of the subject of the investigation, a more many-sided approach is required to study the linguistic personality of an Orthodox preacher

Keywords: cognitive dominant, lexeme, religious discourse, semantic field, linguistic personality, orthodox priest

В последнее время анализ религиозного дискурса приобретает все большую значимость для современных лингвистов, возможно, в силу того, что религия представляет собой область повышенного внимания к слову. Вопросами в этом направлении занимались такие лингвисты как Балашова Е.Ю., Бобырева Е.В., Бугаева И.В., Гадамский А.К., Грицкова А.В., Карасик В.И., Крысин Л.П., Кузьмина К.А., Огнева Е.А., Салахова А.Г.-Б., Смирнова М.С., Шепитько С.В., Яхнева Ф.О. и др.

Однако, с нашей точки зрения, достаточно малоизученным и актуальным аспектом современной когнитивной лингвистики, требующим пристального исследования, является теория языковой личности православного проповедника. Православная проповедь, как элемент религиозного дискурса, по нашему мнению, может стать одним из перспективных направлений исследования языковой личности православного священника.

Изучение религиозного дискурса, его концептосферы, языковой личности в религиозном дискурсе представляется актуальным, поскольку, с одной стороны, позволяет рассмотреть специфику данного типа дискурса, особенности его словоупотребления и состав концептосферы, а с другой – дает возможность проследить способы вхождения его элементов в лексическую, когнитивную и прагматическую структуры языковой личности [Шепитько С.В. 2013:9].

Когнитивное измерение языковой личности включает в себя модель мира, формирующуюся у человека в процессе социально-культурного развития, а также психологические характеристики личности, в первую очередь человеческое сознание во всех формах его проявления. Ю. Н. Караулов в конце прошлого века предложил трехуровневую модель языковой личности, которая сегодня широко используется в когнитивной лингвистике [Караулов Ю.Н. 1987: 3]. Тремя составляющими уровнями структуры языковой личности он видит вербально-семантический (отражающий степень владения языком) уровень, лингво-когнитивный, или тезаурусный (отражающий картину мира языковой индивидуальности) и прагматический или мотивационный (включающий цели, мотивы, интересы).

Бугаева И.В. считает, что, изучая речь священников, их речи нельзя квалифицировать как профессиональный диалект, так как их вербальные и невербальные акты коммуникации связаны не с профессией, а с мировоззрением, образом мыслей, религиозным сознанием,

определяемыми верой в Бога. Особенности каждой религии и конфессии проявляются на вербальном и невербальном уровнях. По таким особенностям легко опознаются представители каждой религии, безошибочно определяется речь «своего» и «чужого» [Бугаева И.В. 2005: 2].

По мнению Салаховой А.Г.-Б., изучающей теорию конфессиональной языковой личности, каждая языковая личность трансформирует религиозное вероучение через призму своего собственного мышления, что находит вербальное отражение в продуцируемых ею текстах [Салахова А.Г.-Б. 2013: 7].

Языковая личность православного проповедника, наряду с высоким уровнем теоретической и риторической подготовки, предполагает выделение определенных характеристик, которые отражают как личностные качества и филологические готовности, так и коммуникативные проявления в сфере повседневного и профессионального общения [Петрушко И.А. 2015: 5].

В данной статье мы предпримем попытку изучить структуру языковой личности православного священника с целью уточнения ее специфики в формате религиозного дискурса. Мы полагаем, что идеальным материалом для изучения языковой личности православного священника могут служить проповеди Архиепископа Симферопольского и Крымского Луки (профессора В.Ф.Войно-Ясенецкого), которые являются воплощением мировоззренческой позиции не только величайшего религиозного мыслителя и духовного наставника, человека, который всю жизнь служил Богу и защищал веру и Церковь делом, словом и писанием, но и величайшего ученого, блестящего хирурга, автора бесценных научных трудов, которому удалось синтезировать познание мира материального и мира духовного [Попова В.В. 2009: 6].

Материалом для данного исследования служит проповедь Святителя Луки «На слова: «Царствие Божие внутрь вас есть», произнесенная им в Симферополе 26 февраля 1946г. Нашей задачей является проведение концептуального анализа текста проповеди с одновременным выявлением когнитивных доминант и тенденций развития религиозного дискурса с целью изучения особенностей категории языковой личности автора как православного проповедника в формате указанного дискурса.

В основу рассматриваемой проповеди легла притча из Евангелия от Луки (Лк. 17, 20-21; 22-24). Текст проповеди можно разделить на два тематических отрезка, где в первом Святителем Лукой (Войно-Ясенецким) трактуется суть Царствия Божия, а во втором ядерным концептом выступает сема «страдание».

В качестве вступления автор сравнивает представление о Царствии Божием «...людьми малопросвещенными, даже из православных...» с «...грубым представлением мусульман...», называя его *грубо-материалистическим*. Святитель прибегает к использованию негативно-экспрессивной лексики для описания представления о Царстве Божием иноверцами, где когнитивной доминантой выступает сема греховных удовольствий, нарушающих заповеди православной веры, что вызывает явное негодование говорящего: «*Мусульмане представляют себе вечную жизнь правоверных как радостную жизнь в прекрасном саду, где будут их окружать прекрасные молодые женщины, где они будут наслаждаться замечательными яствами*». В качестве антитезы Архиепископ говорит, уже посредством позитивно-экспрессивной лексики, о необходимости духовного представления о Царствии Божием: «*Наша глубокая, сокровеннейшая жизнь духовная протекает в глубинах сердца нашего, и Царствие Божие начнет для нас тогда, когда в сердце наше вселится Святой Дух. Тогда, по слову Христа, к тем, кто соблюдал заповеди Его, придет Он Сам со Отцом и обитель у него сотворят*». Использование таких эпитетов как *глубокая, сокровеннейшая, духовная*, указывает на то, с какой любовью и теплом автор отзывается о жизни праведников.

Продолжая рассуждать о Царствии Божием и о сошествии Духа Святого, посредством различных стилистических фигур речи, Святитель Лука учит, как «*не приходит Царствие Божие*»: «*...приметным образом, ...внезапно..., заметным образом...*» (синонимическая

парадигма), «...по громкому воззванию трубы...» (метафора), и как оно «приходит»: «...тихо...,...незаметно..., мирно...», где данная синонимическая парадигма выступает в роли антонимической в отношении вышеприведенной.

Итак, анализ рассматриваемой проповеди позволил нам выделить следующие доминирующие тенденции, присущие тексту:

1) дискурсивная активация лексем с общей семой *религиозно-духовной сферы*, или христианских символов, что, как было нами отмечено в предыдущих статьях, представляется типичным для религиозного дискурса: *Царство Божие, Дух Святой, Страшный суд, Вознесение, Пришествие, святые Божии, праведники, заповеди, обитель, обитать, малое стадо, мусульмане*. Особый интерес в данном случае представляет синонимическая парадигма лексемы *Бог*, где явным лидером (лексемой-коллокатом) выступает личное местоимение *Он* (4), форма его притяжательного падежа *Его* (7) и форма дательного падежа *Ему* (4), то есть местоимение *Он* в общей сложности употребляется 15 раз. Данную синонимическую парадигму продолжают следующие лексемы: *Христос, Господь Иисус Христос, Бог, Отец, Отец наш Небесный, Господь, Господь Бог*.

Таким образом, Святитель Лука использует целый ряд синонимов к лексеме *Бог*, но, за исключением лексем *Он* (15), *Христос* (3), *Иисус Христос* (2), все они употребляются однократно;

2) дискурсивная выраженность внимания к семе «рациональность»: *малопросвещенные, представление, представлять, ведать, глубоко-материалистический*;

3) дискурсивная активация концепта *греховности* выражена следующими лексемами: *грехи* (2), *греховные поступки, злые поступки, злые мысли, злые чувства, нечестивые слова, служить страстям*. Как мы можем видеть, в качестве синонима к прилагательному «греховный» Святитель Лука использует лексему «злой» (4). Кроме того, автор придает особую эмфатичность и экспрессивность финальной части проповеди, употребив данную лексему трижды в качестве стилистического приема градации: «*А мы, малое стадо Его, будем бояться причинить Ему хоть малейшее страдание своими злыми чувствами, злыми мыслями, злыми поступками. От них да сохранит вас всех Господь Бог!*»;

4) дискурсивное акцентирование семы *страданий/лишений*: *страдание*(5), *боль* (4), *отвергать* (2), *мучить, отверженный, кровопролитные войны, испытывать, тяжело, тяжкий*.

Красной линией проходит через вторую часть проповеди сема «страдания», где, помимо явной когнитивной доминанты страданий Христовых, в качестве неявной когнитивной доминанты выступают страдания, которые выпали на долю самого автора, что раскрывает личностный характер восприятия автором страданий: «*О каком страдании говорил здесь Господь Иисус Христос? Не о крестных страданиях Своих говорит Он, о других страданиях, которые во все дни — от Вознесения до Страшного Суда — будет Он испытывать от людей, которые отвергли Его. Знал Он, что Ему будет тяжело быть отверженным родом человеческим, что будут мучить Его грехи наши. Все кровопролитные войны между христианскими народами причиняют тяжкую боль Его сердцу. Эту боль причиняем мы Ему жизнью своею, своими греховными поступками, злыми мыслями, нечестивыми словами... Причиняем Ему боль эту, когда служим страстям своим. Об этом страдании говорит тут Господь Иисус Христос*». Сколько боли звучит в этих словах Святителя Луки!

5) дискурсивная выраженность внимания к *онтологической сфере*: *сердце*(10), *жизнь*(6), *жить*(2), *обитать*(2), *люди*(2), *род человеческий*.

В данном случае, мы считаем необходимым отметить, что лексема «сердце» многократно звучит в проповеди в качестве составляющей метафор «...придет в сердца человеческие...», «...протекает в глубинах сердца...», «...уже в сердцах праведников...», «...воцарится в сердце его...», «...причинит тяжкую боль Его сердцу...», являясь не только когнитивной доминантой в значении духовного и нравственного носителя. Следует иметь в виду, что помимо этого, Святитель Лука, как врач, подразумевает физическую природу

сердца, ему приходилось исследовать сердце и как ученому, и как богослову. Сердце для него является не только важнейшим органом чувств и центральным мотором кровообращения, но и органом восприятий духовных воздействий, органом чувств и познания Бога [дух, душа и тело]. Сердце является одним из центральных внутренних органов, связанных с личностью человека.

Считаем возможным допустить, что лексема «жизнь», иногда употребляемая в сочетании с эпитетами *радостная, вечная, глубокая, сокровеннейшая, духовная*, также может представлять когнитивную доминанту, отражающую как духовную, так и профессионально-медицинскую коннотацию в восприятии автора, поскольку, можно предположить, что в силу своей профессии, Святителю Луке часто приходилось сталкиваться с «жизнью и смертью», в силу чего он и придает такое значение концепту «жизнь».

Итак, в результате предпринятого исследования, нам удалось выделить в проповеди ряд лексем-коллокатов, которые входят в концептуальные поля «вера», «греховность», «страдание»: Он(15), Христос, Царство Божие (12), сердце(10), жизнь(6), страдание(5), боль(4), злой(4), грехи(2), мучить(2), представление(2).

На основании данного ряда лексем, мы вычленили 5 сверхчастотных лексем-коллокатов, составляющих ядро рассматриваемой проповеди: Он, Царство Божие, сердце, жизнь, страдание, боль.

В данном случае нам представляется вполне возможным рассмотрение концепта языковой личности православного священника с позиций трехуровневой структуры языковой личности Ю.Н.Караулова.

Итак, рассматривая языковую личность православного священника на примере проповеди Архиепископа Луки, в формате первого, *вербально-семантического, уровня*, мы обнаружили, что для ее лексикона присущи следующие характеристики: 1) обязательная апелляция к текстам из Священного Писания, трудов и изречений известных православных Святых, с последующей их интерпретацией и соотнесением с примерами из современной жизни; 2) дискурсивная активация лексем, выражающих ценности христианского мировоззрения, входящих в контекстуальные поля «вера», «церковь», «смирение», «страдание», «греховность», «сострадание», «милосердие», «любовь»; 3) активное использование стилистических фигур речи для придания проповеди особой экспрессивной окраски, таких как метафора, эпитет, аллегория, анадиплосис, анафора, сравнение, гипербола, литота, архаизмы и др., 4) использование нейтральной, понятной слушателю, но, в то же время, яркой и эмфатической лексики. Следовательно, необходимым условием эффективного воздействия проповеди священника на паству, необходимым условием является высокий и богатый лексический уровень, или, своего рода, красноречия, проповедника.

Относительно *лингво-когнитивного, или тезаурусного, уровня*, в рассматриваемом нами формате, мы отмечаем следующие тенденции: 1) наличие неявных когнитивных доминант, или концептов, невербально передающих внутреннее состояние, переживания, индивидуальные предпочтения языковой личности; 2) предпочтение одного понятия другому, выявление иерархии ценностей и смыслов, возможность ощутить или установить, какой смысл сказанное имеет для самой языковой личности. Именно на этом уровне мы можем распознать индивидуальность языковой личности посредством воссоздания картины мира, что представляет особую важность для религиозного дискурса. В нашем случае, это используемые Святителем когнитивные доминанты *страдание, боль, муки, тюрьмы, войны*, передающие боль и страдания автора, перенесенные им во время ссылок и гонений, с одной стороны, и когнитивные доминанты *жизнь, сердце, душа, дух*, ассоциируемые с профессиональной врачебной деятельностью автора, с другой стороны.

И, наконец, что касается третьего, *прагматического уровня* языковой личности православного проповедника, то здесь очевидными становятся ценности, мотивы и цели проповедника, среди которых можно выделить следующие: 1) толкование/просвещение; 2) убеждение/поучение; 3) критика; 4) эмоциональное воздействие; 5) воспитание/нравоучения.

Именно на этом уровне более всего просматриваются черты языковой личности священника. В нашем случае, проповедь Святителя Луки мотивирована всеми вышеперечисленными целями. Поскольку качество проповеди, ее воздействие на сознание слушателей во многом зависит непосредственно от личности проповедника, хотелось бы добавить, что незаменимыми качествами, присущими ему, должны быть: доступность речи, высокий уровень образованности и, что немаловажно, харизматичность личности.

Принимая во внимание, что предмет исследования отличается особой сложностью и неоднозначностью интерпретации в современной лингвистике, для изучения языковой личности православного священника требуется многогранный подход.

Хотелось бы закончить статью словами Святителя Луки, подтверждающими важность исследуемого нами вопроса: «Сила слова человеческого огромна. Оно способно оставлять глубокий, неизгладимый след в сердцах, оно созидает или разрушает, в зависимости от того, чем наполненную — любовью и добром или, напротив, враждой и злом».

Библиографический список

1. Балашова Е.Ю. Лингвокультурная доминанта православного субдискурса по материалам национального корпуса русского языка // Филологические науки. – 2014. – № 9. – С. 2798-2801.
2. Бугаева И.В. Стилистические особенности и жанры религиозной сферы // Стилистика текста: межвузов. сб. науч. тр. - Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова. 2005. - С.3 - 11.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 263с.
4. Огнева Е.А. Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста. 2-е изд. дополн. – М.: Эдитус, 2013. – 282 с.
5. Петрушко И.А. Моделирование языковой личности как основа разработки педагогических программ профессиональной подготовки православного проповедника // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2. – С. 436. URL: www.science-education.ru/122-21373
6. Попова В.В. Этические воззрения В.Ф. Войно-Ясенецкого: Автореф. дис.канд. филос. Наук. Шуя, 2009. 159с.
7. Салахова А.Г.-Б. Конфессиональная языковая личность: когнитивный аспект. Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – №24(315). – С. 140-143.
8. Святитель Лука (Войно-Ясенецкий). Спешите идти за Христом. Проповеди в Симферополе (1946-1948). – Краматорск, 2009. – 240 с.
9. Шепитько С.В., Смирнова М.С. Языковая личность в религиозном дискурсе // Science and Education a New Dimension: Philology. – 2013. – № 13. – С. 198-201.

УДК 811

АКТУАЛЬНОСТЬ ПОНЯТИЯ РЕЧЕВОЙ ПРОВОКАЦИИ ДЛЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ И ЛИНГВО-ЭКСПЕРТНОЙ ПРАКТИКИ

Юдин Денис Николаевич

Нижегородский государственный университет

им. Н.И. Лобачевского

iudindenis2009@yandex.ru

RELEVANCE OF THE CONCEPT OF SPEECH PROVOCATIONS FOR LEGAL AND EXPERT PRACTICE

Yudin Denis Nikolaevich

Nizhny Novgorod N.I. Lobachevsky State University

Аннотация

Данная статья посвящена описанию основных параметров коммуникативного явления речевой провокации. Опираясь на результаты последних исследований, связанных с вопросами фреймовой коммуникации и речевых стратегий, автор отмечает возможность использования провокативных приёмов в юридической практике. При этом подчёркивается необходимость учёта особенностей провокативной коммуникации при проведении отдельных видов судебной лингвистической экспертизы.

Ключевые слова: коммуникация, фрейм, речевая стратегия, речевая тактика, провокация, алогизм, лингвистическая экспертиза.

Abstract

This article describes the basic parameters of the communicative phenomenon of speech provocation. The author uses the latest research results of frame communication and speech strategies and then points out that it is possible to apply the provocative methods in the practice of law. Also the author emphasizes the need to consider the features provocative communication during certain types of forensic linguistic examination.

Keywords: communication, frame, speech strategy, speech tactics, provocation, illogic, linguistic expertise.

Коммуникация – это взаимодействие двух или более субъектов с целью передачи, получения или обмена информацией для осуществления совместной деятельности. Вытекает данное понимание из более широкого понятия текста как продукта речемыслительной деятельности человека. Коммуникация это процесс не только непосредственного общения: она может быть дистанцирована во времени и пространстве. В качестве субъекта коммуникации выступает человек говорящий, выступающий как:

1) языковая личность – проявляет себя в речевом взаимодействии и обладает определенной совокупностью интеллектуально- познавательных и житейских представлений об окружающих реалиях;

2) речевая личность – реализует себя в коммуникации, выбирает и осуществляет стратегию и тактику общения при помощи лингвистических и экстралингвистических средств;

3) коммуникативная личность – конкретный участник конкретной коммуникативной ситуации.

Основная единица коммуникации – коммуникативный акт, представляющий собой функционально цельный фрагмент, ядром которого является текст. Коммуникативный акт организуется по принципу, связывания цели и намерений говорящего, его действий с коммуникативной ситуацией, что особенно важно при осуществлении речевой провокации. Однако существует ряд «типизированных» коммуникативных актов, имеющих фреймовую организацию, осуществляющихся по типовому «сценарию» [2]. Такие типизированные коммуникативные акты могут рассматриваться как культурно обусловленные и интерпретироваться на основе заключенного во фрейме знания о мире. В первую очередь, это касается конвенциональных речевых актов: бракосочетание, вынесение приговора, сигнал к атаке, заключение сделки, опрос свидетеля и т.п. Что же происходит, если в коммуникацию, организованную по принципу фрейма, включается провокатор? Провокатор, действуя в рамках фрейма, может с лёгкостью предугадать реакцию адресата и взаимодействовать с ним, опираясь на имеющиеся стереотипы. Провокатору известен ход мысли собеседника, поэтому провокатор легко может подстроиться под адресата выгодным для себя образом и держать коммуникацию в рамках одного «удобного» фрейма. Развитие фреймовой коммуникации должно идти по сценарию провокатора и эффект от его действий будет зависеть от сохранения и хода коммуникации в рамках именно этого сценария. В сознании провокатора содержится четкая последовательность прогнозируемых действий адресата в «активном» в данный момент фрейме [5]. «Внедрение» провокатора в

коммуникативную структуру может осуществляться различными способами:

1. Провокатор задаёт фрейм, незаметно для адресата (использование шаблонных ситуаций, формул вежливости, игра на стереотипах поведения).

2. Адресат сам задаёт фрейм, с подачи провокатора (риторические вопросы, ассоциативное «соскальзывание»).

3. Фрейма реализуется уже до вступления провокатора в коммуникативное взаимодействие с адресатом. Это наиболее благоприятный расклад для провокатора: ведь в таком случае он занимает позицию стороннего наблюдателя, что позволяет ему изучить адресата провокации еще до вступления в речевое взаимодействие с ним. Также провокатор в данной речевой ситуации остаётся инкогнито и скрыто контролирует ситуацию, но при этом у адресата создаётся ложное впечатление того, что он ведёт диалог сам и полностью контролирует ситуацию [5].

Представления о структуре фрейма, в рамках которого развивается коммуникация, особенно актуальны для провокатора, имеющего цель добиться максимальной эффективности от беседы с адресатом. Под провокацией следует понимать не просто речевую агрессию и намеренное создание конфликтных ситуаций общения с целью получения определенной (желаемой) реакции собеседника (это простейший вид провокации), а особую совокупность речевых актов, приводящую к выполнению конкретных (необходимых провокатору), осознанных, вербальных и невербальных действий со стороны адресата [3].

Адресатом провокации является, как правило, активное, а не пассивное сознание. Провокация строго индивидуальна и может быть направлена только на достаточно образованного, умеющего логически мыслить человека, поскольку осознается и осмысливается как логическая цепочка. В определенные моменты разговора провокатор включает в свою речь алогизмы, которые обостряют аналитические способности адресата в момент, когда логическая цепочка длинная и сложная для мгновенного восприятия и способность к анализу ситуации у адресата ослабевает. Алогизмы в построении речевой провокации играют роль катализатора для запуска аналитического механизма. Ведь речевая провокация строится на безупречном следовании логическим законам, то есть она основывается на, так называемой, «инерционной коммуникации», где тема-рематические связи мотивируют адресата для продолжения беседы с провокатором [5].

Также для провокатора важны следующие аспекты в построении и ведении беседы с адресатом:

1) владение любимыми темами адресата – тем самым можно вводить необходимые ремы для продолжения провокационной коммуникации;

2) обладание основными номинационными ключами, связанными с любимыми темами адресата – тем самым провокатор овладевает «языком» общения адресата;

3) учёт психологии адресата (темперамента, психологического типа данной личности, его индивидуальные психо-эмоциональные реакции на ту или иную коммуникативную ситуацию и т.д.) – тем самым выстраивается стратегия речевого взаимодействия.

Как уже говорилось выше, в провокационной фреймовой коммуникации мотивом её развития и продолжения выступает алогизм. Существуют различные виды алогизмов, связанных с феноменом инерционной коммуникации [5]. Эти алогизмы выполняют следующие функции.

1. Катализация инерционной коммуникации:

а) алогизмы не допускают выход адресата за рамки заданного фрейма;

б) алогизмы создают мотив у адресата к логическому анализу сказанного провокатором, при этом, у адресата создаётся иллюзорное впечатление о полном контроле над коммуникативной ситуацией и над самим провокатором.

2. Гарантия векторной направленности коммуникации: алогизм «блокирует» обратный логический анализ, то есть адресат не может «прокрутить» коммуникацию обратно и провести сопоставление того, что сказано сейчас и того, что было сказано раньше, тем

самым коммуникация развивается только по пути, построенному провокатором, и обратного направления не имеет.

Алогизмы, используемые в провокации, делятся также на следующие виды [5].

1. Алогизм-лакуна – катализатор, позволяющий максимально сосредоточить адресата на поставленных вопросах, заставить его вновь активно мыслить логически. Резкие, раздражающие вопросы приводят собеседника в замешательство и заставляют думать.

2. Инвентарный алогизм – структурный элемент активного фрейма, но не являющийся смысловой составляющей заданного и реализуемого фрейма. Является более эффективным мотиватором, чем алогизм-лакуна.

3. Структурный алогизм – самый сильный мотиватор для адресата, где провокатор нарушает логические связи в беседе только один раз. Адресат при этом, будучи увлечён провокационной дискуссией, пытается восстановить начатую логическую цепочку и возвращается к фрейму с провокацией по собственной воле.

Часто, в беседе, провокатор использует «вложенный фрейм» [5] – не связанную с главным фреймом максимально стереотипную ситуацию, которая на незначительный временной промежуток прерывает текущий диалог. Это выступает фактором ослабляющим внимание собеседника. Смысл включения вложенного фрейма в беседу заключается в разрядке напряженной обстановки и ослабление способности к логическому анализу текущей ситуации у адресата.

Таким образом, речевая провокация является сложным лингво-прагматическим и психо-лингвистическим процессом, поскольку под ней понимается не только грамотное владение и применение провокатором речевых приёмов в процессе беседы, но и управление поведением собеседника. Успех применения провокатором лингво-психологического воздействия на собеседника для достижения своих целей при сохранении активного мыслительного участия адресата в коммуникации и есть сущность речевой провокации.

Рассматривая речевую провокацию как феномен, невозможно не учитывать её значимость в юридической практике [4]. Правда, в действующем законодательстве нет понятия речевой провокации как таковой, однако в уголовном праве есть понятие провокации на совершение преступления. Стоит отметить особую правовую природу данного понятия и его основные характеристики:

1) провокация осуществляется в порядке односторонней умышленной деятельности со стороны провоцирующего лица и не охватывается сознанием провоцируемого;

2) провокационные действия направлены на вовлечение другого лица в совершение преступления;

3) провокация имеет целью не совместное достижение преступного результата, а использование спровоцированного преступного деяния лица с целью изблечения последнего в содеянном [1].

В данном случае провокатором выступает сотрудник правоохранительных органов, а его адресатом – потенциальный преступник; и целью здесь является вызвать речевыми приёмами определённую психологическую реакцию на возникшую ситуацию, с последующими действиями, чтобы вычислить и привлечь к ответственности преступника.

С законодательной точки зрения применение такого рода провокации в настоящий момент, является не совсем корректным, поскольку может затронуть авторитет и репутацию невиновного человека, посредством не подтверждённого подозрения в преступной деятельности и определённого рода проверочных действий. Однако прямым нарушением закона со стороны сотрудников правоохранительных органов подобная провокация являться не будет, поскольку состава преступления или административного правонарушения в данном случае не имеется. Дело в том, что сотрудники правоохранительных органов совершают подобного рода действия по неподтверждённым данным в целях оперативной или следственной проверки лица на причастность к преступной деятельности. Если человек не совершал преступления и имеет твёрдые моральные и гражданские принципы, то он не среагирует, как задумано провокатором, на его провокативные фразы или действия и

провокация не удастся. Однако если адресат провокации всё же поддаётся на провокацию и осознанно совершает преступление, то в конечном итоге он несёт за это ответственность в той мере, которая предусмотрена законом. Провокация, в таком случае, считается удачной и полезной в следственных целях. Чаще всего такой род речевой провокации применяется при подозрении во взяточничестве, мошенничестве, краже, а также некоторых других преступлениях. Однако, чтобы этот вид речевой провокации был полностью корректным с точки зрения закона, необходимо ввести понятия речевой провокации и провокации к совершению преступления в законодательство как допустимое в некоторых случаях следственное действие и оперативно-розыскное мероприятие.

Также, существуют другие случаи использования провокации в профессиональной деятельности юриста или работника правоохранительной сферы [6]. Это применение провокации при проведении следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Здесь провокатором выступает следователь, либо дознаватель, руководящий следственным действием, а адресатами провокации могут являться подозреваемый, либо обвиняемый в совершении конкретного преступления, потерпевший, свидетели и иные лица. Данный род речевой провокации направлен на получение необходимых доказательств или сведений, которые утаиваются преступником, свидетелем и иными участниками следственных действий. Также данный вид речевой провокации применяется для получения важных для расследования по делу сведений, которые не были известны следствию, органам дознания или суду ранее. Здесь сотруднику правоохранительных органов, проводившему следственное действие или оперативное мероприятие, очень важно не только учитывать характер коммуникативной ситуации, но и уделить особое внимание провокативной тактике при построении и продолжении беседы, ведь именно от применения конкретных тактических речевых приёмов зависит психологическая и речевая реакция адресата, а следовательно – исход беседы и получение необходимых сведений.

Таким образом, речевая провокация, во-первых, может иметь определённые правовые последствия, а во-вторых, может применяться в практике расследования преступлений и проведения следственных и оперативных действий. Работник правоохранительных органов должен профессионально владеть речевыми провокативными приёмами, поскольку это может помочь собрать необходимую для расследования информацию (на стадии предварительного расследования) либо изобличить потенциального либо реального преступника. Вместе с тем владение провокативными речевыми тактиками позволяет юристу распознать попытку провокации как в отношении его самого, так и в отношении того или иного гражданина.

Проблема речевой провокации имеет достаточно важную теоретическую и практическую значимость для лингвистической экспертизы. Актуальность исследования речевых провокаций обусловлена необходимостью проведения лингвистических экспертиз в случаях противоправного применения провокационных речевых тактик (при попытках спровоцировать адресата провокации на дачу или принятие взятки, на убийство или причинение вреда другому гражданину, на оскорбление или хулиганство и т.п.). Это с одной стороны. С другой стороны, в правовой практике нередко возникают ситуации, в которых необходимо квалифицировать поведение того или иного лица как намеренную либо ненамеренную провокацию или в целом установить, имела ли место провокация как таковая. Если реальная или предполагаемая провокация включает в себя речевую коммуникацию, следовательно, можно говорить о наличии или возможном наличии речевой провокации. В таких ситуациях бывает необходимо обращение к лингвисту-эксперту и проведение лингвистической либо комплексной (с участием психолога) экспертизы.

Помимо этого, исследования коммуникативных ситуаций с элементами провокации востребованы в практике лингвистических экспертиз, связанных с необходимостью определения и интерпретации скрытого намерения участника коммуникации. В данном случае при проведении экспертного исследования решается важная идентификационная задача, что может помочь установить наличие определённого преступного замысла и

предотвратить потенциальное преступление, в котором провокационное поведение лица могло быть всего лишь одним из многочисленных параметров поведения.

Библиографический список

1. Говорухина Е. В. Понятие и правовые последствия речевой провокации в уголовном праве. URL: <http://www.dissercat.com/content/ponyatie-i-pravovye-posledstviya-provokatsii-v-ugolovnom-prave> (дата обращения 22.01.2016).
2. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.
3. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Омск, 1999. 242 с.
4. Радбиль Т.Б., Юматов В.А. Язык и метод в современной судебной экспертизе. М., 2015. 216 с.
5. Середухина Т.А. Динамика фреймовой коммуникации: мотив, намерение, аутопрогноз: Дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2014. 250 с.
6. Юматов В.А. Методологические вопросы развития содержания понятия эффективности правоохранительной деятельности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 5. С. 294.

СЕКЦИЯ Русский язык

УДК 801.83

РАЗГОВОРНО-БЫТОВАЯ ЛЕКСИКА С СУФФИКСАМИ ОЦЕНКИ -ЕНЫК- (-ОНЬК-) В ЛИЧНЫХ ПИСЬМАХ

Г. В. ЧИЧЕРИНА, А. М. КОЛЛОНТАЙ, А. В. ЛУНАЧАРСКОГО
Андреева Елена Сергеевна

Оренбургский государственный педагогический университет
lenok_89@inbox.ru

CONVERSATIONAL EVERYDAY WORDS WITH SUFFIXES ASSESSMENT - ENK- (-ONK-) IN A. V. CHICHERIN, A. M. KOLLONTAI, A. V. LUNACHARSKY` PERSONAL LETTERS

Andreeva Elena Sergeevna
Orenburg State Teacher Training University

Аннотация

В данной статье указывается, что личные письма, напоминающие спонтанную, непринужденную беседу, характеризуются использованием разговорно-бытовой лексики. Дается представление о словообразовательной структуре бытовизмов в личных письмах. Проведенный анализ выявил бытовизмы с суффиксами *-еньк-*, *-оньк-*, *-иньк-* в личных письмах выдающихся революционных деятелей Александра Чичерина, Александры Коллонтай и Анатолия Луначарского. У Александры Коллонтай были выявлены лексемы в именах прилагательных, наречиях, именах собственных. А. Луначарский в своих работах в основном использовал лексемы в именах прилагательных; имена существительные в его письмах нами не выявлены. У А. Чичерина бытовизмы были найдены в именах прилагательных, наречиях, а имена существительные с указанным суффиксом не обнаружены. Однако состав разговорно-бытовой лексики, в современном русском языке представленный богато и разнообразно, в проанализированных нами письмах А.М. Коллонтай, А.В. Луначарского и А. Чичерина качественно довольно ограничен и характеризуется повторением. Проведенный автором статьи анализ помогает сделать вывод

о том, что чаще всего они употребляют лишь две лексемы с суффиксом *-еньк-* *маленький* и *хорошенький*.

Ключевые слова: разговорно-бытовая лексика, уменьшительно-ласкательные суффиксы.

Abstract

This article states that personal letters are characterized by the use of everyday speech, and that they are written colloquially-domestic style. Given the idea of word-formation opportunities of the vocabulary of everyday life in personal letters, reminiscent of spontaneous, casual conversation. The analysis revealed the vocabulary of everyday life with suffix *-enk-*, *-onk-*, *-ink-* in personal letters of prominent revolutionary figures, Alexander Chicherin, Alexandra Kollontai and Anatoly Lunacharsky. Alexandra Kollontai identified lexemes, adjectives, adverbs, nouns. A. Lunacharsky in his work was mainly based on the tokens in the adjectives; the nouns in his letters was revealed. A. Chicherin, the vocabulary of everyday life were found in the adjectives, adverbs, and nouns with the specified suffix is not found. However, the composition of the conversational and everyday vocabulary we analyzed letters to A. M. Kollontai, A.V. Lunacharsky and A. Chicherin efficiently is rather limited and characterized by repetition. Conducted by the author of the article, the analysis helps to conclude that most of them used only the lexemes small and pretty.

Keywords: conversational-everyday words, diminutive suffixes.

Функциональный аспект языка как средства взаимодействия неизменно интересен лингвистике. Объектом наших наблюдений стал язык частной переписки, в частности, грамматические (словообразовательные) средства в языке личных писем трех выдающихся революционных деятелей Александра Чичерина, Александры Коллонтай и Анатолия Луначарского. «В отличие от деловых», как пишет О. Г. Твердохлеб, «частные письма характеризуются эффектом документальности, подлинности сообщения, а потому особой убедительности. Личные письма обладают нежёсткой устойчивой структурой, являются не столь стандартны. Языковая форма таких писем обусловлена темой сообщения, характером взаимоотношений адресата и адресанта, их настроением». [1, с. 121]. Неофициальными личными письмами считают письма родственников, друзей, хорошо знакомых людей, всех, кто поддерживает неформальные, межличностные отношения. Именно функцией общения (т.е. коммуникативной) обусловлено появление в личных письмах А.М. Коллонтай, А.В. Луначарского и А. Чичерина элементов разговорной речи. По мнению М.И. Фоминой, к разговорной лексике русского языка принадлежат слова, свойственные устной формы реализации языка, характерные для непринужденной беседы. Ею же выделяются две подгруппы разговорной лексики: литературно-разговорная и разговорно-бытовая [2, с. 118]. Используемая в обиходном общении разговорно-бытовая лексика часто характеризуется дополнительной окраской неодобрительности, шутливости, фамильярности или оценки. Выражение оценки разговорно-бытовой лексикой связано прежде всего со словообразовательными возможностями, в частности, имен существительных, прилагательных и наречий с суффиксами оценки (ласкательности, пренебрежения, уменьшительности, увеличительности) *-еньк-*, *-оньк-*. Именно о них пойдет речь в данной работе.

Анализ писем Александра Чичерина, Александры Коллонтай и Анатолия Луначарского показал, что все авторы в разной степени употребляют бытовизмы с суффиксом *-еньк-*, *-оньк-*, *-иньк-*: *маленькому*, *хорошенько*, *на коротеньких*, *родненькие*, *миленького*, *свеженькие*, *помаленьку*, *серенькие*, *старенькими*, *Леленьке*, *синенькими* и др.

У Александры Коллонтай нами были выявлены следующие лексемы разных частей речи:

а) Имена прилагательные с суффиксом *-еньк-* (*маленький*, *серенький*, *ровенький*, *старенькими*, *синенькими*) в письмах А.М. Коллонтай представлены в разных формах.

Чаще всего употреблено прилагательное *маленький* в разных формах падежа, рода и

числа. Например: *Сознание есть, что оставила **маленький*** (Им. п., ед. ч., муж. р.) *след* (А.М. Коллонтай, 17 июня 1914 г.); *Кое-что сделала, меньше, чем хотела, меньше, чем мечтала, но **маленький*** (Им. п., ед. ч., муж. р.) *след остается* (А.М. Коллонтай, 1 апреля – 19 марта 1937 г., Мёссеберг); *У меня **маленькая*** (Им. п., ед. ч., ж. р.) *светлая, чистая комната* (А.М. Коллонтай, 1 апреля-19 марта 1937г., Мёссеберг); *Маленькое* (Им. п., ед. ч, ср. р.) *насилие над собой и получается отвращение* (А.М. Коллонтай, 17 июля 1914 г.); *Даже в еще недавно мирной, **маленькой*** (Д. п., ед. ч., ж. р.) *Норвегии* (А.М. Коллонтай, 3 октября 1933г., Стокгольм); *Мне очень нравятся неисчислимые **маленькие*** (Им. п., мн. ч.) *потухшие вулканчики* (А.М. Коллонтай, 26 декабря 1926 г., Мексико).

Другие прилагательные *серенькие, ровненькие, старенькие* и *синенькие* с суффиксом *-еньк-* представлены единичными примерами, ср.: *Особенно если эти женщины не слишком **серенькие*** (В. п., мн. ч.) *они еще больше мужчин любят иметь в лице партнера зеркало, в котором сами на себя могут любоваться* (А.М. Коллонтай, 17 июля 1914 г.); *...чтобы по слоям, по мерке **ровненькими*** (Тв. п., мн. ч.) *и четкими контурами отколоть от него наконечники стрел...* (А.М. Коллонтай, 6 июля 1930 г., Стокгольм); *...зеленый городок с по-своему изящными новыми домами или **старенькими*** (Тв. п., мн. ч.) *деревянными виллами...* (А.М. Коллонтай, 3 октября 1933г., Стокгольм); *Но лужайки засыпаны **синенькими*** (Тв. п., мн. ч.) *первыми цветами.* (А.М. Коллонтай, 22 апреля 1939 г., Мёссеберг);

б) Наречия, которые использовала Александра Коллонтай, не отличаются разнообразием. Несколько раз она применила лексему *хорошенько*. Напр.: *Отдыхайте и работайте **хорошенько*** (А.М. Коллонтай, 17 июля 1914 г.); *Но с тобою повидаемся **хорошенько**, поделимся мыслями...* (А.М. Коллонтай, 22 апреля 1939 г., Мёссеберг).

в) Также найдены нами имена существительные собственные с суффиксом *-еньк-*, ср.: *Как Верочка? Привет **Леленьке**...* (А.М. Коллонтай, 1 апреля - 19 марта 1937 г., Мёссеберг) и с суффиксом *-иньк-*, ср.: ***Хохлинька!** Ведь я тебя очень люблю, мой Хохленьш!* (А.М. Коллонтай. 25 февраля 1913 г.); ***Хохлинька, дорогой мой!*** (А.М. Коллонтай. 13 февраля 1914 г.).

Анализ показал, что нарком Анатолий Луначарский в своих письмах также использовал бытовизмы с суффиксами *-еньк-*, *-оньк-*. Их оказалось достаточно много (23 случая). Представлены также разными частями речи.

а) В исследованных нами А.В. Луначарского выявлены имена прилагательные (*маленькая, на коротеньких, родненькие, хорошенькую, миленькую, свеженькие*). Также, как и в письмах А.М. Коллонтай, в письмах А.В. Луначарского среди найденных нами прилагательных с указанным суффиксом, наибольшее количество примеров с лексемой *маленький*. Напр.: *Там будет **маленькая*** (Им. п., ед. ч., ж. р.) *передышка для обеда* (А.В. Луначарский, 1 сентября 1917 г.); *Ах, Ньюра, какое бы было счастье, если бы наша **маленькая*** (Им. п., ед. ч., ж. р.) *семья опять собралась* (А.В. Луначарский, 9 октября 1917 г.); *...даже та **маленькая*** (Им. п., ед. ч., ж. р.) *ячейка, о которой Вы пишете, может быть организована только с будущего года* (А.В. Луначарский, 13 февраля 1925г., Москва); *Будь мужественна — весела, береги **маленького*** (Вин. п., ед. ч., м. р.) *Мышонка* (А.В. Луначарский, 11 мая 1917 г.); *Целую вас нежно. **Маленького*** (Вин. п., ед. ч., м. р.) *сына бешено зацелуй от меня* (А.В. Луначарский, 7 октября 1917 г.); *Целуй за меня **маленького*** (Вин. п., ед. ч., м. р.); *Привет Над[ежде] Сам[ойловне] и **маленькому*** (Дат. п., ед. ч., муж. р.) *Кристи* (А.В. Луначарский, 5 сентября 1917 г.); *Милое, лучезарное, богатое счастье мое, богиня моя с **маленьким*** (Тв. п., ед. ч., м. р.) *ангелком, к тебе мои мечты...* (А.В. Луначарский, 3 ноября 1917 г.); *Сухановы живут с **маленьким*** (Тв. п., ед. ч., м. р.) *Егоркой 6 лет...* (А.В. Луначарский, 16 ноября 1917 г.); *...ввиду таких **маленьких*** (Р. п., мн. ч.) *опытов нарождаются первые проблески революции грядущей* (А.В. Луначарский, 12 ноября 1920 г.); *...заставили 27 больных или матерей с **маленькими*** (Тв. п., мн. ч.) *детьми развезти по отелям, остальным дать кровать и чистое постельное бельё* (А.В. Луначарский, 6 мая 1917 г.).

Лексемы *хорошенькая, коротенькая*, встречаются в тексте несколько раз. Например:

Сама Эмилия Орестовна - цветущая дама, довольно **хорошенькая** (Им. п., ед. ч., ж. р.), полная и, что называется, аппетитная (А.В. Луначарский, 12 сентября 1917 г.); **Хорошенькая** (Им. п., ед. ч., ж. р.) компания (А.В. Луначарский, 6 июля 1917 г.); Я, если найду, куплю ему **хорошенькую** (Им. п., ед. ч., ж. р.) открытку и пошлю (А.В. Луначарский, 11 мая 1917 г.); Пошлю это письмо только, когда вложу в него **хорошенькую** (Им. п., ед. ч., ж. р.) открыточку для Цветочка (А.В. Луначарский, 6 сентября 1917 г.); Как я писал тебе в прежнем письме, я смогу сегодня написать тебе только **коротенькую** (Вин. п., ед. ч., ж. р.) записку (А.В. Луначарский, 1 ноября 1917 г.); Я делю со всеми все невзгоды, сплю (вернее не сплю) **на коротеньких** (Предл. п., мн. ч.) скамьях, остаюсь в ночлежках, ем, как все (А.В. Луначарский, 6 мая 1917 г.).

Остальные лексемы встречаются в письмах единично. Напр.: *Детика дорогого целую нежно, миленького* (Род. п, ед. ч., м. р.) *Кро-кро.* (А.В. Луначарский, 6 июля 1917 г.); *Очень тоскую по вас, мои родненькие* (Им. п., мн. ч.) (А.В. Луначарский, 6 мая 1917 г.); *Зацелуй свеженькие* (Вин. п., мн. ч.) *Тотошкины щечки* (А.В. Луначарский, 12 октября 1917 г.);

б) В своих письмах Анатолий Луначарский использовал только одно наречие *помаленьку*, ср.: *Министерство мое начинаю помаленьку налаживать* (А.В. Луначарский, 1-4 декабря 1917 г.).

в) Имена существительные с указанным суффиксом в письмах А.В. Луначарского нами не выявлены.

В работах Александра Чичерина мы обнаружили 10 лексем с суффиксом *-еньк-*.

а) Все прилагательные, найденные нами в письмах А. Чичерина, представлены только лексемой *маленький* в разных формах числа и падежа. Например: *Маленький* (Им. п., ед. ч., м. р.) *Поль держится очень хорошо...* (А. Чичерин, ноябрь 1812 г.); *Среди пленных был маленький* (Им. п., ед. ч., м. р.) *швейцарец...* (А. Чичерин, 6 декабря 1812 г., Вильна); *Передайте от меня привет маленькому* (Дат. п., ед. ч., м. р.) *мальчику с большими притязаниями...* (А. Чичерин, 2 апреля 1812 г., Опочка); *Мы уже надумали устроить для него бивак в маленькой* (Предл. п., ед. ч., ж. р.) *бане графини...* (А. Чичерин, 2 июля 1812 г., Лагерь у Двины); *...деревушки здесь очень маленькие* (Им. п., ед. ч., ж. р.)... (А. Чичерин, 16 апреля 1812 г., Питкуны).

б) Нами было обнаружено и наречие *хорошенько* с указанным суффиксом (всего 4 примера). Например: *Займитесь же хорошенько о ваших родителях...* (А. Чичерин, 15 января 1813 г., Вилленбург); *...пригрозите ему хорошенько, если Соколов недоволен им* (А. Чичерин, 2 апреля 1812 г., Опочка); *Сначала я задумал, взглядевшись хорошенько в любезное лицо столь любимого и почитаемого мною человека, нарисовать его портрет* (А. Чичерин, 1 июня 1812 г., деревня Мазире); *...пожелаю вам — помимо добродетелей и всех пышных слов — хорошенько повеселиться на новый год* (А. Чичерин, 18 декабря 1812 г., Вильна).

в) Имена существительные с указанным суффиксом в письмах А. Чичерина нами также не выявлены.

Таким образом, личные письма, предназначенные для описания разных сторон жизни, содержат также информацию и о самом авторе как неповторимой личности, о его интересах, мировоззрении, нравственном облике. По языковым особенностям пишущего можно судить о его образованности и общекультурном уровне. Проведенный нами анализ языка личных писем трех выдающихся людей показал, что они напоминают спонтанную, естественную, непринужденную и непосредственную беседу между отсутствующими людьми, не связанными, не стесненными официальными отношениями. Все письма характеризуются использованием обиходной речи, свободой в выборе средств изложения, в том числе широким использованием разговорной лексики, в частности, разговорно-бытовой. Однако, несмотря на то, что состав разговорно-бытовой лексики в современном русском языке представлен богато и разнообразно, в проанализированных нами письмах А.М. Коллонтай, А.В. Луначарского и А. Чичерина качественно он довольно ограничен и характеризуется повторением. Так, из всех многочисленных имен с суффиксами оценки *-еньк-, -оньк-* все три

автора употребляют часто только две лексемы: *маленький* и *хорошенький*; немногочисленные примеры других лексем в письмах единичны.

Библиографический список

1. Твердохлеб О. Г. Эвфемизмы в сфере личной переписки // Новая наука : Опыт, традиции, инновации. – 2015. – № 6. – С. 121-123.
2. Фомина М.И. Лексика современного русского языка. – М. : Высш. шк., 1973. – 152 с.

УКД 81.366

ВЫРАЖЕНИЕ АСПЕКТУАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ НА УРОВНЕ КОНТЕКСТА

Винокурова Ирина Юрьевна

ФГОУ ВО Мичуринский государственный аграрный университет,
Социально-педагогический институт

EXPRESSION ASPECTUAL MEANINGS ON LEVEL CONTEXT

Vinokurova Irina Yuryevna

Michurinsky State Agrarian University, Socio-Pedagogical Institute

Аннотация

Способами глагольного действия признаются семантико-словообразовательные группировки глаголов, в основе которых лежат формально выраженные модификации значений беспрефиксных глаголов. Вопрос же об аналитических способах выражения аспектуальных значений остается нерешенным. Между тем рассмотрение глагольной формы в контексте позволяет точнее описать парадигму способов действия того или иного глагола.

Ключевые слова: аспектуальность, способы глагольного действия, синтетические и аналитические средства, контекст, начинательность

Abstract

Aktionsart recognized semantic and derivational group of verbs which are based on modifying the values expressed formally prefix-free verbs. The question of the analytical methods of expressing aspectual values remains unresolved. Meanwhile consideration in the context of the verbal form, you can better describe the paradigm modes of action of a verb.

Keywords: asexuality, methods of verbal action, synthetic and analytical tools, context, initiatory

На современном этапе развития аспектологии способами глагольного действия признаются семантико-словообразовательные группировки глаголов, в основе которых лежат формально выраженные модификации значений беспрефиксных глаголов с точки зрения временных, количественных и специальнорезультативных характеристик. Формально выраженными модификаторами аспектуальных значений традиционно считают префиксы, суффиксы, постфиксы, то есть синтетические средства.

Вопрос же об аналитических способах выражения аспектуальных значений остается нерешенным. Одни ученые считают, что «нейтральные акциональные модификаторы вообще не вмешиваются в семантику исходного глагола, поскольку акциональный признак, сообщаемый здесь не аффиксом, а отдельным словом, остается, в сущности, за пределами этого глагола» [Шелякин 1969 75]. Другие исследователи либо игнорируют аналитические средства вообще, либо рассматривают их как конструкции, синонимичные тому или иному способу глагольного действия.

Между тем очень часто аспектуальное значение проявляется не в изолированной

глагольной форме, а на уровне ее окружения в речи, лексического значения слов, выступающих в сочетании с данным глаголом, то есть на уровне контекста.

Рассмотрим, как это происходит при обозначении начала действия.

Различают две разновидности начинательного способа действия - инхоативную и ингрессивную. В первой разновидности начало представлено как приступ к дальнейшему действию, обладающему длительностью. Инхоативная разновидность образуется при помощи приставки **за-** и принадлежит к числу наиболее продуктивных; она регулярно образуется от обозначений однородных ситуаций, не имеющих ни начальной, ни конечной фазы, отличной от срединной, например: *за шуметь, зазвенеть, замякуть, засвистеть, забормотать, зашептать, забарабанить, забелеть, замелькать, заволноваться, засомневаться, закапризничать, заважничать; заходить по комнате, забежать, заплясать, задышать* и т.п. Инхоативные глаголы как бы «вырезают» начальный отрезок ситуации, по которому можно идентифицировать всю ситуацию в целом. Поэтому глаголы, от которых образуется этот способ действия, должны описывать относительно «простые» ситуации – такие, которые могут быть идентифицированы на этом небольшом отрезке своего протекания. Большинство глаголов с инхоативным **за-** обозначают явления, воспринимаемые органами чувств. Важной особенностью глаголов инхоативного способа действия является отсутствие у них вторичных имперфективов. К инхоативным глаголам примыкает некоторое количество глаголов, которые можно было бы назвать несобственно-инхоативными: *заболеть, зацвести, закурить, заговорить, запеть, загореться, закипеть*, – имеющих, в отличие от собственно инхоативных глаголов, соотносительные формы несовершенного вида (соответственно: *заболевать, зацветать, закуривать, заговаривать, запевать, загораться, закипать*); эти соотносительные глаголы несовершенного вида имеют значение процесса прохождения начальной фазы.

На кустах зацветает крыжовник (А. Ахматова).

Осторожно запевали в платанах на бульваре птицы (К. Паустовский).

Один [ребенок] заболел, другой мог заболеть (Л. Толстой).

Продуктивность инхоативного способа действия проявляется в обилии новообразований, созданных по этой модели; ср.: *зауважать, запрезирать, заиметь, засобирается домой, запроситься гулять* и т.п.

Такие глаголы всегда могут быть истолкованы сочетанием "начать делать что-либо": *заходить* (начать ходить), *заговорить* (начать говорить). Они обычно образуются от переходных глаголов несов. вида с непередельным значением основ.

Случаи образования глаголов с префиксом **за-** от переходных глаголов единичны; например:

Ветер закувыркал дубовые листья (Л. Леонов).

Я особенно зауважал Рязанова (О. Ефремов).

Другой тип начинательного значения представлен ингрессивным способом действия, к которому относятся глаголы с приставкой **по-**. Сюда входят две группы глаголов. С одной стороны, это глаголы, обозначающие направленное движение; в сочетании с приставкой **по-** они обозначают начало соответствующего движения (а также действие в целом): *пойти, побежать, полететь, покатиться, поскакать, помчаться, подуть (о ветре), полить (о дожде), повалить (о снеге), посыпаться* и т.п. При этом, если инхоативный способ действия позволяет как бы «увидеть» описываемое действие, представить себе характерный именно для него способ протекания, ингрессивный способ действия лишь указывает на тот факт, что действие началось – и, тем самым, скорее всего осуществится. С другой стороны, к ингрессивному способу действия относится ряд глаголов с приставкой **по-**, образованных от глаголов восприятия и внутреннего состояния: *показаться, почувствовать, почудиться, померещиться, подумать, полюбить, понравиться*. Однако все эти глаголы (за исключением полюбить) тоже описывают не только начало состояния, но и сам факт его наличия.

Но префиксы **за** и **по** далеко не единственные способы выражения начинательности.

Глаголы с префиксом **вз (вс)-** имеют дополнительный оттенок значения

интенсивности и экспрессивности. Преф. **вз-** прибавляется к глаголам звучания и речи: *вскричать, взреветь, взвыть*; мысли: *вздумать*; чувства: *взволновать, встревожить*; такие глаголы часты во фразеологизмах: *вскружить голову, не взвидеть свету* (разг.); с преф. **вз-** и постфиксом **-ся**., *взмолиться*:

Она так вся и встрепещется (И. Тургенев).

Наконец, с адской мрачностью взреывает вдали паровоз (И. Бунин).

Глаголы с префиксом **воз-** (**вос**) имеют окраску архаичности и торжественности. Они образуются от глаголов со знач. эмоций, чувств: *вознегодовать* (книжн.), *возненавидеть, возлюбить* (устар.); внешнего проявления чувств: *возрыдать* (устар.); мысли: *возмечтать* (устар.); от модальных глаголов: *возжелать* (устар.), *восхотеть* (устар.); звучания и речи: *возгреметь* (устар.), *возговорить* (устар.).

И, услышав то, Алёна Дмитриевна

Задрожала вся, моя голубушка,

Затряслась как листочек осиновоый,

Горько-горько она восплакалась... (М. Лермонтов).

Мы возжигаем наш фонарь волшебный (Б. Ахмадулина.)

Глаголы с префиксом **раз-**(**рас**) и постфиксом **-ся** имеют дополнительное к начинательности значение интенсивности, усилительности. Они образуются от глаголов со значением внешних проявлений чувств: *рассмеяться, разрыдаться, расплакаться*; состояния: *рассердиться*.

В некоторых исследованиях в качестве начинательных приводятся некоторые глаголы с префиксами **при-**, **со-**, **у-**: *приметить, соскучиться, уснуть*.

Но значение начинательности может передаваться не только с помощью разнообразных префиксов. В его выражении могут использоваться различные лексические показатели: глаголы *начать, стать, приняться (приниматься), пуститься (пускаться), броситься (бросаться), кинуться, удариться, взяться, затеять, пойти*, частицы *и, айда, ну, давай*.

Наши исследования показывают, что из почти 1600 производных глаголов сочетаемость с начинательными префиксами обнаруживают лишь чуть более 100, сочетаемость же с глаголами *начать (стать)* гораздо свободнее.

*Сейчас же задымились обои. Загорелась сорванная гардина на полу и **начали тлеть** рамы в разбитых окнах* (М. Булгаков).

*Преодолевая слабость, он поднялся со скамьи и рывками **стал пробовать** открыть окно вагона* (Б. Пастернак).

Многие из названных лексических показателей характерны для разговорной речи или художественных произведений.

*Бежит-бежит козёл. Остановится **и давай** копытом **бить***
(П. Бажов).

*Поглядела девчонка весёлыми глазками, блеснула зубками, платочком махнула и **пошла плясать*** (П. Бажов).

*Хотел у дедка Ефима спросить, да он уже **прихрапывать принялся***. (П. Бажов).
*Отколе ни возмись, навстречу Моська им. Увидевши Слона, **ну на него метаться, и лаять, и визжать, и рваться...*** (И. Крылов).

В некоторых случаях инфинитив и без дополнительных лексических показателей может выражать начало действия:

*А царица **хохотать**, и плечами **пожيماتь**...* (А. Пушкин)

Кроме того, в русском языке начало действия может быть выражено с помощью других средств:

*Сейчас мы **приступаем к обсуждению** кулаков* (Шолохов)

В данном случае это происходит благодаря сочетанию глагола, передающего идею начала, и существительного.

Таким образом, начало действия в русском языке может быть выражено с помощью

различных префиксов, фазовых глаголов и других лексических показателей, образующих «типовой аспектуально значимый контекст». Подобное наблюдаем и в случае с другими способами глагольного действия.

Нами предпринята попытка выявить и описать систему аналитических средств выражения аспектуальных значений для рассматриваемых традиционно способов действия. Подавляющее большинство из них имеет аналитические средства выражения аспектуальных значений. К ним относятся фазовые глаголы (начать, стать, закончить, прекратить и т.д.), разнообразные наречные показатели, частицы (ну, давай, айда), модальные слова (бывало, случилось), редупликация. Результаты представлены в таблице.

№	Способ глагольного действия	Аналитические средства выражения
1	Начинательный	начать, стать, приняться (приниматься), пуститься (пускаться), броситься (бросаться), кинуться, удариться, взяться, затеять. Пойти, и, айда, ну, давай
2	Делимитативный	немного, некоторое время, едва-едва, какое-то время, незначительное время, недолго.
3	Пердуративный	долгое время, продолжительное время, значительное время, целый (год, день, час и т.д.), длительное время
4	Финитивный	закончить, кончить, перестать, прекратить, бросить, больше не.
5	Одноактный	однажды, один раз, единожды
6	Множественный	было дело, бывало, временами, случилось, иногда, часто, много раз, несколько раз, не раз, многократно, периодически, порой, частенько, нередко, нет-нет и, зачастую, регулярно, время от времени, раз в (год, день и т.д.), каждый (год, день и т.д.), еже (-дневно, -годно и т.д.), редупликация
7	Прерывисто-смягчительный	слегка, чуть-чуть, едва-едва, несильно, понемногу, иногда, порой, нечасто
8	Процессно-комитативный	попутно, одновременно, вторя, заодно, слегка, немного
9	Процессно-смягчительный	слегка, чуть-чуть, едва-едва, несильно
10	Финально-комплетивный	окончательно, до конца
11	Сативный	вдоволь, достаточно, до полного удовлетворения, досыта
12	Усилительно-интенсивный	начать сильнее (интенсивнее, мощнее), больше и больше, активнее, чаще
13	Чрезмерно-кратный	долго и сильно (интенсивно)
14	Чрезмерно-интенсивный	до изнеможения, до бессилия, до усталости
15	Сверхнормативно-длительный	слишком (чересчур) долго
16	Недостаточно-нормативный	не до конца, недостаточно (глубоко, хорошо, сильно, эффективно, много, долго), не все, мало
17	Чрезмерно-длительный	слишком долго
18	Чрезмерно-нормативный	слишком (чересчур) много (сильно), чрезмерно, излишне, без меры
19	Перспективный	впрок, загодя, заранее, про запас
20	Осложнено-характеризованный	тщательно, старательно, скрупулезно, точно, как следует

21	Аттенуативный	немного, слегка чуть-чуть. едва-едва, несильно, понемногу, не особенно
22	Реформативно-повторительный	снова, заново, опять, вновь, еще раз
23	Длительно-взаимный	друг другу (друг с другом), между собой

Большинство выявленных показателей в строгом смысле нельзя назвать аналитическими средствами выражения аспектуальных значений (и в этом мы согласны с их противниками), поскольку они не являются формальными, чисто грамматическими (ср.: буду писать). Но при этом нельзя игнорировать тот факт, что многие глаголы, не образуя способов действия с помощью синтетических средств, обнаруживают сочетаемость с теми или иными лексическими показателями, то есть легко «входят» в соответствующий контекст.

Предгрозовой свет стал гаснуть в глазах у мастера (М. Булгаков).

Дальнейшим этапом нашей работы стало изучение потенциальных возможностей производных глаголов в плане образования способов действия с помощью синтетических средств и «вхождения-невхождения» в соответствующий контекст. Базой для исследования послужили 1579 производных глаголов. Результаты нашли отражение в таблице.

№	Способ глагольного действия	Количество глаголов, образующих синтетические формы (+ сочетающихся с контекстом)	Количество глаголов, не образующих синтетические формы, но сочетающихся с контекстом	Количество глаголов, не образующих способы действия
1	Начинательный	100	1459	20
2	Делимитативный	518	1007	54
3	Пердуративный	412	989	178
4	Финитивный	844	668	67
5	Одноактный	85	1453	41
6	Многokrатный	170	1259	150
7	Прерывисто-смягчительный	128	136	1315
8	Процессно-комитативный	80	53	1446
9	Процессно-смягчительный	3	14	1562
10	Финально-комплетивный	227	116	1236
11	Сативный	632	130	817
12	Усилительно-интенсивный	225	389	965
13	Чрезмерно-кратный	363	40	1176
14	Чрезмерно-интенсивный	427	76	1076
15	Сверхнормативно-длительный	18	71	1490
16	Недостаточно-нормативный	78	385	1116
17	Чрезмерно-длительный	54	120	1405
18	Чрезмерно-нормативный	46	127	1406
19	Перспективный	6	1322	251
20	Осложнено-характеризованный	70	378	1131
21	Аттенуативный	158	89	1332

22	Реформативно-повторительный	98	1463	18
23	Длительно-взаимный	12	241	1326

Наши наблюдения показывают, что для некоторых способов глагольного действия образование синтетических форм менее продуктивно, чем сочетание с соответствующим контекстом. Многие глаголы, практически не образующие синтетических форм способов действия, могут сочетаться с отдельными лексическими показателями. Например, глагол *вырываться* (в значении «произноситься вслух неожиданно для говорящего») синтетических форм не образует, но, на наш взгляд, вполне правомерны следующие сочетания: *стали вырываться, некоторое время вырывались, долгое время вырывались, снова вырывались, заранее вырывались*. То же можно сказать о глаголах *сметь, сникать, расстрогаться, растеряться, оторопеть, всполошиться, опомниться, зависеть* и др.

Таким образом, рассмотрение глагольной формы не изолированно, а в контексте, с учетом лексических показателей словесного типа позволяет точнее описать парадигму способов действия того или иного глагола и выявить класс глаголов, характеризующихся отсутствием парадигмы по способам действия как таковой.

Библиографический список

1. Авилова Н.С. Вид глагола и семантика глагольного слова. М.: Наука, 1976. 326 с.
2. Виноградов В.В. Вопросы современного русского словообразования. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. 559 с.
3. Русская грамматика. В 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1980. 783 с.
4. Шелякин М.А. Функции и словообразовательные связи начинательных приставок в русском языке // Лексико-грамматические проблемы русского языка. Новосибирск, 1969. С. 3 – 33.

СЕКЦИЯ Языки народов Российской Федерации

УДК 801(075.8)

НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Дубинец Зореслава Александровна

Институт педагогического образования и менеджмента
(филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского» в г. Армянске

DIRECTIONS OF CONTEMPORARY LINGUISTICS

Dubinets Zoreslava Aleksandrovna

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol

Аннотация

В статье рассматриваются лингвистическими направлениями конца XX–начала XXI века: коммуникативная лингвистика, лингвокультурология и когнитивная лингвистика. Охарактеризованы составляющие каждой дисциплины и область исследований.

Ключевые слова: коммуникативная лингвистика, лингвокультурология, когнитивная лингвистика

Abstract

The article deals with the problem of the linguistic trends of late twentieth and early twenty-first century: communicative linguistics, linguistic Culturology and cognitive linguistics. The author characterises the components of each discipline and area of research.

Key words: communicative linguistics, linguistic Culturology, cognitive linguistics

Появление новой области исследований в языкознании вполне закономерно и обусловлено более пристальным вниманием лингвистов к определенной языковой функции (коммуникативная, когнитивная, аккумулятивная и др.) и ее реализации посредством тех или иных языковых единиц. Вместе с тем значительное количество дисциплин, возникших на стыке лингвистики и других наук во второй половине XX века, ставит в затруднительное положение даже студентов-филологов при анализе новых направлений и течений науки о языке.

Цель статьи – охарактеризовать область исследований коммуникативной лингвистики, лингвокультурологии и когнитивной лингвистики как направлений языкознания конца XX–начала XXI века.

Осмысление нового направления невозможно без определения его места в системе парадигмы научного знания. Термин «парадигма научного знания» появился в 1962 году в работе американского ученого Т. Куна «Структура научных революций». (Заметим, что русский перевод книги был сделан в 1977 г.) Научная парадигма – это своего рода модель постановки проблем и совокупности приемов их решения.

Различное количество научных парадигм, выделяемых в работах Ю. Караулова, В. Постоваловой, Е. Кубряковой, свидетельствует об отсутствии в современной лингвистике однозначного подхода к данной проблеме.

Автор статьи разделяет точку зрения В. Масловой о трех научных парадигмах лингвистики – *сравнительно-исторической, системно-структурной и антропоцентрической*. Первые две были ориентированы на объект (предмет, вещь, имя), поэтому в центре внимания исследователей находилось *слово*.

Антропоцентрическая парадигма – это переключение интересов исследователя с объектов познания на субъект, т.е. анализируется человек в языке и язык в человеке [5, с. 7], поскольку, по словам И. А. Бодуэна де Куртенэ, «язык существует только в индивидуальных мозгах, только в душах, только в психике индивидов или особей, составляющих данное языковое общество» [1, с. 71].

В основу антропоцентрически ориентированной лингвистики легло определение языка как «мира, лежащего между миром внешних явлений и внутренним миром человека», сформулированное В. Гумбольдтом [3, с. 304].

В 70-е годы прошлого века Ю. Степанов определяет антропоцентризм как главный принцип современной лингвистики: «...Язык создан по мерке человека, и этот масштаб запечатлен в самой организации языка; в соответствии с ним язык и должен изучаться. Поэтому в своем главном стволе лингвистика всегда будет наукой о языке в человеке и о человеке в языке...» [6, с. 15]. Как видим, формирование антропоцентрической парадигмы привело к смене объекта исследования лингвистики: им становится человека, его место в языке, культуре, обществе.

Термин антропоцентрическая парадигма охватывает целый ряд относительно новых лингвистических дисциплин. Мы более подробно остановимся на трех: коммуникативной

Внимание лингвистов второй половины XX века привлекают уже не внутренние закономерности языковой системы, а функционирование языка как важнейшего средства человеческого общения. Новым этапом в развитии современной науки о языке стало возникновение коммуникативной лингвистики. «Докоммуникативная» лингвистика, по мнению Г. Колшанского, «всегда занималась семантикой языковых единиц – первоначально с главным упором на семантику слова (лексикография), позже семантикой высказывания, семантикой грамматических форм, затем особенно семантикой предложения (синтаксическая семантика), а в последнее время – семантикой текста (лингвистика текста). Однако эта работа велась, как правило, в сфере семантики самостоятельных единиц в изолированном состоянии (семантика отдельных слов, отдельных форм, отдельных видов предложений)» [4]. Ф. Бацевич, Б. Григорьев, Г. Золотова, О. Иссерс, В. Кашкин, Ф. Шарков и др. анализируют языковые единицы в условиях конкретных коммуникативных актов.

Коммуникативная лингвистика представлена такими направлениями, как *теория*

речевых актов, теория межкультурной коммуникации и контрастивная лингвистика.

Наибольшее распространение в данной науке получила теория речевых актов, предложенная и разработанная Дж. Сёрлом и Дж. Остином, анализирующая речь в контексте жизни и жизнедеятельности человека и исходящая из того, что «...речь... суть действия, происходящего между людьми». По мнению исследователей, теория может способствовать изучению механизмов употребления языка для достижения целей, возникающих в ходе речевого взаимодействия [7].

Другое направление коммуникативной лингвистики – межкультурная коммуникация. Под термином подразумевается адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам. «Первое место среди национально-специфических компонентов культуры занимает язык. Язык в первую очередь способствует тому, что культура может стать как средством общения, так и средством разобщения людей. Язык – это знак принадлежности его носителей к определенному социуму» [2].

Представители данного направления рассматривают язык как систему правил коммуникативного поведения человека в условиях определенной культуры и социума, акцентируя внимание на исключительной способности каждого конкретного языка приспосабливаться к бесконечному разнообразию жизненных ситуаций.

Еще одно направление исследований коммуникативной лингвистики – контрастивная лингвистика, которая изучает два или несколько языков с целью выявления их сходств и различий на всех уровнях языковой структуры [7].

Язык не только важнейшее средство человеческого общения, но и продукт культуры, ее важная составляющая и важное условие ее существования, фактор формирования культурных кодов. На стыке лингвистики и культурологии возникла наука, исследующая проявления культуры народа, отразившиеся и закрепившиеся в языке, – лингвокультурология. основополагающими для ее развития стали идеи В. Гумбольдта о том, что язык есть «народный дух», «само бытие» народа. Культура являет себя прежде всего в языке. Он есть истинная реальность культуры, он способен ввести человека в культуру. Язык есть фиксированный взгляд культуры на мироздание и себя самое [5, с. 20].

Проблеме взаимоотношения языка и культуры посвящены работы зарубежных (Л. Вейсгербер, К. Леви-Стросс, Э. Сепир, Б. Уорф) и отечественных (Ф. Буслаев, А. Афанасьев, А. Потебня, В. Топоров, В. Иванов, В. Телия, Н. Толстой) лингвистов. Областью исследований лингвокультурологии являются: язык как воплощение культурных ценностей, культура как наивысший уровень языка, человек как языковая личность, взаимодействие религии и языка, речевой этикет и текст как единица культуры.

Неоднородность языка, в котором различают 4 пласта (литературный язык и диалекты, просторечие и арго), позволяет обнаружить его определенное сходство со структурой культуры, которую Н. Толстой также рассматривает в 4-х срезах – элитарном, деревенском, городском и профессиональном. Соответственно, в каждой славянской культуре можно выявить четыре сходных элемента, хорошо коррелирующих с языковыми: «культуру образованного слоя, «книжную», или элитарную культуру; культуру народную, крестьянскую; культуру промежуточную, соответствующую просторечию, которую обычно называют «культурой для народа» или «третьей культурой», и «традиционно-профессиональную субкультуру» [8, с. 16].

Таким образом, мы получили следующее соответствие: литературный язык – элитарная культура; диалекты и говоры – народная культура; просторечие – «третья культура», т.е. культура для народа; арго – профессиональная субкультура [5, с. 23].

Рассмотрим четвертую составляющую: арго – профессиональная субкультура. Представители элитарной культуры считали, что техника избавит нас от физического труда и тем самым раскрепостит духовно. А оказалось, что наоборот. Массовое внедрение в обиход обычного человека персональных компьютеров и компьютерных устройств привело к зависимости от техники большей части населения и обусловило возникновение и развитие

компьютерного сленга. Это весьма разветвленный язык, на котором фраза *Мать грохнулась, мозги еле продал* означает, что сломалась материнская плата, а операционную память едва удалось продать [5, с. 30]. Даже метафоры у нас возникают компьютерные: два режима существования языка – on-line и off-line. On-line: язык – средство коммуникации между людьми, способ передачи информации от одного мозга к другому. Off-line: язык – средство хранения информации, способ ее организации в мозге индивида. То, что сегодня происходит с русским языком иначе как примитивизацией не назовешь. Он наполняется англоязычными терминами, упрощается синтаксически структуру, что приводит к потере глубины фразы и мысли.

А ведь язык – это средство передачи знаний, которые он «упаковывает» в некую структуру. Вышедшие в последние годы монографии, коллективные труды и отдельные статьи А. Бабушкина, Н. Болдырева, Г. Волохина, Е. Кубряковой, З. Поповой, Ю. Степанова, И. Стернина, В. Телия и других рассматривают проблему языка и мышления, всегда волновавшую отечественное языкознание. Исследованием этого занимается когнитивная лингвистика – наука, изучающая язык как познавательный механизм, играющий роль в кодировании и трансформировании информации. Наука пытается ответить на вопросы: каким видит человек мир, какова роль метафоры и символа в культуре; какова роль фразеологизмов в репрезентации культуры, почему они так нужны человеку?

К важнейшим понятиям когнитивной лингвистики принадлежат *когниция* и *категория*. Под когницией понимают совокупность психических, ментальных, мыслительных процессов восприятия мира, служащих обработке и переработке информации, поступающей к человеку. Категория – одна из форм мышления человека, позволяющая обобщать его опыт и осуществлять его классификацию.

Предмет исследования данной науки – *концепты* («пучки знаний»), это не любые понятия, а лишь наиболее сложные, важные из них, без которых трудно себе представить данную культуру («авось» русских, «порядок» немцев и т.д.).

В основе когнитивной лингвистики лежит положение о том, что поведение и деятельность человека определяются в значительной степени его знаниями, а его языковое поведение – языковыми знаниями.

Из сказанного можно сделать вывод о том, что актуальными направлениями лингвистическими направлениями являются коммуникативная лингвистика, лингвокультурология и когнитивная лингвистика. Объектом их исследования является не слово, а человек в языке и язык в человеке. При этом язык рассматривается как средство человеческого общения, передачи мысли и продукт культуры.

Библиографический список

1. Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию / Бодуэн де Куртенэ И. А. – М. : Изд.-во АН СССР, 1963. – Т. 2. – 391 с.
2. Григорьев Б. В. Intercultural Communication / Межкультурные коммуникации // Б. В. Григорьев, В. И. Чумакова. – СПб. : Петрополис, 2008. – 404 с.
3. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1984. – 400 с.
4. Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке / Г. В. Колшанский. – М. : КомКнига, 2010. – 128 с.
5. Маслова В. А. Современные лингвистические направления : Методические рекомендации / В. А. Маслова. – Витебск : ВГУ им. П.М. Машерова, 2003. – 37 с.
6. Степанов Ю. С. Вступительная статья // Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М. : Прогресс, 1974. – С. 5–16.
7. Тимофеева Е. В. Теоретические проблемы коммуникативной лингвистики английского языка / Е. В. Тимофеева. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://vestnik.igps.ru/wp-content/uploads/V52/23.pdf>
8. Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н. И. Толстой. – М. : Индрик, 1995. – 512 с.

УДК 811.111-26

ФАКТОР ВЕЖЛИВОСТИ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ КОСВЕННЫХ ПРОСЬБ

Зотеева Татьяна Сергеевна

Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов
lady.zoteewa2010@yandex.ru

FACTOR OF POLITENESS IN USE OF INDIRECT REQUESTS

Zoteyeva Tatiana Sergeevna

Saratov State Law Academy, Saratov

Аннотация

В статье исследуется, как фактор вежливости влияет на оформление косвенных просьб в английском языке. Рассматривается уместность использования подчеркнуто вежливых косвенных просьб в различных ситуациях общения. Статья затрагивает вопрос, может ли косвенная просьба не сочетаться с вежливостью.

Ключевые слова: косвенная просьба, вежливость, прагматическая ясность, неуместность косвенной просьбы.

Abstract

The article scrutinizes how the factor of politeness influences the use of indirect requests in English. The author analyzes if polite indirect requests are appropriate in different communicative situations. The article puts the question whether the indirect request cannot combine with politeness.

Key words: indirect request, politeness, pragmatic clarity, inappropriate indirect request.

Вежливость в современной лингвистической литературе признается одним из основных концептов коммуникативного поведения [1, с. 25]. В процессе общения у одного из коммуникантов может возникнуть потребность оказать воздействие на собеседника, побудить его к выполнению определенного действия, поэтому говорящий прибегает к жанру просьбы. Просьба может строиться как на прямых, так и на косвенных коммуникативных средствах, соответственно разграничивают прямые и косвенные просьбы. А. Вежицкая отмечает, что при обращении с просьбой в современном английском языке следует избегать прямого воздействия на адресата, так как прямая просьба противоречит соблюдению «сценария автономности» и «сценария, запрещающего говорить другим людям, что делать» [2, с. 136]. Следовательно, говорящему рекомендуется использовать косвенные просьбы при побуждении адресата к действию. В статье анализируется функционирование косвенных просьб в различных ситуациях общения, задаются вопросы, всегда ли использование косвенной просьбы продиктовано вежливостью, существуют ли другие скрытые смыслы при косвенном воздействии на адресата. Материалом для исследования послужили современные драматические произведения и аудиокурсы английского языка.

Косвенная просьба образуется, когда говорящий использует не прямые коммуникативные средства для побуждения адресата к действию. Как правило, косвенные просьбы строятся на основе вопросительных или повествовательных предложений. Поскольку в структуре косвенной просьбы основное значение высказывания и не прямое значение просьбы сосуществуют, адресат распознает интенцию просьбы, опираясь либо на конвенции, принятые в данном обществе, либо на ситуацию общения. Вслед за Н.И. Формановской выделяем конвенциональные и контекстуально-ситуативные косвенные просьбы [3, с. 157]. Конвенциональные косвенные просьбы – это такие высказывания, за

которыми значение просьбы закреплено традицией, общественными установками, в результате чего они иллокутивно однозначны даже вне контекста [4, с. 157]. Проанализированный материал позволяет выявить следующие наиболее употребительные модели конвенциональных косвенных просьб.

1. Вопрос о возможности со стороны адресата выполнить просьбу: *Can you tell me where Mr. Fenton's office is?* [English Course]; *Could you take my bags to platform seven, please?* [BBC London Course].

2. Вопрос о склонности адресата выполнить действие: *Will you bring me a knife?* [BBC London Course]; *Would you take the day off and stay at home?* [Ayckbourn]; *Do you mind telling me where I can get stamps and a registered envelope?* [English Course]; *Would you be so kind as to tell him [the police sergeant – Т.З.] what you heard this afternoon?* [Meet the Parkers].

3. В ситуациях покупки в магазине или заказа в ресторане, кафе широко используются повествовательные предложения, в которых на основное иллокутивное значение информатива накладывается не прямое значение просьбы. Адресат воспринимает такое высказывание именно как просьбу, опираясь на общественные конвенции, дополнительным сигналом просьбы служит использование *please*: *I'd like some chips, please* [English Course]; *I want a strong walking-shoe with a low heel* [English Course]; *I'd like one [table – Т.З.] in the main room, please* [English Course].

4. Высказывание, формально построенное в виде вопроса о возможности говорящего выполнить действие, на самом деле побуждает адресата совершить нечто: *May I see your driving licence, please?* [English Course]; *Can I have three apples, please?* [BBC London Course].

Контекстуально-ситуативными косвенными просьбами называются высказывания, которые приобретают значение просьбы только в условиях контекста (ситуации) [5, с. 157]. Например: *Time, gentlemen, please!* [Zajdlie], где бармен просит посетителей разойтись, так как пришло время закрывать паб. Или обращение одного из экскурсантов, осматривающих храм, к гиду: *Excuse me, we are looking for the altar*. Ситуация общения показывает, что это высказывание не информатив, а просьба объяснить, как пройти к алтарю. Адресат дает соответствующий ответ: *If you walk down the aisle, up the steps, past the choir, you'll see the altar...* [English in Dialogues]. Высказывание *Er – there's a broken spring in that chair, Miss Calladine* является не сообщением о сломанной пружине, а просьбой гостя к хозяйке устранить дискомфорт. Адресат реагирует соответствующим образом: *I'm so sorry – have a cushion – do!* [Lawrence].

Вежливость называют ключевым фактором, который определяет преимущественное употребление косвенных просьб в современном английском языке [6, с. 184]. Говорящий косвенно побуждает адресата к совершению действия, и при невозможности или нежелании выполнить просьбу адресат может отказаться, не теряя своего достоинства и не вступая в конфликт с говорящим. Некоторые лингвисты задаются вопросом, является ли наивысшая степень косвенного воздействия на адресата наиболее вежливой. Ш. Блум-Кулка исследует оба вида косвенных просьб: конвенциональные и контекстуально-ситуативные. При использовании контекстуально-ситуативной просьбы степень косвенного воздействия на адресата выше, чем при использовании конвенциональной просьбы. Однако исследователь приходит к выводу, что использование конвенциональной просьбы предпочтительнее. Более высокий потенциал вежливости конвенциональной просьбы заключается в возможности соблюдения прагматической ясности (*pragmatic clarity*), с одной стороны, и избегания давления на адресата, с другой. При использовании контекстуально-ситуативной просьбы не всегда удается соблюсти прагматическую ясность [7, с. 131]. Отсутствие прагматической ясности в высказывании может привести к коммуникативной неудаче говорящего. В нашем материале не зарегистрированы случаи коммуникативной неудачи говорящего. На наш взгляд, это связано с тем, стилизованная разговорная речь (художественная и учебная) нацелена на коммуникативный успех говорящего, так как в художественном произведении успешное высказывание говорящего способствует развитию сюжета, в учебном аудиокурсе ставится задача выработки у обучающегося навыков успешного ведения коммуникации на

иностранном языке. Случаи коммуникативной неудачи говорящего при использовании контекстуально-ситуативной просьбы встречаются в живом разговорном общении. Так, С. Эрвин-Трипп приводит пример из американской разговорной речи: поздно засидевшаяся гостя трактует высказывание хозяйки *You look tired, Susan. Stan can give you a ride back* не как просьбу покинуть дом, а как проявление заботы и дает соответствующий ответ: *Oh no, I'm fine* [8, с. 44].

В нашем материале выявлены речевые ситуации, когда конвенциональная косвенная просьба не сочетается с вежливостью. На наш взгляд, вежливость конвенциональной просьбы определяется уместностью её использования в конкретной ситуации общения по отношению к конкретному собеседнику. Подчеркнуто вежливой конвенциональной просьбой говорящий может выражать насмешливое, ироничное отношение к адресату. Например: *Good evening, sir. I'd like to ask you a few questions, if you don't mind* [English Course], где в подчеркнуто вежливой просьбе полицейского к подозреваемому ответить на вопросы передается насмешливое отношение. Бывают ситуации, когда конвенциональная просьба вообще неуместна. Например, обращение грабителя к банкиру: *Can I have your money, please?* [BBC London Course].

Подводя итог, можно сказать, что, хотя основным фактором использования косвенных просьб традиционно считается вежливость, прямой зависимости между понятиями косвенности и вежливости не существует. Косвенная просьба может не сочетаться с вежливостью, во-первых, если она неуместна, во-вторых, если её интенция настолько завуалирована неконвенциональной формой выражения, что адресат не в состоянии правильно её интерпретировать.

Библиографический список

1. Шевченко И.С. Концепт коммуникативного поведения и жанр // Жанры речи. 2015. Вып. 1 (11). – С. 23 – 29.
2. Вежбицкая А. Англоязычные сценарии против «давления» на других людей и их лингвистические манифестации // Жанры речи. Саратов: Издательский центр «Наука», 2007. Вып. 5. Жанр и культура. – С. 131 – 159.
3. Формановская Н.И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М.: Изд-во ИКАР, 1998. – 294 с.
4. Там же.
5. Формановская Н.И. Указ. соч.
6. Джок О.В. Культурно обусловленные сценарии, речевые средства для выражения «личной автономии»: стандартный английский vs. Английский в Сингапуре // Жанры речи. Саратов: Изд-во Гос. УНЦ «Колледж», 2005. Вып. 4. Жанр и концепт. – С. 182 – 198.
7. Blum-Kulka Sh. Indirectness and Politeness in Requests: Same or Different? // Journal of Pragmatics. 1987. Vol. 11. № 2. – P. 131 – 146.
8. Ervin-Tripp S. Is Sybil There? The Structure of Some American English Directives // Language in Society. 1976. Vol. 5. № 1. – P. 25 – 66.

УДК 811.113.6

**ТЕМПЕРАТУРНЫЕ ЯВЛЕНИЯ КАК ЧАСТЬ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА:
КЛАССИФИКАЦИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ С ТЕМПЕРАТУРНЫМИ
КОННОТАЦИЯМИ В ШВЕДСКОМ ЯЗЫКЕ**

Кононова Светлана Юрьевна

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург
ks.sweden@gmail.com

**TEMPERATURE AS A PART OF THE LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD:
CLASSIFICATION OF TEMPERATURE ADJECTIVES IN SWEDISH**

Kononova Svetlana Yuryevna

Saint Petersburg state university, St. Petersburg

Аннотация

Температурные явления – это пример универсальных явлений объективной действительности. Основной целью данной статьи является классификация значений шведских прилагательных с температурными коннотациями в рамках традиций когнитивной лингвистики. В результате анализа выделен ряд лексико-семантических вариантов с конкретным и абстрактным значением.

Ключевые слова: температурные прилагательные, температура, шведский язык, когнитивная лингвистика, значение слова, лексико-семантические варианты.

Abstract

Temperature is an example of the universal phenomena of the objective reality. The main purpose of this article is to classify temperature adjectives in Swedish within the framework of cognitive linguistics. During the study a number of concrete and abstract meaning variants have been identified.

Keywords: temperature adjectives, temperature, Swedish, cognitive semantics, word meaning, meaning variant

Человек, как субъект познания, является носителем определённой системы знаний, представлений и мнений об объективной действительности. Эта система в разных науках имеет свое название – картина, модель или образ мира, и рассматривается в разных аспектах. Реалия, называемая термином «картина мира», стала предметом научно-философского рассмотрения лишь в недавнее время и относится к числу фундаментальных понятий, выражающих специфику человека и его взаимоотношения с миром. Воссоздание репрезентации знания об окружающем мире в сознании индивида или коллективном сознании языкового социума опирается на теорию о существовании индивидуальной языковой картины мира у каждого языкового общества.

Языковая картина мира, исторически сложившаяся в обыденном сознании определённого языкового коллектива, представляет собой способ концептуализации действительности, свойственный данному языку. Концептуализация строится на процессах восприятия и обработки зрительной информации, результаты которых находят отражение в системе языка.

Температурные явления – это пример универсальных явлений объективной действительности. Процесс концептуализации такого рода явлений основан на сложном взаимодействии между объективной действительностью, человеческим восприятием и оценкой соответствующих явлений с точки зрения их функции в жизни людей в определенном культурном контексте. Концепт температуры можно признать универсальным фрагментом языковых картин мира разных лингвокультурных сообществ.

На сегодняшний день существует целый ряд работ, посвященных концептуализации температурных явлений в разных языках. Каждая из таких работ посвящена определённому аспекту исследования, например, анализу градуальных характеристик температурного опыта и их обозначениям во французском языке [8]; рассмотрению английских синонимичных температурных прилагательных с точки зрения их семантических особенностей [3]; сравнению национальной специфики выражения понятия «температура» в русском и английском языках [5]; анализу функциональных особенностей концепта «температура» в немецкой языковой картине мира [4] и др.

Основной целью данной статьи является классификация значений шведских прилагательных с температурными коннотациями в рамках традиций когнитивной лингвистики. Для достижения поставленной цели проведён семантический анализ прилагательных с температурными коннотациями в шведском языке со значением *het* *горячий*, *varm* *тёплый*, *ljummen* *тёплый*, *чуть тёплый*, *sval* *прохладный*, *kylig* *холодоватый*, *kall* *холодный*. Обоснованием актуальности исследования может считаться отсутствие научных работ, посвященных данной теме.

Согласно главным положениям когнитивной лингвистики, человеческие когнитивные структуры, такие как восприятие, язык, мышление, память и действие, неразрывно связаны между собой в рамках одной общей задачи – осуществления процессов усвоения, переработки и трансформации знания, которые определяют сущность человеческого разума. Независимо от принадлежности человека к определённой национальной культуре температурные явления легко воспринимаются и играют важнейшую роль в жизни человека. Этим обусловлен повышенный интерес ученых к лексике, связанной с физическим опытом человека, и особенно – к аспектам ее интерпретирующего и моделирующего потенциала.

Температура может быть определена как предметом научного или обыденного познания. Как научное понятие, температура входит в рамки изучения медицины и физики и определяется как параметрический признак, результат научно-экспериментального действия. В обыденном познании температура определяется как перцептивный признак объектов и воспринимается в неразрывной связи с его температурными ощущениями [6].

Понимание температуры в двух данных ракурсах взаимосвязано между собой. Выявление сущности температуры с точки зрения обыденного познания позволяет наиболее точно описать её концептуализацию в языковой картине мира. Учёт особенностей температурного признака как предмета научного познания даёт возможность более отчётливо охарактеризовать содержание исследуемого участка языковой картины мира, а также выявить возможные случаи влияния на него научных достижений. Следовательно, исследование лексики с семантикой температуры является эмпирической базой для интерпретации широкого спектра явлений действительности, которым могут быть свойственны определённые температурные характеристики.

Основными качествами температурных ощущений являются ощущения тепла и холода. Они возникают в случае отклонения температуры воздействующего на организм объекта от физиологического нуля, то есть температуры, которая ощущается человеком как нейтральная [1, с. 284]. По характеру отражения они определяются как «внешневнутренние» [2, с. 20], поскольку температура может ощущаться как кожным покровом, так и внутренними органами. В результате температурной чувствительности у человека возникают субъективные температурные ощущения типа «тепло», «холодно», «прохладно», «жарко», «температурный комфорт», «дискомфорт» [7, с. 599]. Отметим здесь, что значение температурных слов с типологической точки зрения не является универсальным параметром и характеризует индивидуальность языковой картины мира у каждого языкового общества. Так, в шведском языке «высокая» и «средняя» температуры считаются выше, чем русские *горячий* или *тёплый*.

Ещё одной особенностью температурных ощущений является тот факт, что они фиксируют не температуру тела человека и не температуру объектов внешней среды как таковых, а так называемое температурное отношение, то есть температурный уровень объектов окружающей среды, воспринимаемый в связи с температурой тела человека и наоборот. Способность температурных ощущений к взаимодействию проявляется в явлении ассоциации ощущений.

В ходе проведения семантического анализа температурных прилагательных в шведском языке была произведена попытка составления классификации зафиксированных лексико-семантических вариантов употребления изучаемого корпуса прилагательных. Принимая во внимание возможность изучения температуры в научном и обыденном познании, а также их взаимодействие, значения шведских температурных прилагательных были разделены на конкретные и абстрактные. Под конкретным значением подразумевается температура, которую мы воспринимаем физически или перцептивно. Абстрактное значение объединяет такие типы переносного значения как метонимия и метафора.

Конкретные температурные значения объединяют случаи употребления шведских прилагательных с температурными коннотациями в таких сферах, как: температура живого организма, конкретная окружающая среда, конкретное действие, температура предметов или артефактов. Абстрактные температурные значения или случаи метафорического

использования температурных прилагательных характерны для передачи эмоциональных коннотаций, характеристики абстрактной окружающей среды, абстрактного действия и результата ментального восприятия объектов действительности. Кроме того считается возможным выделить ряд смежных температурных значений, способных характеризовать температуру разных конкретных или абстрактных явлений. Так, например, температура в градусах по Цельсию может быть использована для измерения температуры живого организма, воздуха или жидкости. С другой стороны с процессом восприятия температуры может быть также связан процесс синестезии, который с точки зрения лингвистики определяется как употребление слова, значение которого связано с одним органом чувств, в значении, относящемся к другому органу чувств (тёплый свет, холодный звук и т.д.) (табл. 1).

Таблица 1

Конкретное температурное значение	Абстрактное температурное значение
<ul style="list-style-type: none"> Температура живого организма: kall hand <i>холодная рука</i>, het panna <i>горячий лоб</i> 	<ul style="list-style-type: none"> Внутренний мир (душа): kallt leende <i>холодная улыбка</i>, varm blick <i>тёплый взгляд</i>
<ul style="list-style-type: none"> Конкретная окружающая среда: varm dag <i>тёплый день</i>, sval sommar <i>прохладное лето</i> 	<ul style="list-style-type: none"> Абстрактная окружающая среда: kylig arbetsmiljö <i>прохладная обстановка на работе</i>, varmt samhälle <i>тёплое общество</i>
<ul style="list-style-type: none"> Конкретное действие: springa sig varm <i>согреться во время бега</i>, motorn gick varm <i>мотор перегрелся</i> 	<ul style="list-style-type: none"> Абстрактное действие: telefonen gick varm <i>телефон перегрелся (от количества звонков)</i>
<ul style="list-style-type: none"> Артефакты, предметы: varm tröja <i>тёплая кофта</i>, varmt kaffe <i>горячий кофе</i> 	<ul style="list-style-type: none"> Продукты ментального восприятия: het roman <i>горячий (страстный) роман</i>, varmt fotografi <i>тёплая фотография</i>
<ul style="list-style-type: none"> Лексико-семантические варианты, выходящие за пределы одного значения; физически измеримы: 10 grader varmt <i>10 градусов тепла</i> 	<ul style="list-style-type: none"> Лексико-семантические варианты, выходящие за пределы одного значения классификации; физически неизмеримы: kall färg <i>холодный цвет</i>, varmt ljus <i>тёплый свет</i>

Рассмотренные особенности температурных значений прилагательных в шведском языке позволяют сделать выводы относительно того, каким образом происходит процесс концептуализации температуры в шведской языковой картине мира, а также какие сферы значений могут быть характеризованы. Чувственное восприятие – это первичная ступень познания мира человеком. Процесс восприятия представляет собой многоплановое явление познания окружающей среды и формирования индивидуальной картины мира. Концептуализация температуры, как перцептивного признака, характерна для языковой картины мира, отражающей обыденные представления о действительности. При этом под воздействием научных знаний в языковой картине мира также возможно закрепление представления о температуре как о признаке параметрическом точно исчисляемом.

Классификация температурных значений, а также их разделение на конкретные и абстрактные делает возможным проведение дальнейшего, более углублённого исследования семантического значения температурных прилагательных в шведском языке. В рамках углублённого семантического исследования возможно рассмотрением таких аспектов, как способ, характер, а также структура процесса восприятия температурных ощущений. Научная новизна такого исследования будет заключаться в комплексном подходе к изучению семантики прилагательных с температурными коннотациями и позволит дать чёткое описание их лингвистической природы.

Библиографический список

1. Ананьев Б.Г. Теория ощущений. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1961. – 456 с.
2. Ананьев Б.Г. Ананьев, Б.Г. Психология чувственного познания. – М.: Наука, 2001. – 279 с.
3. Англо-русский синонимический словарь / Ю. Д. Апресян и др.; под. рук. А. И. Розенмана и Ю. Д. Апресяна, – 4-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1999. – 544 с.
4. Кабанова Е.В. Концептуализация температуры в немецкой языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Барнаул: 2011. – 199 с.
5. Калугина В.А. Национальная специфика языковой репрезентации концепта (на материале объективации концепта «температура» в русском и английском языках): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Воронеж: 2006. – 199 с.
6. Лаенко Л.В. Перцептивный признак как объект номинации: дис. ... докт. филол. наук. – Воронеж: 2005. – 465 с.
7. Нормальная физиология человека: учеб. для высш. учеб. заведений / под ред. академика РАМН Б. И. Ткаченко. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Медицина, 2005. – 928 с.
8. Седлова, Л. П. Исследование лексико-семантической группы прилагательных температурного восприятия (на матер-ле соврем. франц. языка): дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. – М.:1976. – 204 с.

СЕКЦИЯ Романские языки

УДК 81:3 9

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ «РОЖДЕСТВО В ВИКТОРИАНСКУЮ ЭПОХУ»

Мартынова Наталья Петровна

Белгородский Государственный национальный исследовательский университет

89204498321@mail.ru

LINGUO-CULTURAL CONCEPT «CHRISTMAS IN THE VICTORIAN ERA

Martynova Natalia Petrovna

Belgorod State University

Аннотация

В данной статье рассматриваются репрезентанты концепта «Рождество в Викторианскую эпоху» в английском языке. Выявляются предпосылки появления новых традиций празднования этого дня в Викторианскую эпоху. Именно эта эпоха оставила в сознании англичан новые предпосылки формированию семейных традиций, обычаев, ритуалов в историческом развитии этого праздника. Выявлена специфика номинативного поля концепта «Рождество», представляющая собой сочетание ряда культурем, берущих начало в Викторианскую эпоху.

Ключевые слова: концепт, номинативное поле, Рождество, Викторианская эпоха, святочное полено, рождественская ёлка, рождественский пудинг

Abstract

This article provides the concept «Christmas in the Victorian era » in the English, understanding of the characteristics and essence of celebrating in the Victorian era. The reasons of new rituals and traditions in the Victorian era are identified. In this era, Christmas became a major national holiday, when for Christmas the whole family gathered, and the result is a unified family holiday, who liked the English, as he maintained respect for the family and strengthened the unity between different generations. Thus the celebration of Christmas is the venerable tradition in

religious value, as well as socio-cultural phenomenon that has developed in a certain historical - cultural epoch. The article presents the results of the research of linguo-culturological concept of "Christmas in the Victorian era".

Key words: concept, nominative field, Christmas, Victorian era, Christmas Yule Log, Christmas tree Christmas pudding

На стыке лингвистики и культурологии сформировалась наука лингвокультурология, изучающая язык, как феномен культуры. По мнению Масловой В.А. «лингвокультурология - это отрасль лингвистики, возникшая на стыке «лингвистики и культурологии и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке» [6].

В работах В.В. Воробьева дается определение лингвокультурологии, в его концепции это - «комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка» [2]. С.А. Кошарная конкретизирует лингвокультурологию, определяя ее как «научную дисциплину, изучающую процесс осмысления и отражения в национальном языке элементов материальной и духовной культуры народа» [3]. С ней тесно связана этнолингвистика и социоллингвистика причем настолько тесно, что это позволяет В.Н. Телии считать «лингвокультурологию разделом этнолингвистики» [8].

Этнолингвистику можно охарактеризовать как направление, «сосредоточивающие свое внимание на изучение связей языка с культурой, народными обычаями, социальной структурой общества и нации в целом» [6]. На основании данных определений о лингвокультурологии подтверждается, что «путь к пониманию культуры открывается языковой семантикой в двух ее классических ипостасях - ономазиологической и семасиологической» [1]. В языкознании прослеживается взаимосвязь лингвокультурологии и когнитивной лингвистики, и эта взаимосвязь позволяет проникнуть в языковое сознание.

Прагмалингвистика дает возможность высветить этнокультурологические аспекты коммуникации, психоллингвистика раскрывает универсальные и этнокультурные психические механизмы порождения и восприятия речи, кодирование и декодирование этнокультурной картины мира. Элементы социоллингвистического анализа подчинены осмыслению общественных факторов, влияющих на «становление и развитие языковой лингвистики и формирование национально-культурного компонента в семантическом пространстве мира» [1].

Проводится лингвокультурологический и лингвокогнитивный анализ от имени концепта к совокупности номинируемых им смыслов. Затем вектор исследования заменяется семасиологическим направлением, и для представления дифференциальных смысловых признаков номинируемых в языке предметов «культуры и целесообразно комплексное использование компетентного анализа и компетентного синтеза» [1].

Когнитивно-культурный подход дает возможность проникнуть в «глубинные свойства семантики языка и текста» [7], поскольку он затрагивает скрытые информационные пласты и научного, поэтического мышления, где происходит «комбинаторное упорядочение знаний и формируется соответствующая языковая картина мира» [4, 5] знаний, лежащих в основе языковой и речевой семантики. Такой подход позволяет переориентировать науку о «взаимодействии языка в сознании и культуры из ее изначально страноведческого «камертона» в лингвокогнитивный» [1].

Национальная когнитивная картина мира содержит в себе те понятия и стереотипы, которые задаются культурой при восприятии и понимании мира нашим сознанием, а осмысление их структурных взаимосвязей осуществляется на уровне языкового сознания, формирующего языковую картину мира, которая формирует тип отношения человека к миру – природе, другим людям, самому себе, задаёт нормы поведения человека в мире, определяет его отношение к жизненному пространству.

Когнитивная картина мира складывается из форм описания, средств анализа, на основе исследования уровня языкового сознания, которая может выступать в виде анализа и

современного подхода в исследовании языка. Это позволяет создать теоретически обоснованную программу антропологической парадигмы в лингвистике, направленную на раскрытие роли как языковых, так и неязыковых факторов в концептуальном освоении мира.

Термины концепт и понятие, которым противопоставляет значение, являющееся языковым обозначением понятия, не всегда обладают языковым выражением и, следовательно, нужно проводить границу между «уровнем понятий и уровнем значений, называя и тот, и другой концептуальными, и определять степень и причины национальной специфики на каждом из уровней» [1]. «Национальные ценности занимают важнейшее место в жизни любого народа и отдельно взятой личности. Иными словами к национальным ценностям относится все то, что создает специфику этнокультуры» [1].

Рассмотрим теперь, как особенности этнокультуры нашли отражение в культуре и традициях народа, его отношении к миру, жизненному пространству. Для осознания этой связи перенесёмся в Викторианскую эпоху (1837-1901 гг. Victorian era) и, конечно же, обратимся к самому любимому англичанами празднику - Рождество (Christmas). Известно, что один из самых значимых и почитаемых религиозных праздников у католиков, православных, лютеран, который празднуется 25 декабря, а православными 7 января [9]. В английском языке дается определение лексеме Рождество, образуемой из 2 слов Christ's Mass, от греческого Христос и латинского massa (the holy mass) святая месса. Буквально Crist-Mass, - это литургическая церемония (служба) в память о рождении Христа [10].

Рассматриваются традиции празднования Рождества - зажигание обрядового огня в домашнем очаге. В английском языке - это Cristmas Yule Log (святочное полено), которое вносил в дом только head of family (глава семьи). Существует традиция украшать свой дом и церковь «decked with holm, ivy, bays, and what solver the season of the year afforded to be green» (листьями дуба, плюща, лавра и всеми теми растениями, которые в это время года сохраняют зеленый цвет) зарегистрированная в Лондоне в 15 веке [10].

Викторианская эпоха (Victorian era 1837-1901 гг) подарила Великобритании замечательную традицию, украшать рождественскими ёлками (Christmas tree) берет начало в Германии 18 веке. Считается, что немцы первые, кто использовал рождественские елки в своих празднованиях. Королева Виктория и принц Альберт впервые установили украшенную елку в Виндзорском дворце 1841 и с этих пор это стало признаком хорошего тона.

В эпоху правления Виктории возник обычай обмениваться поздравительными открытками. В Лондоне первая Рождественская открытка была отпечатана 1843 году. Это послужило началом к становлению отдельного направления полиграфической индустрии.

У жителей Британских островов на протяжении многих веков самым распространенным кушаньем на Рождество была plum porridge (овсяная каша), в которую добавляли изюм, миндаль, мед и чернослив. Рождество в Великобритании считается семейным праздником и за рождественским столом принято собираться всей семьей. Праздничный стол традиционно состоит из гуся или индейки по специальным соусом (gravy) картофеля, овощей, которое запивают сидром, и подается особый десерт рождественский пудинг (Christmas pudding), маленькие пирожки со сладкой начинкой из меда, изюма и цукатов (mince pies) и пирог с фруктовой начинкой (fruit cake). Рождественский вечер обычно заканчивался совместными играми [10]. С целью сбора пожертвований в Великобритании сохранилась добрая традиция распевание рождественских гимнов (Christmas carols singing), когда колядовщиков (carolers) вознаграждали деньгами или сладостями: When the front door opened he walked straight on to the stage of a Christmas pantomime, where he could be kicked, clubbed, stunned and drugged by the dancing harlequin, amid roars of laughter from all the most respectable people in Putney. Oh, you will never do anything better.

Авторы многих распеваемых гимнов не известны, но некоторые из них имеют авторов. Гимн Hark! The Herald Angels Sing (Внимайте пению ангелов - вестников) был написан Ч.Уэсли в 1737, а Joy to the World (Радость миру) – И.Уотсом в 1719. Светские рождественские песни возникли в конце 18 в.: "Deck The Halls" датируется 1784 годом, а

американская "Jingle Bells" была написана в 1857 [10].

Еще одна из рождественских традиций – это венки (wreaths) со свечами, которые имеют особое значение. Венок обычно изготавливается из juniper (можжевельника) и в нем устанавливаются четыре свечи: три фиолетовые и одна розовая. Зажигают свечи за четыре недели до празднования Рождества. Фиолетовые свечи символизируют литургический цвет рождественского поста (liturgical colour of Advent). Розовая зажигается на третье воскресенье рождественского поста (Advent) и символизирует собой радость и ожидание прихода Христа в этот мир. И неотъемлемой частью этого праздника стал Санта-Клаус или рождественский дед, называемый в Англии Батюшка Рождество (Father Christmas) и главная его задача дарить детям подарки.

Эта традиция пришла из Викторианской эпохи и связана с обычаем складывать подарки в чулок или носок, так как существует объяснение, что Рождественский Дед (Father Christmas) путешествуя по воздуху и проникал в дома через дымовую трубу и обронил несколько золотых монет в сушившийся над камином носок и с этих пор в Рождественский Сочельник принято вывешивать носки или чулки над камином надеясь, что туда что-нибудь упадет.

Таким образом, в данной статье посредством лингвокультурологического и лингвокогнитивного подходов к анализу материалы был исследован сегмент номинативного поля концепта «Рождество», получивший своё развитие в Викторианскую эпоху. Исследование строилось с учётом экстралингвистических факторов, а именно исторических предпосылок происхождения традиций, ритуалов, обычаев празднования Рождества в Викторианскую эпоху, оказавшую наибольшее влияние на формирование традиций этого праздника и вхождения в языковой фонд новых культурологически окрашенных лексем.

Библиографический список

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка. Учебное пособие. – М.: Флинта, 2010.
2. Воробьев В.В. Лингвокультурология (теория и методы): Монография. – М.: Изд-во РУДН, 1997.
3. Кошарная С.А. Миф и язык: Опыт лингвокультурологической русской мифологической картины мира. – Белгород. Издательство: БелГУ, 2002. – 288 с.
4. Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования / Ин-т. языкознания РАН. – М.: Знак, 2012. – 208 с.
5. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. – М.: Наука, 1981. – 200 с.
6. Маслова В.А. Лингвокультурология. Учебное пособие для студентов. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
7. Огнева Е.А. Концепт в культурологической интерпретации языка // Альманах современной науки и образования. – 2008. –№ 2-3. – С. 177-179.
8. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический. Прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288с.

Интернет-источники:

9. The Liturgical Year [Электронный ресурс]. URL: http://www.shc.edu/the_o_library/year.htm (дата обращения 20.11.2015)
10. Рождество [Электронный ресурс]. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/religiya/ROZHDESTVO.html (дата обращения 10.11.2015)

УДК 81'37:81'42

РАЗЛИЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТА

Воскобойникова Людмила Петровна

Нижегородский государственный лингвистический университет

им. Н. А. Добролюбова

vosklud@yandex.ru

DIFFERENT APPROACHES TO TEXT INTERPETATION

Voskoboynikova Lyudmila Petrovna

State Linguistic Dobroliubov University of Nizhny Novgorod

Аннотация

Статья направлена на выявление и обоснование факторов, необходимых для полноценной интерпретации художественного текста. Опираясь на модель Р.Якобсона, автор рассматривает существующие в лингвистике подходы к толкованию смысла текста и приходит к выводу о необходимости комплексного учета всех релевантных для анализа текста факторов.

Ключевые слова: код, автор, читатель, интерпретант, контекст, интерсемиотичность

Abstract

The article exposes and grounds factors required for a correct text interpretation. Being guided by R. Jacobson's model, the author examines different linguistic approaches to text interpretation and makes the conclusion that it's necessary to take into account all relevant for text analysis factors.

Key words: code, author, reader, interpreting sign, context, intersemioticity

В последнее время текст является одним из центральных объектов исследований многих наук гуманитарного цикла. В лингвистике под текстом в самом широком смысле понимают как эмпирическую данность (например, роман О. де Бальзака, новеллу Г. де Мопассана, кулинарный рецепт), так и идеализированную модель, построенную на примере изучения конкретных текстов [ср. 4, с. 155]). При анализе модели исследователи опираются на те или иные параметры в зависимости от выбранного ракурса.

Понятие текста как эмпирической данности тесно связано с понятием коммуникации, производства и передачи сообщений. Поэтому текст можно исследовать с точки зрения коммуникативной модели, которая была разработана американским математиком К. Шенноном и получила конечное воплощение у Р.О. Якобсона.

Модель Шеннона-Якобсона выглядит следующим образом [12]:

В данной статье мы рассмотрим основные аспекты этой модели и связанные с ними способы интерпретации текста. Это представляется важным, поскольку многие теории текста выстраиваются на тех или иных компонентах данной модели.

Интерпретация текста с позиции автора

Адресант является отправной точкой изучения текста в рамках генетических и структурно-генетических исследований, в которых смысл анализируемого произведения выводится из личности автора, «закодировавшего» текст. Среди исследований, направленных на выявление явных или скрытых интенций автора, выделим психологическую теорию А. Морье, психоаналитическую концепцию Г. Башляра, психокритику Ш. Морона, литературно-стилистический анализ Л. Шпитцера, теорию стилистических полей П. Гиро [ср.: 11, с. 20-66; 4, с. 9-12; 8, с. 43-47].

Среди генетических концепций достаточное количество психоаналитических теорий, разработанных под влиянием фрейдизма и юнгианства. Их создатели стараются объяснить особенности стиля автора психофизиологическими свойствами личности писателя, патологическими переживаниями его детства и т. д. В разные годы исследованию с этой точки зрения подвергались такие столпы французской литературы, как Э. Золя (в интерпретации Э. Тулуза), Г. Флобер (в трактовке Ж.-П. Сартра), Ш. Бодлер (П. Гиро проанализировал его сборник «Les fleurs du mal»), С. Малларме, П. Валери, Ж. Расин, П. Корнель, Ж.-Б. Мольер (в интерпретации Ш. Морона). Ш. Морон склоняется к весьма спорному выводу о влиянии бессознательного на жанровые и стилистические особенности проанализированных им авторов.

Несомненно, авторская интенция присутствует в любом тексте. Автор выражает себя в произведении согласно своим этическим и эстетическим установкам, мировоззрению, стилю, эпохе, требованиям жанра и т. д. При этом нельзя безоговорочно сводить текст только к личности автора и объяснять все описанные в произведении события фактами из жизни писателя. На это, в частности, указывает Д. Фернандес при анализе личности и творчества М. Пруста [10, с. 204-234].

Интерпретация текста с позиции читателя

Установка на получателя (адресата) присуща стилистике декодирования и является не менее важной, чем установка на автора, хотя и недооценивается многими авторами. Очевидно, что текст для того и создается автором, чтобы быть воспринятым читателем. При этом адресат не просто пассивно воспринимает текст, между отправителем и получателем возникает активное «диалогическое общение» [3, с. 23-24]. Не вызывает сомнений, что текст может воздействовать на читателя (обогащать и расширять его знания и кругозор, привить моральные нормы, побудить сопереживать персонажам и т. д.). Но и обратное также возможно и верно: читатель воздействует на текст. По мнению Р. Барта, читатель – это «некто, сводящий воедино все штрихи, что образуют письменный текст» [2, с. 390]. В силу этого, основной задачей читателя является декодирование сообщения. Читатель осмысливает текст по-своему, ассоциируя себя с кем-то из героев, привнося различные нюансы, обусловленные уровнем знаний, моральными установками, политическими, философскими, эстетическими взглядами. Следовательно, текст «на входе» (то есть отправленное автором сообщение) не всегда совпадает с текстом «на выходе» (то есть с его пониманием читателем). Возможный сдвиг смысла на его пути от автора к получателю может объясняться, в частности, различием социокультурной обстановки, «исторического горизонта» (Х.-Г. Гадамер) адресанта и адресата. Читатель рассматривает художественное произведение через призму идеалов и социальных норм своего времени [1, с. 21-22; 6, с. 586].

Кроме того, понимание в значительной степени зависит от интерпретирующей компетенции. Позиция читателя-интерпретатора в значительной мере обуславливает истолкование, поэтому один и тот же текст может быть по-разному воспринят литературоведом, специалистом по психоанализу или социологом. Так, психоаналитик может в любом тексте найти либидинальные мотивы, социолог стремится мотивировать поведение героя его классовой принадлежностью, социальным статусом и т. п. Подобные толкования текста могут быть оправданными только при наличии в тексте соответствующих интерпретантов.

В целом, можно предположить, что «идеального читателя», который стопроцентно понял бы авторскую интенцию, ни в чем ее не исказив и не привнеся ничего своего, возможно, и не существует. Читатель имеет право на свою точку зрения, что, тем не менее, не означает, что он всегда прав.

Имманентное исследование текста

Исследованием текста (сообщения) как такового занимаются в основном сторонники имманентного анализа [ср.: 11, с. 67-124]. Данный подход получил широкое развитие в трудах русских формалистов и французских структуралистов (например, Р. Якобсон и К. Леви-Стросс использовали этот метод в своем знаменитом анализе «Кошек» Ш. Бодлера). При данном подходе текст (в частности, «поэтическое слово») рассматривается как обращенный на самое себя [9, с. 255-281]. Отказ от выхода за пределы текста явно или подспудно противопоставлен психологическим и социологическим концепциям, неизбежно привлекающим для интерпретации затекстовую информацию. Между тем, имманентный анализ текста, ограничивающийся самим текстом, не предполагающий выхода за его пределы, все реже используется в последнее время. Все большее количество исследователей приходят к выводу, что анализируемый текст может и не содержать в себе всей необходимой для его понимания информации, и тогда выход за пределы текста (например, в область мифопоэтики, психоанализа или социологии) является обоснованным.

Разумеется, нельзя утверждать и обратное: что весь запас знаний, накопленный разными науками в ходе исторического развития, необходим для интерпретации конкретного текста. Привлечение различного рода нелингвистических знаний оправдано лишь настолько, насколько оно помогает адекватно понять анализируемое произведение. А для этого в тексте должны содержаться указатели необходимости привлечения дополнительной информации (интерпретанты).

В роли интерпретанта может выступать лингвистический или прагматический контекст, позволяющий установить содержание анализируемого текста [4, с. 51]. Интерпретант указывает на возможное истолкование, задает направление осмысления, не уводя, тем не менее, исследователя в сторону от текста.

Интерпретация текста на основании кода

Чтобы сообщение было воспринято адресатом, адресат и адресант должны, по меньшей мере, обладать общей кодирующей/декодирующей системой (не полностью тождественной, поскольку в этом случае общение было бы неинформативным, но образующей пересекающиеся множества системы адресанта и системы адресата). В роли такой базовой системы выступает язык, следовательно, первое условие понимания текста – владение языком, на котором он написан. Но ограничиваясь только системой языка, можно упустить значительную часть содержания. Многие исследователи едины во мнении, что в интерпретации, особенно художественного текста, нельзя ограничиться функциональной системой языка: в качестве полисемиотического образования текст подлежит изучению в ракурсе множества формирующих его смысл систематик. В этой связи релевантны исследуемые в теории речевых актов социальные конвенции, а также изучаемые французской семантикой социальные нормы, практики интерпретации и т.п.

С такой позицией смыкается и широко известное положение, согласно которому текст является как минимум дважды закодированным – не только естественным языком в роли первичной моделирующей системы, но другими системами кодирования в роли вторичных моделирующих систем (Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский). Для семантического анализа первичные и вторичные системы равноправны, и при истолковании конкретного текста приоритет может быть отдан любой из них. Иначе говоря, система языка не считается доминирующей или более важной, так как при интерпретации текста более значимым для понимания может оказаться не знание правил языка, а другие компетенции, сведения из других областей знания, находящие свое отражение в художественном тексте.

На взаимодействие разных систематик указывает также французский исследователь Ж. Женетт. По его мнению, каждый текст всегда служит иллюстрацией нескольких

системных инстанций, поскольку он всегда отсылает к нескольким «значимым комплексам»: языку, автору, жанру, эпохе, стилю, различным социальным практикам [7, с. 442].

В данной связи ключевым нам представляется понятие «*intersémioticit *» *интерсемиотичность* [16, с. 15, 219; 14, с. 54]. Ф. Растье и Ж. Курте обращают внимание на необходимость учитывать социальные нормы, так или иначе представленные в языковых произведениях, ведь язык и сам является общественным установлением. Без учета такого рода норм интерпретация может быть неполной и даже неадекватной.

Таким образом, художественный текст предстает как сложная поликодовая структура. С одной стороны, любой текст создан на естественном языке, а естественные языки сами по себе уже являются полисемиотическими системами, состоящими из разных семиотических типов языковых знаков. С другой стороны, в кодировке текста принимают участие и другие виды систематик, в частности, всевозможные социальные нормы, указывающие на прагматический контекст. Из этого следует, что интерпретация художественного текста должна быть комплексной и учитывать как внутриязыковые факторы, так и влияние различных нелингвистических факторов, воплощенных в тексте. На наш взгляд, категория интерсемиотичности [5], всесторонне отражающая такие разнородные взаимодействия, может и должна рассматриваться как одна из значимых категорий текста и как необходимое условие его интерпретации.

Контекст

При выводе смысла текста необходимо учитывать не только внутреннюю структуру текста, но и широкий прагматический контекст. Художественный текст является продуктом определенной эпохи, поэтому для его полноценного понимания нужно знание прагматических факторов. Не следует, впрочем, сводить внешний контекст к референции, поскольку мир художественного текста далеко не всегда отвечает критерию истинности /ложности, поставленному во главу угла условно-истинностной семантикой. Интерпретирующая семантика, наоборот, настаивает на важности прагматических факторов для интерпретации. Такими факторами может послужить и культурно-историческая ситуация на момент создания и восприятия текста, и социально нормированные установки этих эпох.

В ряде исследований понятие «контекст» трактуется очень широко, вплоть до выхода в интертекст и гипертекст. Так, по мнению М. Арриве, текст «открыт в другие тексты: любой текст есть поглощение и трансформация других текстов» [13, с. 146]. Ж. Женетт, в свою очередь, вводит глобальное понятие «транстекстуальность», обозначая этим термином «любые отношения, явные или скрытые, рассматриваемого текста с другими текстами» [15, с. 7]. Среди изученных Ж. Женеттом типов транстекстуальных отношений между текстами есть как интертекстуальность, уже известная по работам Ю. Кристевой, так и новое понятие «гипертекстуальности». Изучению этого основного, по мнению автора, типа транстекстуальных отношений и посвящена его книга «*Palimpsestes*». Этим термином автор обозначает отношения, объединяющие текст Б (гипертекст) с предшествующим ему текстом А (гипотекстом), на который он «прививается», следуя авторской метафоре, способом, отличным от обычной литературной критики. По мнению Ж. Женетта, через один текст всегда прочитывается другой и процесс этот практически бесконечен. Гипертекст, таким образом, похож на палимпсест – пергамент, на который поверх первой, стертой, надписи, нанесена вторая, но первая по-прежнему проступает. Как палимпсест можно рассматривать и взаимодействие различных систематик в художественном тексте. При подключении разных кодов смысл как бы «мерцает», одно значение проглядывает сквозь другое, а задача интерпретатора сводится к тому, чтобы максимально полно учесть функционирование всех кодов текста.

Следовательно, текст может изучаться в соответствии с коммуникативной моделью. При исследовании текста помимо его внутренней структуры можно обращаться к сведениям об авторе, учитывать читательское восприятие, изучать присутствующие в тексте коды и системные инстанции. Это не означает, тем не менее, что смысл текста можно свести к учету

только одной из этих составляющих и объяснить лишь с позиции авторского намерения, социо-исторического контекста или читательской интенции. Необходим взвешенный учет всех этих факторов в непосредственной зависимости от их релевантности для анализа.

Библиографический список

1. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка (Стилистика декодирования). — 3-е изд. — М.: Просвещение, 1990. — 300 с.
2. Барт Р. Смерть автора. / Перевод С.Н. Зенкина. // Р. Барт. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. — М.: Прогресс, 1989. — С. 384-391.
3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / Сост. С.Г. Бочаров, текст подгот. Г.С. Бернштейн и Л.В. Дерюгина; примеч. С.С. Аверинцева и С.Г. Бочарова. — М.: Искусство, 1979. — 424 с.
4. Бочкарев А.Е. Семантический словарь / Науч. ред. В.М. Бухаров. — Н. Новгород: ДЕКОМ, 2003. — 200 с.
5. Воскобойникова Л. П. Интерсемиотичность как фактор формирования смысловой структуры текста (на материале французских художественных текстов): дис. ... канд. филол. наук. — Н.Новгород, 2014. — 166 с.
6. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики / Общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. — М.: Прогресс, 1988. — 704 с.
7. Женетт Ж. Работы по поэтике. Фигуры. В 2-х томах / Общ. ред. и вступ. ст. С. Зенкина. — М.: Изд. им. Сабашниковых, 1998. — Т. 2. — 472 с.
8. Тимашева О.В. Семинарий по общей и французской филологии: аналит. чтение и межкультур. коммуникация: Les approches à la lecture analytique du texte: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 033200 – иностр. яз. — М.: РОСНОУ, 2004. — 248 с.
9. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино / Предисл. В. Каверина. — М.: Наука, 1977. — 574 с.
10. Фернандес Д. Дерево до корней: Психоанализ творчества / Пер. с франц. Д.В. Соловьева. — СПб.: ИНАПРЕСС, 1998. — 240 с. — Серия «Цветы зла».
11. Хованская З.И. Анализ литературного произведения в современной французской филологии. — М.: Высшая школа, 1988. — 240 с.
12. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика / Пер. с англ. И.А. Мельчука // Структурализм: «за» и «против»: сб. статей / Под ред. Е.Я. Басина, М.Я. Полякова; предисл. В.П. Крутоуса. — М.: Прогресс, 1975. — С. 193-230.
13. Arrivé M. La sémiotique littéraire // Sémiotique. L'école de Paris. — P.: Hachette, 1982. — P. 127-150. — (Collection: Langue. Linguistique. Communication).
14. Courtés J. Analyse sémiotique du discours: de l'énoncé à l'énonciation. — P.: Hachette Supérieur, 1991. — 302 p.
15. Genette G. Palimpsestes. La littérature au second degré. — P.: éd. du Seuil, 1982. — 576 p.
16. Rastier F. Sémantique interprétative. — P.: P.U.F., 1987. — 280 p. — (Collection: Formes sémiotiques).

СЕКЦИЯ Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание

УДК 811.111'367.625

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АНГЛИЙСКИХ КОМИТАТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ

Градская Татьяна Вячеславовна

Нижегородский государственный лингвистический университет
t.gradskaya@yandex.ru

SEMANTIC POTENTIAL OF ENGLISH COMITATIVE VERBS

Gradskaya Tatyana Vyacheslavovna

Nizhny Novgorod State Linguistic University

Аннотация

В работе представлены практические результаты исследования семантических особенностей английских комитативных глаголов на материале двух языков: английского и русского. В начале статьи дается готовая классификация комитативных глаголов, составленная на основе метода компонентного анализа, а далее представлены конкретные результаты исследования выражения их семантического потенциала в переводе на русский язык. В основе проведенного исследования – вербоцентрическая концепция предложения.

Ключевые слова: комитативы, семантический потенциал, семантические особенности, компонентный анализ лексических значений

Abstract

In the current paper you can find the results of the research into the semantic features of English comitative verbs which was conducted on the basis of two languages – English and Russian. The article opens with the classification of English comitative verbs which was made by means of the componential analysis of lexical meanings. The rest of the article is concerned with the concrete results of the research aimed at studying their semantic potential in translations into Russian. The key concept of the conducted research is Verb-centric semantics of the English sentence.

Key words: comitatives, semantic potential, semantic features, componential lexical analysis

В процессе коммуникации люди не общаются отдельными словами, между ними происходит обмен мнениями, которые выражаются продуцированными ими на том или ином языке высказываниями, под которыми обычно понимаются «речевые произведения, созданные в ходе конкретного речевого акта. Высказывания рассматриваются в контексте этого речевого акта как часть дискурса (текста)». В рамках вербоцентрической концепции предложения ядром семантико-синтаксической структуры любого предложения является глагол [5-8].

Рассмотрим семантические особенности комитативных глаголов в английском и русском языках. Для этого прежде всего необходимо построить семантическую классификацию исследуемой нами лексико-семантической группы глаголов (ЛСГ).

Под *комитативными* глаголами понимаются лексические единицы, отображающие ситуации внеязыковой действительности с так называемыми «множественными партиципантами». Участники такого рода ситуаций абсолютно равноправны при совершении обозначаемого глаголом действия. Последнее может быть выполнено только при наличии как минимум двух участников. Это глаголы типа «ссориться» (to quarrel), «жениться» (to

marry), «обмениваться чем-либо» (to swap/exchange), «сотрудничать с кем-либо» (to collaborate with someone).

Обратимся к структуре ЛСГ английских комитативных глаголов.

Для выявления семантических свойств английских комитативных глаголов в ходе исследования был проведен компонентный анализ глагольных лексических значений. В качестве объекта анализа выступили 50 комитативных глаголов; все исследованные нами глагольные единицы были отобраны из англо-английских толковых словарей методом сплошной выборки, и далее мы исходили из частотности их употребления в речи. Посредством дефиниционной методики исследования были выявлены отдельные лексико-семантические варианты (ЛСВ) каждой глагольной единицы, на основе которых была составлена классификация комитативных глаголов данной ЛСГ.

Всего было выделено девять групп предикатов:

1) Предикаты совместной деятельности to collaborate, to cooperate, to collude, to connive, to conspire с интенционалом «to work together». По импликационалу среди этой группы можно выделить две подгруппы: глаголы совместной работы для достижения общей цели с положительной коннотацией to collaborate и to cooperate, а также глаголы тайной совместной работы для достижения общей цели с негативной коннотацией to collude, to connive, to conspire.

2) Предикаты обмена to swap, to trade, to exchange с интенционалом «to give something and get something in return». Импликационала у данных глаголов обнаружено не было.

3) Предикаты обсуждения to debate, to negotiate, to confer, to consult, to talk over, to talk through, to talk с интенционалом «to discuss». По импликационалу было выделено две подгруппы: предикаты формального обсуждения, обмена мнениями to debate, to negotiate и предикаты неформального обсуждения to confer, to consult, to talk over, to talk through, to talk. Среди второй подгруппы выделяются два глагола to talk over, to talk through, в дефинициях которых присутствует сема, обозначающее детальное и скрупулезное обсуждение вопроса.

4) Предикаты, описывающие взаимоотношения людей: to divorce, to marry, to elope, to get along, to get on, to rub along, to break up, to split up, to part, to separate. Среди них выделяются три подгруппы. Первая из них - предикаты поддержания дружеских отношений (с интенционалом to have a friendly relationship) to get along, to get on, to rub along. Далее следуют предикаты завершения отношений (с интенционалом to end a relationship) to divorce, to break up, to split up, to part, to separate, среди которых глагол to divorce – предикат расторжения брака, а все остальные глаголы подразумевают завершение, как официально, так и неофициально зарегистрированных отношений. Последняя подгруппа – предикаты официальной регистрации отношений to marry, to elope. Предикат to elope подразумевает, что субъекты предприняли попытку бегства с целью заключения брака.

5) Предикаты выражения мнения to agree, to concur, to disagree, to differ с интенционалом to have an opinion, которые делятся на две подгруппы: предикаты выражения мнения, совпадающего с мнением собеседника (to agree, to concur) и предикаты выражения мнения, противоречащего мнению собеседника (to disagree, to differ).

6) Предикаты ведения разговора to gossip, to converse, to chat, to natter с интегральным признаком to talk. Предикат to gossip имеет негативную коннотацию, ибо подразумевает наличие разговора, содержащего злые и неправдивые ремарки по поводу других людей и их личной жизни. Предикат to chat обозначает дружеский и неформальный разговор. Глагол to converse относится к формальной лексике, а to natter – к неформальной.

7) Глаголы ведения спора to argue, to quarrel, to row, to quibble, to bicker, to squabble, to haggle, to dicker. Среди этих глаголов выделяются три подгруппы: глаголы ведения спора о мелочах to quibble, to bicker, to squabble; глаголы ведения спора перед покупкой товара to haggle, to dicker; глаголы ведения шумного спора to quarrel, to row.

8) Глаголы совместимости и совпадения предметов и явлений to agree, to concur, to match, to jibe, to tally, to correspond, to coincide.

9) Глаголы несовместимости предметов и явлений *to clash, to collide, to conflict, to contrast*.

Для выявления семантических особенностей английских комитативных глаголов в русском языке был использован следующий алгоритм работы:

1) Поиск исследуемых единиц в контексте в классической и современной художественной литературе англоязычных стран [9, 11, 13, 15, 17, 19];

2) Поиск соответствующих предложений, содержащих исследуемые глаголы, в переводах на русский язык, выполненных профессиональными переводчиками [10, 12, 14, 16, 18, 20];

3) Сопоставление семантического потенциала данной ЛСГ в английском и русском языках.

4) К художественной литературе добавились новые источники: опубликованные в интернете доклады комитетов Генеральной Ассамблеи ООН, Совета безопасности и различных международных конференций и их профессионально выполненные переводы [21-24].

Обратимся к конкретным результатам исследования.

Сначала был проведен анализ английских предикатов совместной деятельности посредством метода компонентного анализа [2-4].

Так, глаголы совместной деятельности с положительной коннотацией *to collaborate, to cooperate* чаще всего сохраняют свой семантический потенциал в русском языке и переводятся как «сотрудничать». Например:

«UNOCI also continued *to collaborate* with UNDP and UNFPA in implementing a joint project on HIV/AIDS in the process of disarmament, demobilization and reintegration» (Nineteenth progress report of the Secretary-General on the United Nations Operation in Côte d'Ivoire, 8 January 2009).

«ООНКИ продолжала также *сотрудничать* с ПРООН и ЮНФПА в осуществлении совместного проекта, посвященного борьбе с ВИЧ/СПИДом в рамках процесса разоружения, демобилизации и реинтеграции» (Совет безопасности ООН: Девятнадцатый очередной доклад Генерального секретаря об Операции Организации Объединенных в Кот-д'Ивуаре, 8 января 2009).

Были найдены некоторые случаи, когда значение этих глаголов несколько изменялось. Так, предложению «For instance, because criminal organizations must hide the proceeds of their illicit activities, they often *need to cooperate with regulators*, people in financial institutions and other professionals to launder those proceeds» (Report of the International Narcotics Control Board for 2010) соответствует русское предложение: «Например, поскольку криминальным структурам необходимо укрывать доходы от своей незаконной деятельности, им часто *требуется помощь сотрудников регулирующих органов*, работников финансовых учреждений и других специалистов для отмывания этих доходов» (Доклад Международного комитета по контролю над наркотиками за 2010 год).

В этом случае переводчик акцентировал внимание на том, что один из субъектов действия нуждается именно в помощи другого субъекта. Кроме того, поскольку зачастую сотрудничество проистекает в определенной сфере, значение глаголов очень часто конкретизировалось. Например:

«Japan has founded the Japan International Research Center for Agricultural Sciences as a national organization *to collaborate with developing countries in international research* through the dispatch and invitation of researchers» (Concluding observations on the 3rd periodic report of Japan, 29 April-17 May 2013).

«Япония организовала Японский центр международных исследований в области агронаук в качестве национальной организации *для проведения совместных международных исследований* посредством обменов научными кадрами с развивающимися странами» (Заключительные замечания по третьему периодическому докладу Японии, 29 апреля – 17 мая 2013 года).

В другом случае словосочетание «to collaborate on developing and adapting new regulations» переводилось как «совместно разрабатывать и адаптировать новые регулятивные положения».

Предикаты совместной деятельности с негативной коннотацией to conspire, to collude, to connive также в основном сохраняют свой семантический потенциал в переводе на русский язык. Самые распространенные соответствия «вступить в сговор», «сговориться»:

«In 2003 an Israeli national working from South Africa, a Pakistani national in Pakistan and others conspired to obtain triggering devices for nuclear explosive devices from a United States company for an undisclosed Pakistani entity» (Letter from the Permanent Representative of the USA to the UN addressed to the Chairman of the Committee, 12 April 2010).

«В 2003 году гражданин Израиля, действующий из Южной Африки, гражданин Пакистана, находящийся в Пакистане, и ряд других лиц вступили в сговор с целью приобретения у американской компании для неуказанного пакистанского юридического лица спусковых устройств для ядерных взрывных устройств» (Письмо Постоянного представителя США при ООН на имя Председателя Комитета, 12 апреля 2010).

Тем не менее, иногда в русском переводе им соответствовали глаголы, у которых отсутствовала негативная коннотация. Рассмотрим предложение «Not once, in over a thousand pages, does *Hogwarts, A History* mention that *we are all colluding in the oppression of a hundred slaves!*» (Rowling 2002: 519). В переводе использован нейтральный предикат: «Ни одного раза на протяжении тысячи страниц в «Истории» не сказано, что *мы все участвуем в жестоким угнетении* сотни эльфов» (Роулинг 2008: 501).

Так, в других случаях были выявлены следующие соответствия: «to conspire against Arabs and Muslims» – «объединить силы в борьбе против арабов и мусульман», «to conspire in the abduction» – «принимать участие в похищении».

Глаголы обмена to trade, to swap, to exchange всегда сохраняют свой семантический потенциал в переводе на русский язык. В редких случаях в переводах не было найдено конкретного русского предиката, который соответствовал бы английскому предикату. Причина заключается в том, что некоторым словосочетаниям, содержащим глаголы обмена, к примеру «exchange greetings with someone», обозначают определенное действие – «здороваться с кем-либо».

Примером может служить предложение «He was relaxed, easygoing, trading jokes with us in an almost light-hearted way» (Keyes 1994: 219). Его перевод звучит следующим образом: «Он расслабился, успокоился, стал шутить с нами – почти беззаботно» (Киз 2010: 239). Однако в большинстве случаев встречались переводы, где фигурировал русский эквивалент «обмениваться»: «to exchange an innocent kiss» – «обменяться невинным поцелуем», «to exchange a few words» - «обменяться несколькими словами», «to trade observations» - «обменяться впечатлениями».

Предикаты обсуждения, как уже было сказано выше, были разделены на две группы: предикаты формального обсуждения to debate, to negotiate и неформального to confer, to consult, to talk over, to talk through.

Следует сразу отметить, что глагол to debate практически всегда терял при переводе значение формальности и переводился как «обсуждать».

Например, предложение «They *debated* subjects such as: Indigenous Literature, Poetry and Translation, Young Writers and their creative environment» в переводе звучит таким образом: «На них *обсуждались* такие вопросы, как литература, поэзия и перевод произведений коренных народов, молодые писатели и их творческая среда». Причина кроется в том, что в русском языке очень сложно найти эквивалент, который мог бы полностью передать значение этого слова. В исследовании встретился только один вариант, который показался нам удовлетворительным - «вести прения»:

«The participants *debated* and exchanged views on topics likely to dominate the global political, trade and finance agenda in the coming years» (Report of the UNESCO, 19 March 2004).

«Участники *провели прения* и обменялись мнениями по вопросам, которые, по всей вероятности, будут доминировать в глобальной политической, торговой и финансовой повестке дня в предстоящие годы» (Отчет ЮНЕСКО, 19 марта 2004)

Другой глагол формального обсуждения *to negotiate* в большинстве встреченных случаев переводился как «вести переговоры» и полностью сохранял свой семантический потенциал. Например:

«Who were they *negotiating with?*» (Barnes 1990: 61).

«С кем *вели переговоры?*» (Барнс 2006: 69).

Глагол неформального обсуждения *to talk over* во всех встреченных нами случаях в переводе терял важную семантическую составляющую детального и скрупулезного разговора:

«And gave Billy such an innocent look Billy had to laugh and shake his head, no, and go off to a corner to excitedly *talk over the next Saturday's plans* with the man he probably considered a pimp» (Kesev 2003: 201).

«И посмотрел на Билли так простодушно, что Билли против воли рассмеялся, мотнул головой и ушел в угол взволнованно *обсуждать планы на будущее воскресенье* — с человеком, которого, наверно, считал котом» (Кизи 2012: 209).

А глаголы *to confer* и *to consult* в переводе полностью сохраняли свой семантический потенциал и переводились как «переговорить» и «посоветоваться» соответственно. Например:

«Goldsberry appealed to Judge Jones to allow him time *to confer with his client*» (Keyes 1994: 303).

«Голдсберри обратился к судье Джоунсу с просьбой дать ему время *переговорить со своим клиентом*» (Киз 2010: 318).

Глаголы выражения мнения, совпадающего с мнением собеседника *to agree*, *to concur* полностью сохраняли свой семантический потенциал в русском языке и переводились как «согласиться», «сойтись на чем-либо», «решить». Например:

«Or is it something in the story itself: maybe artists *agreed that* the Flood doesn't show God in the best possible light?» (Barnes 1990: 250).

«Или чем-то, кроющимся в самой этой повести: может быть, художники *сошлись на том, что* Потоп характеризует Бога не с лучшей стороны?» (Барнс 2006: 262)

Однако формальному глаголу *to concur* в переводе не было найдено характерного русского эквивалента формального характера. Глаголы выражения мнения, противоречащего мнению собеседника *to disagree*, *to differ*, также полностью сохраняли свой семантический потенциал и в переводе звучали как «не согласиться», «разойтись во мнениях»:

«How many times have I *disagreed* with him?» (Fowles 1996: 210).

«Как часто я *не соглашалась* с ним!» (Фаулз 2007: 216).

В ходе исследования было найдено идиоматическое выражение, сочетающее одновременно два глагола этой группы, противоположных по значению «*to agree to differ*» со значением «*to accept you have different opinions about something, but decide not to discuss it any longer*». Предложение с этой идиомой “We must *agree to differ* on that, Draco. It so happens that I trust Professor Snape” (Rowling 2006: 631) перевели следующим образом: «Тут нам придется *остаться каждому при своем мнении*, Драко. Я, видите ли, доверяю профессору Снеггу» (Роулинг 2009: 637).

Глаголы соответствия понятий и явлений *to agree*, *to concur*, *to match*, *to jibe*, *to tally*, *to correspond*, *to coincide* в большинстве случаев переводились как «совпадать», «соответствовать» и тем самым сохраняли свой семантический потенциал. В некоторых случаях переводчик использовал прием семантического развития. Например, предложение «I'm afraid everyone's feelings will correspond with mine: we do not have adequate coverage for two day rooms» (Kesev 2003: 131). В его переводе - «Боюсь, что все отнесутся к нему так же, как я: для двух дневных комнат у нас недостаточно персонала» (Кизи 2012: 140) - акцент смещается на одушевленный субъект действия, соответствия.

Глаголы противоречия понятий с явлений to disagree, to clash, to collide, to conflict, to contrast также зачастую сохраняли свой семантический потенциал в переводе. В большинстве случаев их русскими эквивалентами стали «противоречить», «идти в разрез», «не соответствовать». В одном примере словосочетанию «to clash with human rights» было найдено устойчивое русское словосочетание «ущемлять права человека»:

«The public authorities also encourage the public to be proactive in .... showing zero tolerance for actions, especially on the part of public servants, *that might clash with citizens' rights*» (Concluding observations on the 3rd periodic report of Japan, 29 April-17 May 2013).

«Кроме того, государственные органы поощряют население ... проявлять нетерпимость к подобным действиям (особенно со стороны государственных служащих), *которые могут ущемлять права граждан*» (Заключительные замечания по третьему периодическому докладу Японии, 29 апреля – 17 мая 2013 года).

Таким образом, посредством компонентного анализа на основе дефиниций нами была детально изучена структура данной ЛСГ, а контекстуальный анализ позволил нам сравнить объем и содержание семантического потенциала комитативных глаголов в английском и русском языках.

В данной работе исследование выражения семантического потенциала английских комитативных глаголов опиралось на переводы, выполненные профессиональными переводчиками, и в ходе исследования нами были проанализированы лишь наиболее интересные (в семантическом плане) случаи употребления изучаемых глагольных единиц.

Подытоживая сказанное выше, констатируем следующее.

В результате проведенного компонентного анализа исследованных глагольных значений при помощи дефиниционной методики была составлена структурно-семантическая классификация изучаемых нами английских глагольных лексем.

Классификация комитативных глаголов включает 9 групп ЛСВ:

- 1) предикаты совместной деятельности,
- 2) обмена,
- 3) обсуждения,
- 4) ведения разговора,
- 5) ведения спора,
- 6) выражения мнения,
- 7) предикаты, описывающие взаимоотношения людей,
- 8) предикаты совместности и совпадения предметов и явлений,
- 9) предикаты несовместности предметов и явлений.

При анализе переводов английских предложений, содержащих исследуемые нами глагольные единицы, было выявлено следующее:

- 1) глаголы могут полностью сохранять свой семантический потенциал при переводе на русский язык (большинство найденных примеров);
- 2) значение английских глаголов становится шире или уже при переводе.

В первом случае комитативным глаголам зачастую соответствует русский эквивалент, данный в англо-русских словарях.

Во втором случае в целях соблюдения лексической сочетаемости, а также руководствуясь личными мотивами, переводчик использует специальные переводческие приемы, такие как конкретизация и генерализация, вследствие чего может изменяться и коннотация глаголов.

Для определения основных типов предикатов исследуемых ЛСГ была использована классификация Л.А. Львова, который выделяет пять основных типов предикатов: качества, состояния, процесса, действия, события, деятельности [1].

Среди ЛСГ английских комитативных глаголов были выделены три вида предикатов:

- 1) предикаты действия, обозначающие предельный управляемый процесс;
- 2) предикаты состояния, обозначающие временный признак,

3) предикаты деятельности, обозначающие неопределяемый управляемый процесс.

К *действиям* относятся комитативный предикат расторжения брака to divorce, предикаты заключения брака to marry, to elope, предикаты завершения отношений to break up, to split up, to part, to separate, а также предикаты обмена to swap, to trade, to exchange.

К *состояниям* относятся предикаты совместимости (to agree, to match, to tally, to correspond, to coincide) и несовместимости предметов и явлений (to clash, to collide, to conflict, to contrast).

К предикатам *деятельности* относятся все оставшиеся группы предикатов: совместной работы, поддержания дружеских отношений, обсуждения, ведения разговора и спора.

Комитативные глаголы подразумевают несколько партиципантов, совершающих равноправное действие друг над другом, поэтому в глубинной семантической структуре предложений, содержащих такого рода лексические единицы, отображающие их аргументы выполняют сложную семантическую функцию агента-пациента, но это уже предмет другого исследования, которое должно проводиться в рамках не лексической, а синтаксической семантики.

Библиографический список

1. Львов Л.А. К определению основных типов глагольных предикатов // Семантика и функционирование английского глагола: межвузовский сборник научных трудов. Горький, 1985. С. 81-90.
2. Никитин М.В. Лексическое значение в слове и словосочетании: Спецкурс по общей и английской лексикологии. Владимир, 1974.
3. Никитин М.В. Лексическое значение слова (структура и комбинаторика): Учеб. пособие для пед. Вузов по спец. № 2103 «Иностр. яз.». М.: Высш. Школа, 1983.
4. Основы компонентного анализа / О. С. Ахманова, И. А. Мельчук, М. М. Глушко и др.; под ред. Э. М. Медниковой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969.
5. Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. – М.: Наука, 1985. – 272 с.
6. Чейф У. Значение и структура языка. - М.: Прогресс, 1975. – 432 с.
7. Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. – М: Прогресс, 1981. Вып. 10. С. 369-495.
8. Ch. Fillmore. The Case for Case // Universals in Language. – New York: Holt, Rinehart & Winston, 1968. – pp. 1 – 88.
9. D. Keyes. The Minds of Billy Milligan. L.: Bantam, 1994 – 684 с.
10. Д. Киз. Множественные умы Билли Миллигана. М.: Эксмо, 2010 – 364 с.
11. Ken Kesey. One Flew Over the Cuckoo's Nest. L.: Penguin Classics, 2003 – 487 с.
12. Кен Кизи. Пролетая над гнездом кукушки. М.: Эксмо, 2012 – 452 с.
13. John Fowles. The Collector. L.: Back Bay Books, 1996.
14. Джон Фаулз. Коллекционер. М.: АСТ, АСТ Москва, 2007.
15. Julian Barnes. A History of the World in 10 1/2 Chapters. L.: Vintage, 1990.
16. Джулиан Барнс. История мира в 10 ½ главах. М.: АСТ, АСТ Москва, 2006.
17. J. K. Rowling. Harry Potter and the Goblet of Fire. L.: Scholastic Paperbacks, 2009 – 738 с.
18. Дж. К. Роулинг. Гарри Поттер и Кубок огня. М.: Росмэн-Пресс, 2008.
19. J. K. Rowling. Harry Potter and the Chamber of Secrets. L.: Scholastic Paperbacks, 2006. - 641 p.
20. Дж. К. Роулинг. Гарри Поттер и Тайная комната. М.: Росмэн-Пресс, 2007.
21. UNESCO: Report by the Director-General on the execution of the programme adopted by the General Conference, 19 march 2004 // Электронный ресурс Интернет: <http://unesdoc.unesco.org/images/0013/001340/134016e.pdf>
22. UN Security Council: Nineteenth progress report of the Secretary-General on the United Nations Operation in Côte d'Ivoire, 8 January 2009 // Электронный ресурс

Интернет:[http://daccess-dds-](http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N09/000/31/PDF/N0900031.pdf?OpenElement)

[ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N09/000/31/PDF/N0900031.pdf?OpenElement](http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N09/000/31/PDF/N0900031.pdf?OpenElement)

23. UN Security Council: Letter dated 21 December 2007 from the Permanent Representative of the United States of America to the United Nations addressed to the Chairman of the Committee, 12 April 2010 // Электронный ресурс Интернет: http://www.nti.org/media/pdfs/united-states-1540-additional-report-2.pdf?_=1316637036
24. UN Committee on Economic, Social and Cultural Rights (CESCR), Concluding observations on the 3rd periodic report of Japan, adopted by the Committee at its 50th session, 29 April-17 May 2013 // Электронный ресурс Интернет: <http://www.refworld.org/docid/52d54b6f4.html>

УДК 811.111-26

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ГОЛОФРАСТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДЖЕКА КЕРУАКА «ON THE ROAD» И «THE DHARMA BUMS»)

Загидуллина Рината Робертовна, Безуглова Ольга Андреевна

Казанский Федеральный Университет, г. Казань

me_sourire@mail.ru, oabezuglova@gmail.com

THE PECULIARITIES OF TRANSLATION OF HOLOPHRASTIC CONSTRUCTION FROM ENGLISH INTO RUSSIAN (ON THE MATERIAL BASIS OF «ON THE ROAD» И «THE DHARMA BUMS» BY JACK KEROUAC)

Zagidullina Rinata Robertovna, Bezuglova Olga Andreevna

Kazan Federal University, Kazan

Аннотация

Цель данной статьи — выявить особенности перевода голофрастических конструкций с английского языка на русский. В процессе исследования мы прибегли к стилистическому и семантико-грамматическому анализу конструкций и сравнили исходный материал с переводом. В результате проделанной работы были выявлены некоторые способы перевода голофрастических конструкций, а также особенности их употребления в исходном тексте и преобразования в русском варианте.

Ключевые слова: голофразис, голофрастическая конструкция, перевод

Abstract

The aim of the article is to reveal peculiarities of translation of holophrastic constructions from English into Russian. In the process of our research, we applied methods of stylistic, semantic and grammatical analysis of the constructions, and compared the source material with the translation. As a result, we identified some means of translation of holophrastic constructions, peculiarities of their usage in the source material and their transformations in the Russian version.

Keywords: holophrasis, holophrastic constructions, translation

Голофрастические конструкции — окказиональные сочетания слов, и даже целых предложений, выступающие в роли единой синтаксической единицы. В современной лингвистике данные конструкции вызывают особый интерес. Как правило, большинство голофрастических конструкций встречается в художественных текстах, так как обладают экспрессией и, в какой-то мере являются отражением авторского стиля. В русском языке такие конструкции практически не встречаются, однако, в иноязычных текстах это нередкое явление. И.В. Арнольд выделяет голофразис (или «quotation compound») как отдельную группу сложных слов в английском языке. К этой группе относятся элементы или фразы, объединенные по атрибутивной функции и впоследствии соединенные фонематически ударением, графически дефисом или слитные в написании [3, с. 122]. Словарь

лингвистических терминов О.С. Ахмановой дает несколько терминов для данного способа образования слов: инкорпорация, инкапсуляция, агломерация, икорпорирование и голофразис [5; с. 173]. Мы остановимся на последнем термине, чтобы избежать путаницы с процессом словообразования в инкорпорирующих языках.

Исходя из вышесказанного, мы определяем окказиональные голофрастические конструкции как *объект* нашего исследования. Несмотря на достаточную изученность голофрастических конструкций со стороны лексикологии, они мало исследованы как объект стилистики и переводоведения. *Предметом* же нашего исследования является перевод окказиональных голофрастических конструкций с английского языка на русский, в чем состоит *актуальность* работы. Исследование строится на *материале* произведений американского писателя Д.Керуака «The Dharma Bums» и «On the Road» и их переводов, выполненных М. Немцовым и В.Коганом соответственно.

Д. Керуак считается ярким представителем «бит-поколения». Ему присуща особая свободная и абстрагированная от всех правил манера письма, которая позволяет говорить о нем как об инноваторе и выделять среди ряда других писателей того времени.

В процессе работы переводчик сталкивается со множеством проблем, так как нужно не только сохранить смысл, но и передать авторский стиль, культурные и временные реалии, чтобы перевод можно было назвать адекватным. В связи с этим перевод произведений писателей, принадлежащих «бит-поколению», становится особо интересен. Переводов «битников» на русский язык не так много, так как их произведения пестрят неологизмами, сленгом, игрой слов, повествование порой нелогичное, скомканное и отрывистое, что соответствовало часто используемым ими приемам — «спонтанной прозе» (Керуак) и «методу нарезок» (У. Берроуз). Однако Керуак на русский переводился чаще других ярких представителей «битников» - У. Берроуза и А. Гинзберга. Впервые отрывки из романа «On The Road» («На дороге») появились в 1960 году. Рассмотренный нами перевод В.Когана («В дороге») появился в середине 90-х годов и многими признается лучшим. Роман «The Dharma Bums» («Бродяги Дхармы») в это же время одной из первых перевела А.Герасимова и уже в 2000-х в свет вышел вариант М.Немцова.

Голофрастические конструкции включают в себе множество функций, и, в первую очередь, отражают особенность авторского стиля. Перевод имеет тесные связи со стилистикой, так как для адекватного перевода не достаточно просто передать смысл, важно отразить все языковые особенности оригинального текста.

Если говорить о способах перевода, то здесь имеет место быть как дословный, или буквальный перевод, так и описательный, отражающий содержание, для которого характерно целостное осмысление текста.

Так, например, в романе «Бродяги Дхармы» встречается конструкция «goin-to-the-city», которая является фразовым эпитетом, с точки зрения стилистики: «... which was his small "goin-to-the-city" knapsack as apart from his big full rucksack complete with sleeping bag, poncho, and cookpots» [2]. Следующим образом конструкция передана в переводе: «...то был его маленький «выходной» рюкзак «для города», в отличии от здорового рюкзака в комплекте со спальником, пончо и котелками» [6, с. 15]. По сути перевод можно назвать дословным, за исключением незначительной грамматической трансформации — замена части речи одного из элементов («goin»): герундий трансформируется в прилагательное, что позволяет сохранить стилистическую функцию конструкции – эпитет.

В романе «На дороге» также есть голофрастическая конструкция, выступающая в роли фразового эпитета: «I knew it was Dean's *high-eternity-in-the-afternoon* Proust» [1]. «В ней я узнал *вековечного слепопуденного* Пруста» [7, с. 439]. Здесь присутствует частичная лексическая трансформация: если перевод второй части конструкции «in-the-afternoon» дословный, то перевести дословно «high-eternity» не представляется возможным, поэтому переводчик воспользовался приемом целостного преобразования. Трудность состоит скорее в переводе самого первого элемента «high». Несмотря на это, стоит отметить, что использование определения «вековечный» вполне оправдано и адекватно отражает смысл,

так как это любимая книга героя, которую он читал и перечитывал, разъезжая по всей стране. Также есть и грамматическая трансформация, которая происходит при переводе всех фразовых эпитетов, так как сама голофрастическая конструкция состоит из элементов, которые принадлежат к разным частям речи, а эпитет в русском языке в большинстве своем выражается прилагательным.

К голофрастическим конструкциям мы отнесли и фразовый эпитет «*fatty-boomboom*». Это один из наиболее выразительных фразовых эпитетов во всем произведении, подчеркивающий комичность и противоречивость образа: «...he was deceptively scholarly looking or *fatty-boomboom* looking but he was a real man» [2]. При переводе был использован прием целостного пробразования: «...он выглядел как очкарик-жиропупокомбинат, но вид обманчив, он был настоящий человек» [6, с. 112]. В данном случае перед нами уже не эпитет, а сравнение. Переводчик соединил два однородных определения в одно составное существительное. Интересуемая же нас голофрастическая конструкция по сути переведена во второй части этого существительного сложным словом «жиропупокомбинат». Можно предположить, что переводчик использует такое экспрессивное слово, чтобы подчеркнуть тот факт, что персонаж был похож на школьника. А выражение «очкарик-жиропупокомбинат» как раз можно отнести к подростковой лексике.

Помимо голофрастических конструкций, выступающих в роли фразовых эпитетов, нами были обнаружены и номинативные конструкции, берущие на себя функции существительного. Например: «I didn't realize this till he and I and Marylou and Dunkel left the house for a brief *spin-the-Hudson...*» [1]. Несомненно, как и фразовый эпитет, такая конструкция также обладает повышенной экспрессией. Однако в данном случае при переводе она была потеряна в связи с грамматической трансформацией (замена члена предложения): «Дошло это до меня только тогда, когда мы с ним, Мерилу и Данкелом вышли из дома прокатиться на «хадсоне»...» [7, с. 160]. Конструкция теряет свою номинативность. Также использован прием смыслового развития: «*spin*» превращается в менее яркое «прокатиться», которое вбирает в себя и смысл предыдущего слова «*brief*». Также стоит обратить внимание на передачу имени собственного (*Hudson* — марка автомобиля). Слово дано с маленькой буквы и графически выделено кавычками.

Вот еще один пример подобной конструкции: «He was conning me and I knew it (for room and board and "how-to-write," etc.)» [1]. «Он надувал и меня, и я это знал (из-за жилья, харчей и того, «как-надо-писать»)»...» [7, с. 12]. В целом перевод можно назвать дословным. Переводчик даже сохраняет оригинальную конструкцию со всеми ее графическими выделениями. Однако предлог «*to*» заменяется предикативом «надо». Скорее всего, это связано с тем, что данный предлог не переводится на русский, а для сохранения конструкции нужно было три элемента. Стоит отметить, что, проанализировав оба романа, мы больше не обнаружили такого же сохранения голофрастической конструкции при переводе.

Итак, проанализировав все найденные нами голофрастические конструкции в романах Джека Керуака, а также их переводы на русский язык, можно сделать следующие выводы:

1. Чтобы перевод голофрастической конструкции был адекватным, необходимо обратить внимание не только на ее значение, но и на ее стилистическую функцию в тексте.
2. Так как передать на русский язык особую экспрессию таких конструкций практически невозможно, голофрастические конструкции можно считать примером безэквивалентной лексики.
3. Наиболее распространенные способы перевода голофрастических конструкций — дословный перевод и использование переводческих трансформаций, вызванных целостным осмыслением текста.

Библиографический список

1. Jack Kerouac. ON THE ROAD. 1955
2. Jack Kerouac. THE DHARMA BUMS. 1959
3. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка: учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. - 3-е изд., перераб. И доп. - М.: Высш. шк., 1986. -295с., ил. - На англ.яз.
4. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов. - 5-е изд., испр. и доп. - М.: Флинта: Наука, 2002. - 384с.

5. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. - М.: «Советская энциклопедия», 1966.
6. Бродяги Дхармы: роман/ Джек Керуак; пер. с англ. М. Немцова. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. - 288с.
7. В дороге: роман/ Джек Керуак; пер. с англ. В. Когана. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. - 448с.
8. Репкер Я.И. Пособие по переводу с английского языка на русский язык.- 3-е изд., перераб. и доп. - М.: Просвещение, 1982. - 159 с. - В надзаг.: Гос. центр. курсы заоч. обучения иностр. яз. «ИН-ЯЗ».
9. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): Для институтов и факультетов иностр. Языков. Учеб. пособие. - 5-е изд. - СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: ООО «Издательский Дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», - 2002. - 416 с.

УДК 81

К ВОПРОСУ О СВОЙСТВАХ СЕМАНТИЧЕСКИ УНИКАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Олейник Роман Валерьевич

Башкирский государственный педагогический университет им. М.Акмоллы, г.Уфа
romangoose@rambler.ru

ON THE ISSUE OF THE PROPERTIES OF SEMANTICALLY UNIQUE IDIOMS

Oleynik Roman Valeryevich

M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University, Ufa

Аннотация

В предлагаемой статье анализируется роль фразеологии как наиболее специфичной и национально-самобытной области языка в формировании языковой картины мира. Исходя из того, что в образном содержании фразеологического состава языка воплощено культурно-национальное мировидение, автор рассматривает национально-культурную специфику фразеологизмов. Кроме того, рассмотрению подвергаются этнолингвокультурная и этнолингвокогнитивная специфичность как свойства семантических уникалий во фразеологии.

Ключевые слова: семантическая универсалия, семантическая уникалия, этнолингвокультурная специфичность, этнолингвокогнитивная специфичность.

Abstract

The article analyzes the role of phraseology as the most specific and nationally distinctive linguistic area in the formation of the linguistic view of the world. On the basis that the figurative content of the phraseological structure of a language embodies the cultural and national world-view, the author considers the national and cultural specificity of phraseological units. Besides, the ethnoinguocultural and ethnoinguocognitive specificity as the properties of the semantically unique idioms are being considered.

Keywords: semantic universal, semantically unique idiom, ethnoinguocultural specificity, ethnoinguocognitive specificity.

В семантическом аспекте фразеологическая система (как и любая другая подсистема языка) обладает особым единством общего (универсального) и исключительного, т.е. семантически уникального, характерного только для определенной лингвокультуры. С этой точки зрения ее исследование в свете теории фразеологических универсалий и исключений представляется весьма актуальным и открывает новые перспективы, как для лингвистики универсалий, так и для фразеологической теории в целом. То есть, если

универсалии – это общие свойства языков то уникалии – это специфические, неповторимые свойств конкретного языка.

Каждый этнос имеет свой оригинальны взгляд на мир, проявляющийся не только через культуру, но и через язык. Две эт встречные тенденции и порождают лингвокультуру. Лингвокогнитивные механизмы в свою очередь, детерминированы своеобразием национального мировидения, неповторимостью и уникальностью мышления народа, отраженные в языковых единицах. Каждый из указанных выше атрибутов отображается в национальной фразеологии. Поэтому представляется естественным различать два вида специфичности в уникальной фразеологии: **этнолингвокультурную** и **этнолингвокогнитивную** специфичность.

Этнолингвокультурная специфичность уникальных фразеологизмов обусловлена особенностями национального языка и культуры. То есть, наряду с самобытностью внутренней формы, наличием этнокультурных реалий, превалирует именно семантическая исключительность идиом, которые «одеваются в «языковые одежды», отличающиеся не только по форме и фасону, но и по самом материалу, из которого они изготавливаются» [1, с. 260].

Этнолингвокогнитивная специфичность семантических исключений в фразеологии детерминирована своеобразием национального мировидения. Когнитивно обусловлена специфичность фразеологизмов, которые фиксируют феномены, замеченные фразеологией лишь одного из сопоставляемых языков и проигнорированные фразеологией другого, фразеологизмов, объективирующих отличия в детальности восприятия одних и тех же феноменов действительности, а также фразеологизмов, которые базируются на моделях переосмысления, не имеющих когнитивных аналогов во фразеологии языка сопоставления.

Таким образом, сознание, являясь вербализованной формой социального опыта, выступает когнитивной базой культуры, ее смыслообразующим средством [3]. В связи с этим особым содержанием наполняется суждение, высказанное в работе А.А. Пелипенко и И.Г. Яковенко (1998): смысловое пространство культуры и человеческого сознания задается границами выразительных возможностей ее знаковых систем, прежде всего лингвосемиотической. А определенным образом структурированная совокупность знаний и представлений, принадлежащих в той или иной степени всем членам этноязыкового сообщества, служит когнитивной базой ментальности народа [2].

Итак, этноспецифичность является культурно обусловленной и отражает ментальные (когнитивные) характеристики носителей конкретного языка. Соответственно, в концепте и в когнитивных моделях (в состав которых входит концепт и/или его обозначение) отражаются наиболее существенные (важные, релевантные для менталитета носителей данного языка) признаки. Эти признаки проявляют этноспецифичность накопленных носителями конкретного языка на протяжении длительного времени единиц и структур знания (основанных на опыте и на логических операциях, выводах), то есть представляют собой фонд знаний, отражающий (культурно обусловленную) наивную картину мира.

Проблема культурных и языковых контактов, в то числе взаимодействие идиоматики и культуры, является едва ли не одной из самых сложных запутанных и противоречивых проблем современной лингвистики, которая в частности, обуславливается глобализацией межкультурного пространства, что ведет к нивелированию этноязыковых различий и в такой законсервированно сфере языковой системы, как фраземика. Наряду с эти сохраняются существенные фразеологические различия в национальных образа мира, обусловленные множественностью языковых картин мира доминантной средой бытования этноса, расхождениями в концептуализации действительности средствами идиоматики разных языков.

В сложившейся ситуации особую значимость приобретают проблемы универсального

и уникального во фразеологических системах разных языков выработки новых подходов к их исследованию, описанию методов их анализа и интерпретации в целях построения парадигмы миропонимания с позиций взаимодействия языка и культуры

Библиографический список

1. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд. испр. и доп. — М.: ЧеРо, 2003. — 34 с.
2. Пелипенко А.А., Яковенко И.Г. Культура как система. — М.: Языки русской культуры, 1998. — 376 с.
3. Петренко В.Ф. Психосемантика сознания / В.Ф. Петренко. — М.: изд-во Моск. ун-та, 1988. — 208 с.

УДК 81.37

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГЛАГОЛОВ СОХРАНЕНИЯ В СФЕРЕ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО, НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)

Степанова Елизавета Дмитриевна

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград
elizavetastepanova85@mail.ru

SEMANTIC CHARACTERISTICS OF VERBS OF CARE IN CHARITY SPHERE (ON THE MATERIAL OF THE RUSSIAN, ENGLISH AND GERMAN LANGUAGES)

Stepanova Yelizaveta Dmitrievna
Volgograd State University, Volgograd

Аннотация

В статье представлен сопоставительный анализ результатов семантического исследования глаголов сохранения в сфере благотворительной деятельности. Глаголы характеризуются с позиций парадигматики, синтагматики, а также этимологии языковых единиц.

Ключевые слова: когнитивная модель, семантика, парадигматика, этимология, помогать, благотворительная деятельность.

Abstract

In the article there is given the comparative analysis of the results of semantic research of verbs of care in charity sphere. The verbs are characterized from the positions of paradigmatic and syntagmatic study, as well as language units' etymology.

Key words: cognitive model, semantics, paradigmatics, etymology, help, charity.

Любое посессивное отношение предполагает субъекта, объекта и собственно отношения между ними, т.е. определенные действия субъекта с объектом. Наличие посессивных отношений указывает на наличие отношения к собственности. Языковыми единицами, которые выражают отношения между субъектом-хранителем и объектом, им сохраняемым, являются во всех трех языках глаголы. В значении глагола отмечается наличие субстанциональных сем, отражающих ролевые признаки участников обозначаемой глаголом ситуации и представляющих лексико-синтаксическую часть его значения.

Посессивные ситуации хранения, увеличения и уменьшения собственности могут быть представлены в виде когнитивной модели «субъектно-объектные отношения сохранения». Согласно мнению И.Н. Ремхе, модель является структурой, обладающей объяснительной силой и изображаемой с этой целью в виде схем, объясняющих поведение наблюдаемой ситуации [2, с. 95]. Идея создания когнитивных моделей языка основывается на постулировании того, что наши знания организуются с помощью определенных структур.

Когнитивная модель «субъектно-объектные отношения сохранения» состоит из следующих субмоделей: «собственно сохранение», «сохранение с увеличением», «сохранение с уменьшением». В данной статье рассматривается субмодель «собственно сохранение», которая, в свою очередь, представлена структурным квалификатором «в сфере благотворительной деятельности». Данный квалификатор репрезентируют глаголы, обозначающие сохранение объекта из-за гуманных намерений, с целью благотворительности. Анализ проводится с точки зрения парадигматики, синтагматики и этиологии, семантическое описание языковых единиц происходит от ядра к периферии.

В русском языке базовым глаголом в рамках данного квалификатора мы считаем глагол *помогать*, который относится к глаголам социальных отношений, группе помощи со следующей семантикой: помогать объекту в осуществлении чего-либо, оказывать поддержку, содействовать, способствовать [1, с. 579-580]. Рассмотрим другие глаголы. В семантике общевозвратного непереходного глагола *заботиться* подполя межличностных отношений, группы глаголов эмоционально-оценочного отношения эксплицируется внимательное отношение субъекта к объекту, чаще всего одушевленному, уход за ним, забота о благополучии, сохранении, например, душевного равновесия. Непереходный предложный глагол *ухаживать*, который относится к глаголам внешнего проявления отношений, выражает заботу об объекте, оказание помощи, услуги, присмотра: *ухаживать за больным, ухаживать за цветами*; сбережение чего-либо, поддерживая в хорошем состоянии, создавая благоприятные условия: *Видимо она следила за собой, ухаживала* [3,16, 1099].

В английском языке оказание поддержки, содействия, пользы объекту выражено в семантике транзитивного глагола *to help*, который мы считаем базовым. Глагол *to help* образован от древнегерманского *helpan* – «снабдить кого-либо едой» [7], в настоящее время глагол имеет значение «помогать, делать что-либо для другого человека, для его благополучия, пользы»: *Tom has to help his father, who is too old to work*, в данном примере в семантике глагола интегральная сема характера сохранения реализуется как 'оказывая необходимую помощь'. В данную группу глаголов мы включили также составной интранзитивный предложный глагол *to take care (of)*, имеющий значение заботы, ответственности за объект, и предложный глагол *to think (of)*: *She is always thinking of children*. Уход за объектом (одушевленным), который болен, ранен и т.д., выражен в семантике транзитивного глагола *to nurse*, составного глагола *to look (after)*.

В семантике базового глагола *helfen* в немецком языке выражено действие субъекта, который каким-либо образом через непосредственное участие способствует достижению объектом определенной цели, поддерживает его, облегчает его труд: *dem Bruder bei den Schularbeiten helfen; ich habe ihm tragen geholfen* [5,10, 329], неперидикативный глагол *helfen* может быть согласован с косвенным дополнением в дательном падеже, а также инфинитивом в функции дополнения, перфектная форма глагола указывает на предельность, завершенность действия. Забота об объекте обозначена в немецкой языковой картине мире интранзитивными, возвратными глаголами *sich sorgen (um), sich kuenmmern (um)*. Характеристика поддержки объекта, возможно материальной, эксплицируется в семантике глагола *sorgen (fuer)*: *sie sorgt fuer ihre Schuetzlinge*; забота и уход особенно за больными, нуждающимися в помощи – в переходном глаголе *pfliegen: einen Kranken pfliegen*.

Обратимся к анализу некоторых других глаголов помощи объекту. Помощь недееспособным людям (детям, больным), забота о них, охрана их личных и имущественных прав, интересов – в русском языке данный вид деятельности выражен переходным глаголом несовершенного вида *опекать*, приставка *о-* указывает на то, что действие глагола распространяется на весь объект. Действия субъекта, назначаемого органами опеки для ухода, заботы по отношению к несовершеннолетним или недееспособным, выражены в семантике глагола *попечительствовать*, который относится к официальному стилю. Глагол *попечительствовать* – производный от общевозвратного глагола книжного стиля *печься*, общевозвратный глагол *попечься* о ком-, чем-либо, употребляется в разговорной форме –

«позаботиться»: *Попекись о родных*. В дореволюционной России данный глагол употреблялся для выражения деятельности в благотворительных учреждениях для оказания помощи кому-либо.

Устаревший глагол книжного стиля *покровительствовать* восходит к глаголу *покровити* – «защищать» [4,350], в семантике данного глагола выражена защита, протекция сильным слабому: *Раскольникам они покровительствовали в особенности, потому что они сами тоже придерживались старины...* (Мамин-Сибиряк). Глагол применяется и в других сферах жизни: *покровительствовать наукам и искусствам; покровительствовать животным*. Непереходный глагол книжного стиля *патронировать* также употребляется носителями русского языка для обозначения заступничества, защиты, протекции, оказываемой влиятельным или сильным слабому. Значение «приносить в дар, делать вклады куда-нибудь, дарить» выражено в семантике глагола *жертвовать*: *жертвовать на монастыри; жертвовать в пользу бедных* и глагола *поддерживать* – «дав возможность существовать»: *Но заводы были поддержаны гуляевскими капиталами, хотя поступали под его полную опеку* (Мамин-Сибиряк).

Действие, направленное на помощь субъекта недееспособным людям, носители английского языка обозначают словосочетаниями *to be guardian (to), to have the wardship (of)*; составным глаголом *to watch (over)*; в переносном значении – *to take care (of)*; транзитивным глаголом *to patronize*, в семантике которого выражено значение моральной или физической поддержки объекта: забота, опека, покровительство.

В немецкой лингвокультуре помощь субъекта недееспособным людям (детям, больным), забота о них, охрана эксплицируется в семантике словосочетания *als Vormund (als Treuhaender) verwalten*, транзитивного глагола *betreuen*; интранзитивного – *sorgen (fuer)*. В переносном значении данное действие ассоциируется с действием, направленным на хранение, сбережение объекта, и выражено транзитивными глаголами *behueten, bevormunden*. Глагол *bevormunden* имеет несколько другой оттенок значения опеки: субъект определяет, что объект должен делать, влияет на его решения; иногда имеет эксплицитно негативное значение, являясь синонимом глагола *manipulieren*: *ich lasse mich nicht laenger von dir bevormunden*. Покровительство эксплицируется в семантике глагола защиты *beschuetzen* – «отводить опасность от объекта»; глагола *foerdern* (от древневерхненемецкого *furdiren*) – «приводить дальше, вперед» [6,7, 199], в современном немецком языке обозначает действие, которое способствует развитию, продвижению объекта, его успехам: *er hat viele junge Kuenstler, unsere Arbeit gefoerdert* [5,10, 263].

Итак, во всех лингвокультурах актуализируется помощь, гуманное отношение субъекта к объекту прежде всего одушевленному. Оказание помощи объекту ассоциируется в русской лингвокультуре с поддержкой, содействием объекту в чем-либо, в английской – с оказанием поддержки, пользы объекту, в немецкой – с достижением объектом определенной цели. Виды оказываемой помощи во всех анализируемых языках тождественны, они имеют форму опеки, попечительства, покровительства. Действие субъекта по оказанию помощи объекту выражено не только глаголами социальных отношений, наблюдения и эмоционального воздействия на объект, но и глаголами защиты (в немецком языке), однако все анализируемые глаголы имплицитно сбережение, защиту объекта. Можно сделать вывод о сходном отношении носителей данных языков к оказанию помощи нуждающимся.

Библиографический список

1. Бабенко Л.Г. Толковый словарь русских глаголов : Идеографическое Описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. Л.Г. Бабенко. – М. : АСТ ПРЕСС, 1999. – 704 с.
2. Ремхе И.Н. Статус модели в лингвистических науках и ее реализация в когнитивном моделировании языка / И.Н. Ремхе // Вестник Челябинского государственного университета. – 2007. – N 8. – С. 94-98.
3. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – М.; Л. : Наука, 1948-1965.

4. Шанский Н.М. Краткий этимологический словарь русского языка / Н.М. Шанский. – М. : Просвещение, 1971. – 542 с.
5. Duden Bedeutungswoerterbuch / Aufl.von Guenther Drosdowski. – 2, voellig neu bearb. u. erw. – Bibliographisches Institut Mannheim etc. : Dudenverlag, 1985. – Bd. 10.
6. Duden Etymologie Herkunftsworerbuch der deutschen Sprache / Aufl.von Guenther Drosdowski. – 2, voellig neu bearb. u. erw. – Bibliographisches Institut Mannheim etc.: Dudenverlag, 1989. – Band 7.
7. Harper D. Etymology Dictionary [Электронный ресурс] / D. Harper. – 2001-2010. – Режим доступа: <http://www.etymonline.com/>.

Список источников

1. Мамин-Сибиряк Д.Н. Приваловские миллионы; Золото / Д.Н. Мамин-Сибиряк. – М.: Худож. лит., 1989. – 591 с.

Электронное научное издание

**ФИЛОЛОГИЯ И ЛИНГВИСТИКА:
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И
ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ**

Сборник научных трудов
по материалам I Международной
научно-практической конференции

25 февраля 2016 г.

По вопросам и замечаниям к изданию, а также предложениям к
сотрудничеству обращаться по электронной почте mail@scipro.ru

Подготовлено с авторских оригиналов

ISBN: 978-5-00-005561-6

Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 3.3. Тираж 500 экз.
Издательство Индивидуальный предприниматель Краснова
Наталья Александровна
Адрес редакции: Россия, 603186, г. Нижний Новгород, ул.
Бекетова 53.